

Ханна Линн

Перевод Анастасии Воронцовой

ДИТЯ АФИНЫ

фэнтези

МИОО

STONE HEDGE

Red Violet. Темный ретеллинг

Ханна Линн

ДИТЯ АФИНЫ

Перевод с английского Анастасии Воронцовой

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

STONE HEDGE

УДК 821.111-312.9(410)
ББК 84(4Вел)6-445.13
Л59

**Original title:
Athena's Child
by Hannah Lynn**

На русском языке публикуется впервые

Линн, Ханна

Л59 Дитя Афины / Ханна Линн ; пер. с англ. А. Воронцов. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 240 с. — (Red Violet. Темный ретеллинг).

ISBN 978-5-00195-820-8

Среди острых скал одинокого острова поселился кошмарный монстр. Бесчисленное количество воинов погубило чудовище, бывшее когда-то прекрасной жрицей Медузой.

Как красота обратилась в нечто столь безобразное? Как любящее сердце выгорело дочерна? И что, если монстр — это жертва, а герой-победитель — убийца?

Пришло время услышать голос Медузы.

УДК 821.111-312.9(410)
ББК 84(4Вел)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-820-8

© Text copyright © 2020 Hannah Lynn.
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2023

STONE HEDGE

ПРОЛОГ

Есть люди, которые считают, что монстры рождаются монстрами. Что некоторые создания уже появляются на этой Земле с тьмой в сердце столь всепоглощающей, что любовь ни одного простого смертного не могла бы ее усмирить. Они считают, что такие души неспособны достичь искупления и не заслуживают его. Это чудовища, несущие хаос всем на своем пути. Мстительные и полные ненависти, они не достойны ничего, кроме нашего презрения.

Вероятно, так и есть. Вероятно, все монстры такими и рождаются. Но в то же время, может, это только способ спрятать тьму, что таиться внутри каждого из нас. Тьму, которую мы заставляем себя скрывать от мира, потому что не в силах даже вообразить, какие ужасающие злодеяния случатся, если мы позволим этой тьме разрастись. Потому что такова общеизвестная правда. Тьма разрастается.

Все было бы проще, если бы она не разрасталась. Эта история во многом была бы проще, пояись тьма в ней иным путем. Но она появилась так. Медуза выросла среди монстров, но не родилась одной из них.

STONE HEDGE

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

STONE HEDGE

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стоя на пороге, три фигуры смотрели, как оседают в воздухе клубы пыли. Они хранили молчание, но эта тишина не была мирной и уютной. Это была тишина, отягощенная размышлениями, невысказанным вопросом, ответ на который все знали, но никто не хотел произносить вслух.

Зелень весны уже сменилась летним зноем. Длинные тени кипарисов прочертили линии на сухой пыльной земле, а запах переспелых плодов делал воздух вокруг них сладким. Сморщенные ягоды усыпали землю, служа превосходным пиром для насекомых, которые сновали по камням и грязи. Солнце уже начало садиться,

но вечерний воздух все еще был по-дневному влажным. Семья смотрела, как лошадь со всадником исчезают за горизонтом; по их лицам и спинам струился пот.

— Нам стоит учесть этот вариант, — сказала мать, Аретафила.

Первой всегда говорила она. Ее слова звучали резко и бесчувственно, словно обсуждалась не более чем сделка, продажа на рынке, — что, конечно, соответствовало истине. Притворяться, будто в этом таилось нечто большее, просто нелепо.

— Нет, не стоит. И мы не станем его учитывать. — Впервые после прощания с гостем Фалес и его жена встретились глазами.

— Нельзя продолжать откладывать. Нам повезло. Это хорошая партия.

— Почему ты так говоришь? — резко спросил Фалес.

— У меня все-таки есть опыт в подобных делах, — ответила Аретафила.

Пара посмотрела на девочку, стоявшую между ними.

— Иди в дом, — сказала Аретафила старшей дочери. — Найди сестер. Позаботься, чтобы они не перепачкались. И сегодня нам не придется беспокоиться о готовке. Мы прекрасно обойдемся дарами нашего гостя.

Медуза отвела взгляд от линии горизонта. Коротко кивнув матери, она повернулась, собираясь уйти.

— Но сначаланими его. — Отец указал на дорожное ожерелье, обвитое вокруг ее шеи. Медуза, подняв руку, дотронулась до украшения. Не говоря ни слова, сняла нить блестящих драгоценных камней через голову и передала отцу, а после скрылась в глубине дома.

Тот всадник был уже третьим посетителем, которого они принимали за месяц, и пока что самым богатым из всех. Он привез с собой корзины инжира, вино, оливки, мясо и драгоценности. А еще ожерелье, инкрустированное золотом и таким количеством гранатов, какого никто из семьи не видел за всю свою жизнь. За него они выручат больше денег, чем их хозяйство принесет за три года. Фалес кинул взгляд на украшение, и его бросило в дрожь.

— Аретафила, — сказал он, взяв ладонь жены в свою, — что же нам делать? Ты правда веришь в то, что говоришь? Что это хорошая партия?

Она медленно кивнула:

— Да. Он был обходителен. У него хорошая репутация. И ум. Не все столь одарены.

— Ум означает проницательность, коварство, — возразил Фалес. — Он вдвое меня старше, даже чуть больше. Чем мужчину такого возраста может заинтересовать тринадцатилетняя девочка?

В молчании жены он услышал все ответы, которых боялся.

Какое-то время только цикады и дрозды нарушали повисшую тишину; наконец Аретафила, выпустив воздух из легких, вздохнула:

— Это может быть не так ужасно, как тебе кажется, Фалес. Многим везет. Мне повезло. Моей семье повезло. Ты не можешь вечно держать при себе всех наших девочек из-за судьбы твоей сестры.

— Всех я и не держу. Только Медузу, — просто-на-нал Фалес, потирая переносицу. — О, какая тяжкая ноша — дочери! Знал бы я, как это все будет мучительно, утопил бы сразу после рождения.

Аретафила стремительно развернулась к мужу.

— Ты бы этого не сделал, — резко сказала она.

Фалес грустно засмеялся:

— Конечно нет. Я бы не смог отправить ее на дно реки тогда, и теперь не могу отправить ее к волкам. Такая вот глупость. Говоришь, тебе повезло с замужеством? Хороший муж не изводился бы из-за таких пустяков.

Аретафила положила руку на локоть мужа.

— Это не пустяки, твое беспокойство говорит о твоём добром сердце. Но они не все волки, Фалес. Не все.

Фалес шагнул к дороге; ветер уже стер с песка следы подков.

— Ты ошибаешься, любимая. Хотел бы я, чтобы все было как ты говоришь, но это не так. Они облизывают губы, когда видят ее. Это не мужчины. Это змеи, которые ищут себе самые свежие яйца. И когда находят, то разбивают их, поглощают содержимое, и оставляют лишь пустые оболочки. Я это сердцем чувствую. Каждым своим вздохом. Всякий раз, когда смотрю на нее. Митрис была

на целый год старше Медузы и только наполовину так же красива. Моя дочь не должна повторить судьбу моей сестры.

— Но что тогда, Фалес? Что ты прикажешь нам делать?

Путешествие вышло длинным; четыре дня на ногах — и ни капли дождя, который бы облегчил зной, и еще меньше тени, которая защитила бы от жгучего солнца. Они путешествовали вдвоем, и, хотя денег было достаточно, путники спали под деревьями или вовсе под открытым небом. В первый день, несмотря на попытки отца завести разговор, Медуза ничего не говорила, потому что ее душа кровоточила, раненная прощанием с сестрами.

— Ты же скоро вернешься, да? — Сфено, младшая из двух ее сестер, вцепилась ей в ноги. — И я уже лучше научусь делать колесо. Ты обязательно будешь на меня смотреть. Ты вернешься и посмотришь, да?

Медуза боролась со слезами, затуманившими взор.

— У тебя остаюсь я, — утешила младшую средняя сестра Эвриала, спасая Медузу от необходимости давиться словами. — Я посмотрю, как ты делаешь колесо.

— Но ты не такая умелая, как Медуза, — возразила Сфено.

— Это правда, — согласилась Эвриала, — но лучше тебя.

Она стала ерошить волосы Сфено, пока та не рассмеялась.

— Спасибо, — прошептала Медуза.

Эвриала была младше ее на семь лет, но ей всю жизнь казалось, что они из разных поколений. Детские повадки сестры — верещать при виде мышей, вскакивать и убегать в истерике — в итоге убедили Медузу, что она была бы гораздо счастливее, живи они на разных концах деревни. Медуза вспоминала, сколько раз обрывала разговоры с ней, потому что не-серьезные детские темы казались ей скучными, или же оставалась слушать, но досадовала, понимая, как много полезного могла сделать за это время. Как же она теперь желала вернуть все эти мгновения. Все минуты, когда пренебрегала малышкой ради того, чтобы полить цветы, помочь на кухне или просто побыть в одиночестве, по-дальше от болтливой сестренки. Сколько их всего наберется, гадала она. Всех этих минут. Пара часов? Медуза тут же поняла, что это слишком низкая оценка. Тогда, наверное, день. Или даже неделя. Целая лишняя неделя, которую она могла бы провести с сестрой.

— Как знать, — Эвриала сжала ладонь Медузы, — может, Богиня пожелает, чтобы мы тоже пришли и присоединились к тебе. Может, мы все трое однажды воссоединимся в ее храме.

— Может быть.

— Или, возможно, она решит, будто ты слишком красива, чтобы там оставаться, и отправит тебя обратно к нам с царскими богатствами.

— Сомневаюсь, что она отправит меня обратно, да еще и обогатит.

— Посмотрим, — сказала Эвриала и обняла сестру.

Шагая рядом с отцом, Медуза пыталась вспомнить каждое из тех забытых мгновений.

— Прости, сестра, — прошептала она ветру, шагая вперед. — Прости меня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Снаружи храм казался пустым. Колонны, шире и вдвое выше дубовых стволов, отбрасывали тень на мраморные ступени; легкий ветерок приносил едва уловимые ароматы розмарина и жимолости.

— Я подожду здесь, — сказал Фалес, поставив сумку на землю и присев рядом.

— Ты не пойдешь со мной внутрь?

— Я не могу, дитя мое. Ни один мужчина не может войти в храм Афины. Но я буду ждать тебя тут, чтобы узнать твою судьбу.

Медуза взошла по ступеням храма.

Изнутри он походил на пещеру. Сотни свечей озаряли стены. Чувствуя, что дрожит, Медуза направилась к ним.

— Надеюсь, ты трясешься не от страха, — промолвил голос из теней. Женский голос.

Медуза остановилась.

— Ну, разве чуть-чуть.

Женский смех эхом отразился от стен комнаты, звучный и переливчатый, словно звон хрусталя:

— Будем надеяться, скоро мы положим этому конец.

В этот миг будто зажегся свет. Ибо когда женщина вышла из тени, сама тень исчезла.

— Моя Богиня, — Медуза пала ниц, и от резкого удара о камень ее пронзила вспышка боли, — прости меня.

Афина покачала головой. Ее блестяще-серые, полные раздумий глаза напоминали отполированный мрамор. Сотни тысяч мыслей клубились в них. Светлая кожа рук сияла, словно кинжал, висевший в ножнах у нее на боку.

— Мне не за что тебя прощать. — Она протянула Медузе руку. — Поднимись, прошу.

Все еще со склоненной головой, Медуза встала, сдержав страх, едва не поглотивший ее. Несмотря на этот страх, от которого дрожали колени, она отчаянно хотела хоть мельком увидеть силу, что стояла перед ней. Находиться рядом с Богиней — мечта любого смертного.

Будто узнав об этом желании, Афина взяла Медузу за подбородок и подняла его. Ее касание словно морская вода: свежесть, ласкающая кожу, столь желанная, но и своенравная. По позвоночнику

Медузы пробежал холодок. Плоть, касающаяся ее, была похожа на человеческую не больше, чем пыль — на пламя. Афина, крепко ухватив, поворачивала голову девочки то налево, то направо. Все это время Медуза оставалась неподвижна и податлива. Она проходила через это бесчисленное количество раз с тех пор, как ей исполнилось восемь, с каждым годом все чаще и чаще. Некоторые мужчины давали взятки под видом подарков, прежде чем сделать предложение о браке. Некоторые опускались до лжи под видом обещаний или пытались договориться, что их братья женятся на сестрах Медузы, когда те достигнут нужного возраста, «хоть они и понеувзрачнее». Кто-то фыркал и усмехался, пытаясь сделать вид, будто смотрел на что-то обычное, даже обыденное; но это была лишь игра, ведь у них у всех имелись глаза, а видели они то, что достойно руки божественного скульптора.

Медуза позволила Богине изучить себя; ее серые глаза оставались сосредоточены и неподвижны, пока она ощущала постоянное давление на коже, сильное и уверенное. Когда Афина опустила руку и шагнула назад, на лице Медузы не отразилось ни удовлетворения, ни разочарования. Только смирение.

— Скажи мне, дитя, — правая рука Афины покоилась на кинжале, — как думаешь, зачем твой отец привел тебя сюда? К Богине. Неужели он считает, что здесь сиротский приют? Место, где дети

попрошайничают, визжат и набивают животы, околачиваясь в моих стенах? — Ее голос сочился насмешкой. — Может, он думает, я убежище для всех бедняков и бездельников, кто не смог поднять косу и прокормить свою семью? Или я здесь ради тех женщин, которые боятся мужского возбуждения? Вот почему ты здесь, не так ли? Мне этого стоит ожидать: ханжи, крестьяне и бездельники будут осквернять мой храм?

Медуза, не двигаясь, проговорила:

— Я здесь не для того, чтобы осквернить что-либо, моя Богиня.

— А что тогда? Почему ты здесь? Ты хочешь принести себя в дар мне? — Она рассмеялась. Жар ее бессмертия пылал у самого лица Медузы. За несколько мгновений сравнительная легкость в голосе богини сменилась горьким, более грубым тембром, гудящим в воздухе, как громовые раскаты перед бурей. — Принеси себя в дар мужчинам Афин, Медуза. Они заплатят более щедро, чем я. Твое лицо, твоя юность — ты можешь сама назначить себе цену... — Она пропустила локон волос Медузы сквозь пальцы. — Разве это тебя не прельщает? Только представь, какую жизнь ты купишь. Жизнь для своих сестер. Ты глупа, если не задумываешься об этом.

Афина прищурилась.

— Почему ты не защищаешь себя, дитя? Говори. Покажи, как ты рассуждаешь. Может, я не твоего отца видела у храма? Может, ты незаконный

ребенок, который преследует его в кошмарах, — она изогнула губы в кривой усмешке, — или же ты преследуешь его совсем не в кошмарах? Может, ему пришлось отослать тебя прочь, потому что идеальные кудри и растущая грудь искушали его слишком сильно? Может, путешествие сюда было шансом, о котором он мечтал. Шансом заполучить тебя себе. В конце концов, у вас есть деньги. Вы могли останавливаться на лучших постоянных дворах по пути, но вместо этого ночевали под открытым небом. Почему твой отец пожелал оставить тебя при себе, дитя? Может, поклонники, которые приходили к тебе, разочаровались бы в твоей чистоте?

Сердце Медузы часто забилося, но она сжала челюсти, отказываясь отвечать на подначки Богини. Но она не могла держать язык за зубами вечно, и это понимала. Богиня отнюдь не славилась терпением, и вскоре молчание будет принято за дерзость. Но оскорбления ее говорить не заставят. Гробовую тишину нарушила одинокая трель зимородка, который не проникся серьезностью момента.

— Говори, дитя! — Афина опять провела длинными пальцами по волосам Медузы. Ее голос снова смягчился, в глазах светилось одобрение. — Я желаю услышать твои слова. Я столько слышала о твоём голосе. И ты так долго добиралась сюда. Очень, очень долго.

Впервые с тех пор, как она вошла в храм, Медуза почувствовала груз пути и огромную тяжесть

задачи, которая стояла перед ней. На подошвах ног заныли волдыри и царапины.

— Мы можем сесть, если хочешь. — Афина заметила нерешительность в ее глазах. — Ты, должно быть, устала.

— Ты Богиня, — сказала Медуза, не обратив внимания на ее предложение. — Ты знаешь, что по дороге не было постоянных дворов, как и несправедливых действий. И знаешь, почему я здесь.

Афина соединила кончики пальцев. Ее светлая кожа засияла, отбрасывая блики.

— Итак, убежище? Вот в чем дело, я права? Твой отец пожелал, чтобы я взяла на себя его ношу. Одевать тебя, кормить, разрешать тебе пользоваться моими богатствами. Почему ты молчишь? — Она подняла брови, и на ее лбу, обычно закрытом шлемом, собрались морщины. — Ты права, я наблюдала за тобой, дитя. Я видела, как ты срезала языком, будто лезвием, людей вдвое старше тебя. Видела, как ты продавала отцовский виноград вдвое дороже, чем он стоит, тем, кто точно может себе это позволить, только чтобы потом отдать заработанное другим безо всякой выгоды. У тебя есть слова, дитя; не меньше слов, чем в целой библиотеке. Почему ты не хочешь их использовать?

Взгляд Медузы был тверд. Уважителен, но тверд.

— Потому что, моя Богиня, ты видела меня. Ты знаешь, на что способен мой язык. Что моя рука может сделать, соткать и испечь. Ты видела мое

сердце, мою волю, и сердца и волю моих родителей и сестер тоже. Какие бы слова я ни произнесла сейчас, в этот миг, они не повлияют на то, что со мной случится. Ты Богиня. Если бы ты хотела, ты помешала бы нашему путешествию десять раз или даже больше. Ты этого не сделала. Теперь хоть слово, хоть дюжина. Я не верю, что богиня покарает или помилует человека из-за одного-единственного поступка, когда у него за спиной их тысяча и сотня тысяч впереди. Ты приняла решение до того, как я ступила на камни этого храма. Все, что я жду, — услышать его.

Афина шагнула назад. Кинжал на поясе сверкнул ярче прежнего. Вышитая по подолу ее одеяния змея зеленой вспышкой обвилась вокруг лодыжек. Стук сердца в груди Медузы участился: сероглазая богиня сощурилась, черты ее лица снова заострились, а голос зазвенел:

— И ты думаешь, я решила принять тебя? — насмешливо спросила она. — Из всех девочек, что предстают передо мной, что выстраиваются в очередь с полными руками подношений, считаешь, я приму именно тебя?

— Этого я не знаю, — произнесла Медуза с рассудительностью, не свойственной ее возрасту. — Как знать, ты можешь сразить меня и вышвырнуть на улицы Афин еще до темноты. Тогда так тому и быть. Я знаю, что не мне менять решение могущественной Афины. И знаю, что глупо даже пытаться.

Афина обошла девочку кругом — еще один ритуал, в котором Медузе уже приходилось принимать участие. Она держала голову ровно, плечи прямо.

— Итак, ты мудра? — сказала Афина.

— Для ребенка, — ответила Медуза.

Губы Афины приподнялись в намеке на улыбку.

— Мудрость — это только часть меня. Часть моего храма. Что насчет войны? Что ты знаешь об этом? — Она остановилась. — Ты никогда не стояла на поле битвы. Никогда не зажимала павшему распоротый живот, слыша, как его дыхание постепенно слабеет и исчезает. Тебя никогда не переполнял запах крови, когда вокруг звенят клинки и раздаются крики, желающие тебе гибели. Чем ты можешь быть мне полезна? Ты дитя. Ты нежна и слаба.

Медуза облизала пересохшие губы розовым дрожащим языком. Ее глаза устремились вверх: недостаточно, чтобы встретиться с глазами Богини, но очень близко.

— Это правда, — детский голос Медузы прозвучал медленно и задумчиво, — я не стояла на поле битвы. Я не из дочерей Спарты, рожденных со знанием, насколько тяжел меч и как с ним управляться. Я не знаю войны, но бывала в битвах. Битвах во имя моей семьи, когда первый поклонник пришел за мной, а мне было всего восемь. Битвах, когда не позволила мужским рукам

шарить там, где они чувствовали себя вправе, и отказалась прогуляться вниз по тропинке или в оливковую рощу. Я знаю битвы, что вела, стоя на ярмарке и требуя, чтобы мужчины смотрели не на мою грудь, глаза или ноги, а на плоды, которые я продавала. Это действительно были не кровавые битвы, но они все же битвы. Битвы, где я сражалась и побеждала.

Афина отступила от девочки. Сияние вокруг нее поблекло и смягчилось.

— И эти войны, что ты вела, — сказала она, проводя рукой по кинжалу, — думаешь, они закончатся, когда ты войдешь в мой храм? Когда станешь моей жрицей?

Впервые после того, как Медуза покинула дом, она растянула губы в широкой улыбке. Но в мерцании ее глаз не светилась радость. Оно было темным и пустым, и родилось не при ее жизни, но в тысячах жизней до этой. В жизни ее тети, тети ее тети, бессчетными поколениями, затерянными в далеком прошлом.

— Эти битвы, — сказала она, — не заканчиваются никогда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гелиос вступил в свои права, появившись в небе легкой пурпурной дымкой на горизонте. Когда Медуза встала, звезд было еще больше; все это время она, как только оделась, подметала в храме. В этот день ей предстояло встретиться с гражданами полиса. Встать перед этими мужчинами и женщинами от имени Афины, отвечать на их вопросы и даровать мудрость Богини в меру своего понимания. Третий раз за долгие месяцы эта обязанность легла на нее. Где-то в мире за пределами храма какие-нибудь женщины, возможно, позавидовали бы, сочли Медузу любимицей Богини, но в храме такие мысли держали при себе. Принижать других здесь просто бесполезно: им

все равно всегда одинаково подавали еду, кровати застилали одним и тем же полотном.

Крепко держась за метлу, Медуза подметала храм, и пылинки взмывали и кружили в воздухе, устремляясь к тускнеющим утренним созвездиям тысячей новых звезд. Когда от ее шагов перестали оставаться следы на земле, она забрала метлу и направилась вниз, в комнату под храмом. Там вымыла руки и ноги, умастила их шалфеем и апельсинами и облачилась в тунику. Лоб она закрыла жреческой повязкой, на плечи набросила белую накидку. Некоторые на ее месте надевали золото и драгоценности в честь такого события, но она никогда не хотела ослепить людей, а лишь заставить их заметить ее.

— Он ворует, — сказал ей мужчина. — Ворует и ворует. Уже три раза на этой неделе. Это еда моих родных. Их деньги, их золото.

— Он крал и золото, и еду? — спросила Медуза.

— За что еще можно купить еду, если не за золото?

— Я слышал, за расставленные ноги твоей жены, — выкрикнул кто-то из толпы. Мужчина подавил секундную вспышку злости и снова повернулся к Жрице.

Медуза сидела на деревянной скамье, окруженная толпой людей, ожидающих, когда их жалобы будут выслушаны. На земле тлели розмарин

и мелисса, и от их пьянящих ароматов воздух вокруг сделался густым и вязким.

— Предлагал ли ты сам ему еду?

Проситель ясно расслышал вопрос Медузы, но потряс головой, будто она сказала какую-то бессмыслицу.

— Он меня обворовывает. С чего бы мне предлагать ему еду?

— Именно потому, что он тебя обворовывает. Отдай ему еду. Никто не захочет того, что может получить бесплатно. Твои плоды ничуть не слаще других. Поделись с ним едой. Я очень удивлюсь, если он продолжит воровать.

— Но что, если он откажется брать? — спросил мужчина; от досады его щеки все еще были розовыми.

— Тогда, возможно, он, увидев твое сострадание, поймет ошибочность своих поступков. Если же он примет дар и продолжит красть, наверное, стоит закрыть на это глаза.

Мужчина сжал челюсти, явно не одобряя ее слова.

— То есть мне просто позволить ему красть? — сказал он.

Медуза откинулась на спинку скамьи и оглядела просителя. На его подбородке была ямочка, темные волосы липли к голове. Руку охватывал золотой обруч толще его запястья.

— Господин, отдали бы вы свою еду богам, если бы они об этом попросили?

Мужчина в замешательстве кивнул.

— Конечно. Как и любой здравомыслящий человек.

— А если бы бог ее украл?

— Боги могут брать и отдавать, как считают нужным.

Медуза улыбнулась.

— Да, могут, — сказала она. — Итак, здесь мы согласны. Но, — она сделала паузу и отодвинулась немного, — что, если этот бог скрывает себя? Как Посейдон, когда выходит на берег. Как ты определишь, что человек, которому ты отказываешься дать еды, — смертный, а не бог?

Мужчина снова затряс подбородком:

— Этот сосед жил рядом всю мою жизнь.

— И все же ты видишь его только тогда, когда твои глаза открыты. Куда, скажи на милость, он уходит, когда они закрыты или ты отворачиваешься?

Мужчина покраснел. Его вопросы заняли больше времени, чем было необходимо, и позади него уже слышалось ворчание тех, кто все еще хотел высказаться перед жрицей.

— Ты просил мудрости Богини, и она была тебе дарована, — сказала Медуза мужчине. — Ты понял меня?

Сжав челюсти, мужчина склонил голову и быстро кивнул.

— Спасибо, Госпожа, — сказал он, возвращаясь в толпу.

Большинство вопросов, которые ей задавали в тот день, были глупыми дразгами и легко разрешимыми разногласиями. Мужчины крали еду, крали женщин, крали домашний скот — скот, о котором часто думали с большей нежностью, чем о своих женщинах.

Им не нужны боги, думала Медуза, им просто нужен кто-то: любой, кто скажет им, что и как делать.

— Мою дочь отослали домой с позором, — сказал другой мужчина, выступая из толпы и привлекая внимание Медузы. — Это был ее второй муж. Я потратил на приданое целое состояние. Почему она так поступает? Почему взваливает на себя такой позор? Неужели она не понимает, что скоро станет слишком старой для замужества и у нас не останется денег на подходящую партию?

— Твоя дочь здесь? — спросила Медуза.

Мужчина покачал головой.

— Здесь женщинам не место, — ответил он. Медуза подняла бровь.

— Скажи мне, в чем твоя дочь опозорила тебя? Какие поступки столь отяготили твое сердце?

Проситель наморщил лоб.

— Теперь ни один мужчина на ней не женится, — сказал он. — Ей придется остаться дома и ухаживать за посевами до самой смерти.

— А она об этом знает?

— Как она может не знать?

Медуза подняла руку ко лбу, где из-под повязки выбился тонкий локон. Этот человек напомнил ей отца — таким же отмеченным печатью многих забот лицом. Они могут быть одного возраста, подумала она, ведь прошло больше пяти лет с тех пор, как они попрощались на ступенях храма Афины.

— Господин, ты хороший человек, — сказала она. — Возможно, лучше той сотни мужчин, что говорили сегодня до тебя. Ты рассказал мне только о позоре своей дочери, о том бремени, которое она взвалила на себя.

Мужчина серьезно кивнул.

— Но этот позор она выбрала сама. Ты говоришь о ее тяготах сейчас, но спрашивал ли ты о ее тяготах раньше? — Проситель молчал, грызя ноготь большого пальца. — Понимаю, не такой жизни ты для нее хотел — жизни, полной тяжелых трудов и неопределенности. Но что бремя для одного, то другому свобода. Заклинатель змей зарабатывает себе на жизнь тем, что для других стало бы смертью. Моряк проводит в море годы, а кто-то может погибнуть за неделю. Ты хорошо ее воспитал. Доверься ей.

Вечер в Афинах был влажным и теплым. В переулках суетились люди, кричали и смеялись, дрались и обнимались. Небо окрасилось

оранжевым, а теплый воздух поднимался над домами, размывая тени птиц, порхающих с крыши на крышу. Добравшись до храма, Медуза склонила голову перед статуей своей Богини и начала взбираться по ступеням.

— Медуза? — позвал ее кто-то из тени, из темного угла у края лестницы. — Можешь мне помочь?

Женщина, согнутая и съезжившаяся вдвое, протянула руки к жрице. Она была закутана в коричневую шаль, толстую и жесткую, как рубище бедняка. Ее темно-рыжие волосы спутались, голова поникла, и ровные капли красного цвета падали на землю у ее ног.

— Корнелия? — Медуза быстро оглядела море людей, стоявших перед храмом. — Быстрее, быстрее, заходи. Не надо было ждать тут снаружи.

Она обхватила женщину руками и повлекла ее внутрь храма, поглядывая по сторонам.

— Он знает, где ты? Он отправился за тобой следом?

Та помотала головой.

— Нет, нет. Не думаю. Я шла пешком. Меня никто не мог узнать. Никого в доме я не предупредила.

— Ты шла пешком всю дорогу? — Острая боль кольнула сердце Медузы. Ей представился кровавый след, оставшийся на камнях. Она протянула руку к плечу женщины.

— Покажи мне, — сказала она.

Тяжело дыша, Корнелия спустила коричневую шаль вниз до талии. Позади раздался тихий выдох. Медуза обернулась и взмахом руки велела другой жрице не показывать своего изумления.

Под балахоном попрошайки на Корнелии оказались шелковые одежды, запятнанные коричневым и красным. Вокруг ее запястий были не только браслеты и цепи, золотые и серебряные, но и следы: черные и фиолетовые, совсем недавние. Отметины на ее шее и руках выглядели как отпечатки грязных детских пальцев. Пальцы и ногти оставили углубления в ее юной плоти.

— Что случилось? — спросила Медуза, взяв чашу, переданную ей другой жрицей.

— Я узнала о нем с ... Я узнала о нем. — Она осеклась: дальше объяснять не было необходимости. — Я не хотела, клянусь, — ее голос задрожал, — я не следила. Я не подсматривала. Я просто вошла в комнату и... и... — Ее затрясло, и слезы покатились из глаз.

Нежно, как бабочка касается лепестка, Медуза обернула ткань вокруг запястья несчастной и начала вытирать кровь.

— Я уверена, он хотел, чтобы я умерла, — сказала она.

— Боюсь, это может быть правдой, — согласилась Медуза.

Они встречались не впервые. Медуза присутствовала на свадьбе этой девушки около

четырёх лет назад, чтобы показать, что Афина одобряет союз. Ребенку было столько же лет, сколько Медузе, когда у той появились первые поклонники, потому, конечно, она ощутила с ней связь. Жених был военачальником, благородным человеком, соглашение считалось чрезвычайно выгодным. В тот день вино лилось рекой, и мало кто стоял на ногах, когда Медуза уходила. Под смех и шум музыки свадьбы она набросила на плечи вечернюю накидку и направилась обратно в храм. Но Медуза совсем не радовалась. Давая благословение, она поймала взгляд невесты, и в нем светился лишь страх. Страх перед неизвестным. Страх перед известным, но еще не испытанным. Возможно, страх из-за уже пережитого. Медуза знала, что в этом не было ничего необычного. Большинство женщин выглядели испуганными в первую брачную ночь, а другие обычно вообще не показывали никаких эмоций.

Но проходили месяцы, а испуг во взгляде не угасал. Когда Медуза видела девочку, та пряталась в тени своего мужа. Даже когда ее живот увеличился, она не сияла и не улыбалась, как многие другие, вынашивающие первенца, да и любого ребенка. А после родов воля будто полностью покинула ее тело. Последние два года она часто приходила с синяками на щеках и лиловыми боками, хотя те никогда не были такими темными, как сейчас.

— Ты можешь куда-то уйти? — спросила Медуза, полоща красную ткань в миске и выжимая кровавую воду. — Нет у тебя брата или дяди?

Корнелия покачала головой.

— Нет. Может быть. Возможно.

— У тебя есть семья?

Корнелия нахмурилась, но кивнула.

— Есть двоюродный брат. На Кефалонии. Но что мне там делать? — сказала она. — Я никогда к такому не готовилась. Я ничего не умею. Мой муж меня найдет.

— Кто знает. Ты молода. У тебя есть время всему научиться.

— Значит, когда он меня отыщет, он убьет умелую женщину? А моя дочь — что у нее будет за жизнь, если она вырастет на каменистом острове? — Корнелия потрясла головой и скривилась от резкой вспышки боли. — Лучше уж я приду сюда, в храм Богини. Ни один муж не будет бить жену за то, что она пришла в храм, так ведь? — сказала она с коротким смешком, но глаза продолжали выдавать страх.

— Мы выкупаем тебя и найдем, где тебе разместиться, — сказала Медуза. — Я сама найду.

Медуза протянула руку, чтобы отвести беглянку в покои за храмом, но та не двинулась.

— Корнелия?

Взгляд девушки опустился на мраморный пол. Она поджала пальцы на ногах.

— Есть еще кое-что, — сказала Корнелия.

Медуза, похолодев, зашептала молитву Афине. Шум безудержных гуляний с городских улиц нарушал тишину; Жрица ждала. Она поняла, что сейчас случится. Корнелия медленно сняла шаль со своих бедер. Кровавое пятно доходило ей до колен.

— У меня был ребенок, — сказала она. — Еще один ребенок. Боюсь, его больше нет. Его больше нет, так?

Медуза молчала, ибо знала, что никакие слова не способны смягчить такую боль.

Когда раны были промыты и перевязаны, несчастную нарядили в одеяние жриц. Кровотечение не остановилось и не остановится еще много дней, сказала старшая жрица. Но если боли останутся и после следующей луны, надо будет вернуться и окунуться в фонтаны Богини. Ей повезло, что это произошло рано, сказала старшая жрица, щипая Корнелию за щеки, чтобы вернуть им цвет. Чем раньше, тем лучше. Медуза не поняла, как хоть что-то в этой ситуации можно считать везением.

— Эти шелка почти такие же тонкие, как мои, — сказала Корнелия, пытаясь казаться жизнерадостной, натягивая рукава одеяния на покрытую рубцами кожу. — Возможно, стоило прийти к Богине, а не выходить замуж.

— Все еще можно найти другой выход. Я напишу твоему двоюродному брату. Как только получим какие-то вести, мы тебе передадим.

А сейчас надо найти тебе место для сна. — Медуза взяла беглянку за руку, но та молчала. Корнелия, недавно умоляюще смотревшая на Медузу, теперь не смогла даже встретиться с ней взглядом.

— Медуза. Я благодарю тебя. Ты хорошо позаботилась обо мне.

— Корнелия...

— Уже поздно. Не так уж много времени женщина может провести в молитве, чтобы ее муж не почувствовал себя брошенным.

Медуза потянулась к ее плечу, но, вспомнив о синяках, отдернула руку.

— Нет, Корнелия. Ты вовсе не должна возвращаться к нему.

— Должна.

— Нет, не должна.

— Ты хочешь сделать из меня островитянку. Крестьянку. — Ее хорошенькое личико исказилось. — Хочешь, чтобы я копалась в грязи и делила соломенный матрас с крысами и клопами? Разве можно так жить?

— Но ты будешь жить. Ты останешься жива. Ты можешь не возвращаться к нему.

— Я должна.

— Нет, ты...

— Да, должна. Моя жена права. Ей нужно вернуться домой сейчас же.

Он стоял в освещенном проеме, разведя в стороны загорелые руки, костяшки покраснели

от крови жены. В его позе чувствовалась нервность, глаза смотрели настороженно.

Ярость почти неземной силы захлестнула Медузу. Она шагнула к нему.

— Это храм Богини! — От гнева в ее голосе задрожал воздух. — Тебе запрещено здесь находиться.

Непрощенный гость слегка улыбнулся одними губами, будто она всего лишь поинтересовалась ценой на инжир.

— Я не желаю нарушать ваш покой. Я лишь пришел забрать то, что принадлежит мне. Твои молитвы окончены, любимая?

Не обращая внимания на Медузу, он обратился к жене, которая дрожала у нее за спиной.

— Я знаю, боги прислушались к тебе. Я в этом уверен. Удачно же я появился в тот самый миг, когда ты пожелала! Мы словно скроены из одного куска ткани.

Ноги Корнелии приросли к земле. Бравада, с которой она говорила раньше, испарилась.

— Корнелия! — Голос ее мужа стал резким.

— Господин, — снова заговорила Медуза, — это храм Афины. Покинь это место.

— Я уйду, когда получу то, за чем пришел.

— Лучше бы тебе уйти сейчас, сохранив то немногое, что осталось от твоего достоинства.

Гнев вспыхнул в его глазах.

— Ты сомневаешься во мне? — Он шагнул вперед, в храм. Медуза ахнула, будто он не перешагнул порог храма, а ногой ударил ее в живот.

Мужчина сжал пальцы в кулак. Ее глаза вспыхнули.

— Ты хочешь ударить жрицу в храме Богини войны? — спросила Медуза.

— Я этого не хочу, — ответил он.

— Тогда уходи.

Непрощенный гость покачал головой.

— Я уйду, когда получу то, за чем пришел.

— Уйдешь. Боги увидят тебя здесь. Они увидят тебя здесь, в этот день, попомни мои слова. Ты еще не видел гнева, подобного гневу богини, чей храм осквернили.

Она не отступила, уперев в бока трясущиеся руки — трясущиеся от ярости, не от страха.

— Я не хочу причинять тебе вреда, жрица. Я тут только за своим.

— Здесь у тебя нет на нее права. Ты не осквернишь имя Афины, — повторила Медуза.

Из-за ее спины эхом раздался прерывистый вздох Корнелии:

— Я иду. Я иду с тобой, любимый.

Медуза обернулась, потеряв дар речи.

— Ты не можешь.

— Только взгляните на себя — ссоритесь из-за глупого недоразумения, — рассмеялась она высоким фальшивым смехом.

Оглядываясь на Медузу, Корнелия прохромала навстречу мужу и встала рядом с ним. Взяла его за руку и обняла, морщась от боли. Взгляд Медузы был прикован к ее животу.

Животу, где всего пару часов назад трепетало маленькое сердце, такое крошечное, что только боги могли его слышать. Корнелия повернулась к выходу.

Лишь в последнюю секунду она оглянулась на Медузу. Она что-то произнесла одними губами — возможно, благодарность, возможно, извинение. Что именно — Медуза так и не узнала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Через три дня к храму пришел раб. Темная кожа юноши была испещрена розовыми отметинами. Он ступал, склонив голову, остановился у храма и принялся ждать у ступеней. Когда к нему подошла жрица, раб спросил Медузу.

— Мой хозяин сказал, что это ему больше не нужно.

Посланник вложил в ладонь Медузы какой-то предмет. Золото кольца потускнело: блеск скрыла красная корка.

— А твоя хозяйка? — с трудом выдавила Медуза; ее язык и горло онемели.

— Несчастный случай. — Юноша внимательно рассматривал землю под ногами.

У нее было не в привычке рыдать — теперь уже нет. Она плакала в первую ночь, когда отец оставил ее. Богиня тоже ушла, и Медуза осталась одна, не только в храме, но и во всем мире. В уединении тихого уголка она позволила себе минутную слабость.

В первое время случалось всякое. От вида окровавленного ребенка или младенца, родившегося мертвым, слезы подступали к глазам и катились по щекам. Обычно они оставались незамеченными, заглушаемые воплями и криками матери. С годами сердце Медузы очерствело. Такова была жизнь. Детей избивали, младенцы умирали, и каждый год бесчисленное множество женщин покидали мир подобно Корнелии. Кто-то перед этим приходил в храм, пытаясь вырваться. Мало у кого хватало мужества пойти до конца. Одни оставались с мужьями ради детей, другие — ради золота. Многие — потому, что цеплялись за надежду, пусть и крошечную, что их супруги способны измениться. Так что Медуза привыкла к такому ходу событий, и с каждым разом ее сердце все больше каменело. Но она по-прежнему проливала слезы по Корнелии.

— Ты принимаешь этот случай слишком близко к сердцу, дитя, — сказала Афина Медузе, пока та топила горе в вине. Она отказалась от своих обязанностей в полисе и лежала в постели в комнатах под храмом. Прошло несколько часов, прежде чем слезы иссякли и жрица забылась недолгим

беспокойным сном. Когда же она проснулась, воздух вокруг мерцал и искрился, и рядом с ней была Богиня.

— Она сама решила вернуться к этому человеку, — сказала Афина, глядя ее по волосам, как ребенка. — Она сама за это в ответе. Ты не можешь винить себя.

— Я и не виню, — сказала Медуза. — Я виню его. За каждую каплю ее крови.

— Хорошо.

— Но он не заплатит за это.

— Заплатит. Боги об этом позаботятся.

Медуза фыркнула.

— Ты мне не веришь?.. — Рука Афины замерла.

— Боги и есть причина происходящего, — ответила Медуза. — Их власть, их сила. Их упрямая злость и страх, который они сеют. Они рады показать, как человек по сравнению с ними беспомощен, и, таким образом, заставляют его требовать права на то единственное, что он способен контролировать.

— Так ты винишь меня? Ты думаешь, я причастна к этому?

Медуза приподнялась с места, где лежала.

— Тебя, моя богиня, — нет. Ни за что. — Она глубоко вздохнула. — Почему так вышло, что именно женщин считают неуравновешенными? Женщины держат в руках нож чаще, чем мужчины, но это не жены закалывают мужей до смерти, заподозрив измену. Дружба между

женщинами крепче железа, но это не женщины избивают своих мужей всей шайкой, стоит только ему хоть в чем-то провиниться. Это не женщины меняют любовницу за любовницей, обещают любить, но отказываются от своих слов, стоит только увидеть кого-то с более темными волосами и глубокими глазами. Раз за разом нас называют пылкими, неразумными. Женщины не напиваются, как мужчины, и не осыпают оскорблениями незнакомцев, не швыряются камнями, когда чем-то недовольны. Женщины используют слова и доводы рассудка там, где мужчины кулаки и силу. Так почему же мы всегда на втором месте? Почему так, моя богиня? Почему мы всегда вторые?

Медуза ждала, всем сердцем желая услышать мудрые слова своего кумира, но на сей раз богиня мудрости с трудом подобрала ответ.

— Иногда наши пути скрыты завесой тумана, Медуза. — Афина поднялась на ноги. — Иногда ты не видишь своих ног, устремив взгляд к горизонту. Но мы не будем говорить об этом здесь, в моем убежище мира и покоя. Я скоро вернусь к тебе. — Она наклонилась и поцеловала Медузу в лоб, и ее кожу закололо, будто по ней разлился лед и солнечный свет.

На время покинув свою службу, Медуза со стороны наблюдала, как муж Корнелии берет факел и несет его к погребальному костру жены. День выдался холодным. С моря дул промозглый ветер, разбрызгивая в воздухе кристаллы соли, отчего языки пламени плевались и шипели, облизывая тело покойной. Емуне очень-то нужна одежда, чтобы согреться, думала Медуза, глядя, как крокодиловы слезы катятся по его щекам. Склонив голову, он принимал объятия всех женщин, кто бы ни подошел к нему. Солнце уже скрылось за горизонтом, а Медуза все не уходила, застыв в отдалении, и слушала соболезнования, которые он принимал с такой же легкостью, как вино из своего кубка. Вино, что подавали девушки, а он их щипал, словно селянин, проверяющий качество скота, а не муж, оплакивающий жену. Конечно, подобное не редкость; не он первый заглушал горе выпивкой. Только вот судя по увиденному, никакого горя тут не было — подлинного горя. День сменился вечером, но Медуза все продолжала наблюдать. Сама она воздержалась от вина; его сладость была бы испорчена горечью ее гнева, который рос с каждой секундой. Она смотрела, как его ладонь легко скользнула к руке другой женщины, от ее руки — к бедру и выше. Она смотрела, как его живот трясется от смеха и как он поднимает тосты, но не за свою жену, а за свое везение в жизни.

Не в состоянии дальше на это смотреть, Медуза схватила ближайший кубок, осушила его и направилась к мужу Корнелии.

— Твоя жена только что покинула этот мир, — яростно проговорила она. — Ты считаешь, вот так себя ведут порядочные люди?

— Жрица? — проговорил он невнятно и расплылся в усмешке. — Давай, иди к нам, — он похлопал по вышитому покрывалу, которым застелили сиденье, — здесь еще много места.

Медуза сплюнула на землю.

— Ты не кто иной, как убийца, — сказала она.

Мужчина издевательски усмехнулся.

— У меня есть еще много талантов, и, полагаю, я могу их тебе показать. Иди, возьми еще вина.

Медуза поколебалась, но потом приняла кубок из его рук. Через миг в воздух взметнулась красная волна.

Тем вечером не только смертные гости похорон видели, как взмыло в воздух вино. Облаченный в одеяние благородного господина Посейдон с восторгом смотрел, как жрица без тени смущения бросала свои слова, а потом и вино.

Он повернулся к мужчине рядом и спросил:

— Эта женщина, кто она?

— Это жрица Медуза, из храма Афины.

Посейдон украдкой улыбнулся.

— В ней есть огонь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В первый раз, придя на нее посмотреть, он ждал на ступенях храма. Две недели наблюдал за ней, изучал ее, не думая ни о чем другом. Где-то далеко, на островах, без его ведома бушевали шторма и корабли разбивались о скалы, но это уже не имело значения. У Посейдона на уме было другое. Прекрасные, коварные мысли. В первую неделю он приходил как торговец: богатый, красивый, притягательный. Эту маскировку он использовал для многих подобных случаев. При себе у него имелась фляга, полная вина, и кошель с драгоценными камнями, которые он подбрасывал на ладони, заламывая за них непомерную цену. Женщины и мужчины

толпились вокруг него, глядя во все глаза на это зрелище.

Все остальные были очарованы его диковинными историями и остроумными речами, но Медуза не обращала на него никакого внимания и каждый день проходила мимо бога и его товаров, ни разу не оглянувшись. Даже более того — его драгоценности, казалось, ее только отталкивали.

Посейдон вскоре понял, что у жрицы нет времени гулять без дела и слушать байки торговцев. Поэтому он пересмотрел свой подход. Каждой рыбе свой крючок.

Он выбрал время дня, когда, как он уже знал, она должна возвращаться из полиса. Посейдон и сам был там, на сей раз прикинувшись стариком, и спросил ее совета о том, как лучше справиться с беспокойной кобылой. Медуза отвечала вдумчиво, хотя он смотрел лишь, как двигаются ее губы, ни капли не заботясь о словах, которые они произносили.

— Прошу прощения, жрица, — сказал он, когда Медуза начала подниматься по ступеням. Его новый облик был намного моложе предыдущего. — Извини.

Медуза повернулась к нему. Ее волосы покрывал платок, белый шелк которого переливался нежным янтарным светом от осевших за день мелких пылинок. Ее повязка слегка съехала набок, позволив локонам свободно рассыпаться по плечам.

— У меня есть подношение для Богини, — сказал он и достал блюдо, бросив взгляд в сторону храма. — Надеюсь, я могу его оставить.

Он тщательно подобрал одеяние для этого момента. Будь то слишком вычурным, жрица тотчас бы потеряла интерес, как это случилось с торговцем. Слишком бедным — она бы задавалась вопросом, откуда нищий достал такое подношение.

— Спасибо, — сказала Медуза.

Она протянула руку и взялась за серебряное блюдо, наполненное яствами. Посейдон по-прежнему крепко держался за другую сторону.

— Нельзя ли, чтобы я сам его отнес? — спросил он. — В храм?

— Нельзя, — сказала Медуза. — Мужчинам запрещено входить в храм Афины.

Бог задумчиво кивнул.

— Даже если ты будешь со мной?

— Мужчинам заходить в храм не позволено, — повторила Медуза. Она говорила решительно, но без злости. Посейдон снова закивал, но пальцы не разжал.

— Понимаешь, дело в моей жене, — сказал он, бросив на жрицу самый умоляющий взгляд, на который был способен. — Я хочу поблагодарить Афину за жену.

— Твоей жене нехорошо, господин? — спросила Медуза. — Она разве не может сама прийти?

Посейдон улыбнулся. Бог знал, что улыбка была великолепной, но ее не встретили взаимностью, на которую он надеялся.

— С ней почти все в порядке, спасибо, жрица, — сказал он. — Вот за это-то я и хочу поблагодарить твою богиню. Она заболела, и я боялся худшего, но жена молилась Афине и только Афине днями и ночами, и на пятый день лихорадка отступила. Жена придет и принесет свой дар, когда оправится до конца. Но я хотел преподнести что-то от себя. Дабы выразить свою благодарность.

— Благоразумно, — сказала Медуза. — Богиня одобрит этот поступок. Я позабочусь о том, чтобы она его получила.

Бог снова улыбнулся лучшей из улыбок, на которую был способен его смертный облик.

— А я не смогу сам подойти к ней?

— Нет, — сказала Медуза.

Посейдон неохотно убрал руки с блюда и склонил голову.

— Спасибо, — поблагодарил он.

На следующий день он снова ждал у храма. На сей раз подношение было меньше и далеко не таким роскошным: как бы это выглядело, если бы второй дар стал более щедрым? Так, будто на первое подношение он поскупился. Будто

солгал ей о своих средствах. Медуза, без сомнения, заметит этот просчет. Он снова выбрал место у подножия лестницы и обратился к ней не по статусу, а по имени.

— Медуза, — произнес он. Жрица остановилась. Она подняла голову и обернулась. — Мне жаль, если сейчас не время для разговора. Я рассказал жене о нашей вчерашней встрече, и она уверяла, что я говорил именно со жрицей Медузой.

— Твоя жена права. Хотя не припоминаю, чтобы ты называл ее имя, так как ее зовут?

Бог слегка напряженно улыбнулся.

— Каролина. — Это было распространенное имя среди афинских дам. — Я не могу задерживаться надолго, — сказал он. — Сегодня мы принимаем ее семью, и не сочти за грубость, но она попросила преподнести это тебе. Это для тебя, — подчеркнул он.

— Ты очень добр, господин.

— Ничего особенного. Считай это извинением за мою вчерашнюю навязчивость.

Едва договорив фразу, Посейдон потянулся и коснулся ее руки. Тепло Медузы опьянило его, как хорошее вино. Но он тут же развернулся и зашагал вниз по ступеням. Медуза не отрывала от него глаз: такой внезапный уход явно ее заинтриговал. Он все еще явственно ощущал жар ее руки на кончиках пальцев. Все вышло ровно так, как он хотел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В день, когда он вошел в храм, жара была такой удушающей, что птицы, которые обычно прыгали и порхали по крыше, опустились на мраморный пол в попытке хоть как-то охладиться. Молящиеся уже принесли свои подношения, получили благословения от имени сероглазой Богини и ушли. Два десятка свечей догорали у стен и перед алтарями, их белый воск капал и собирался лужицами вокруг подсвечников. Всех остальных жриц отозвали. Посейдон позаботился об этом. Тяжело больной ребенок, убитая горем жена — любое происшествие, которое требовало помощи жрицы. Это была не легкая задача даже для бога: убедиться, что все мелочи учтены и ни у одной жрицы не осталось

обязанностей в храме. Большинство из них звали лично, так что даже если Медуза предлагала пойти вместо кого-то, ей говорили остаться. Говорили, что управятся сами. А если нет, то уже пошлют за ней.

И они, конечно, справлялись. Потому что, когда жрицы прибывали к месту назначения, преодолев пешком много миль, то с удивлением обнаруживали, что дети не так больны, как их уверяли, а жены — не столь безутешны. Но жрицы все равно оставались еще ненадолго, выпить и отобедать с семьями, ведь они прошли столь длинный путь, а дорога обратно была такой же долгой.

Медуза опустила на колени перед свечами. В этот вечер ее мысли занимала семья. С тех пор как она покинула дом, она довольствовалась лишь слухами. Бесконечными рассказами, в которых могла быть, а могло и не быть крупицы правды. Недавно прошла волна слухов, что одна из ее сестер вышла замуж. Это казалось невероятным. Ведь старшей, Эвриале, всего тринадцать. Хотя многие прилагали немало усилий, чтобы продать своих дочерей уже в таком возрасте, на ее родителей это было не похоже. Если, конечно, у них не наступили трудные времена. Но слухи непостоянны, словно ветер: каждый новый рассказчик что-то приукрасит или недоскажет — и история искажается все больше и больше. Так что более благоприятный вариант вполне может добраться до нее к концу недели.

Медуза всматривалась в пламя свечей, глубоко погруженная в свои мысли, но вдруг что-то нарушило ее задумчивость. Не было слышно ни шагов, ни голосов, только шелест перьев и хлопанье крыльев птиц, что покинули прохладное место и взлетели вверх, в теплый воздух, от которого до этого искали спасения. Краем глаза Медуза заметила тень. Фигуру в темноте.

— Тебе помочь? — сказала она, вставая и оборачиваясь. — Ты ищешь помощи Богини?

— Афины? Нет. — От голоса мужчины по рукам и спине Медузы пробежала дрожь. — Несмотря на все свое великолепие, она меня не удовлетворит.

Этот глубокий голос был ей незнаком.

— Господин, тебе нельзя здесь находиться. Я вынуждена просить тебя уйти.

— Но это дом богов, — сказал Посейдон. — Так что он больше принадлежит мне, чем тебе. Но я же не прошу тебя уйти, жрица.

Фигура вышла на свет. Медуза растерянно моргнула.

— Я тебя знаю. Ты приносил дары Богине...

— Я приносил дары тебе.

Мысли Медузы прояснились, и она нахмурилась:

— Дары от твоей жены. Верно? Ты принес дар от своей жены. Каролина, так ведь ее зовут?

Он рассмеялся громким низким смехом, который сотряс весь мир до таких его глубин, о которых Медуза даже не подозревала.

— Моя жена? Ах да, она где-то там, расставляет сети в компании морских ежей и угрей.

Медуза искала убежища в тених, ее сердце колотилось все быстрее и громче.

— Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Мужчина улыбнулся. В его глазах мерцала вода и полыхал огонь, сливаясь в бесконечном потоке.

— На который из вопросов мне сначала ответить? — поинтересовался он, приближаясь к ней. — Кто я или зачем здесь?

Медуза отступила назад, ее мышцы дрожали от напряжения. Она схватила одну из свечей и поставила перед собой, горящим концом к мужчине. Воск таял и стекал вниз по пальцам, обжигая кожу, но она не отпускала. Только когда непрошенный гость оказался совсем рядом, она швырнула свечу вперед.

Звучный смех эхом отразился от стен храма.

— Ты ожидала, это мне навредит? — фыркнул чужак ей в лицо. — А я-то думал, ты мудра, Медуза. Что за жриц здесь держит Афина, если они считают, что крошечный огонек может оставить хоть след на теле бога? Боюсь, кое-кто ввел ее в заблуждение. Возможно, нас обоих.

Дрожа, но не отступая ни на шаг, Медуза встретила взгляд его водянистых глаз.

— Я никого не обманывала, — сказала она. — Это храм Афины, и тебе нельзя сюда входить.

На его лице не осталось и следа веселья. Его глаза потемнели.

— Я Посейдон, — сказал он. — И я вхожу туда, куда захочу.

Ее руки и ноги будто сковало, голос заглушила его рука с привкусом соли и моря, которой он зажал ей рот, подавив крики. Медуза изо всех сил зажмурила глаза, но слезы ручьями покатались по щекам. Она представляла, как долго все продолжалось, потому что время потеряло всякий смысл, растянулось до бесконечности. Тогда Медуза наивно думала и верила, что это будет худшим, что с ней случилось в жизни. Она и представить себе не могла, как ошибалась.

Но даже хуже, чем надругательство над нею самой, для Медузы стало надругательство над храмом ее любимой Богини. Это священное место было осквернено и обесчещено. Она думала о женщинах, приходивших к ней, о Корнелии, и представила, сколько раз они так же страдали от рук своих мужей. Ее двоюродные сестры, ее тетя, которая умерла от рук такого человека. Только сейчас это был не человек. Бог. Каждое его касание напоминало об этом ежесекундно: скользкое словно масло тело, ихор*, струившийся под кожей. Соленые слезы жгли кожу Медузы, горечью оседали на губах. Гнев захлестнул ее. Как он смеет приходить и брать то, что ему не принадлежит, да еще и в этом священном месте? Медуза решила посмотреть ему в глаза и показать,

---

* Кровь богов. *Прим.ред.*

что он может овладеть ее телом, но никогда не будет властвовать над духом. Она распахнула глаза. И тогда увидела их.

Посетители едва вошли в храм. Мать с двумя дочерьми и младенцем. Рядом с ними — жрица. Они стояли, открыв рты и вытаращив глаза. Медуза попыталась закричать и в этот миг поняла, что ее рот больше не заткнут. Ее руки больше ничто не держало, они свободно раскинулись вдоль тела, а ноги широко раздвинуты. Посейдон исчез. Оцепенев, она не могла ни пошевелиться, ни произнести ни слова, ни заплакать, и просто лежала на холодном мраморе, неотрывно глядя на мать. Но на лице женщины, прижавшей ребенка к груди, проступило нескрываемое отвращение. Сердце Медузы ухнуло вниз, как каменная статуя, и разлетелось на тысячу осколков.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Увлекаемая жрицей, семья стремительно покинула храм. Уходя, они что-то говорили и кричали Медузе. Но она не слышала их слов. В ее голове был один туман, а руки покрыты ссадинами и синяками от следов пальцев, которые она так часто видела у приходивших к ней женщин. Боль пронизывала каждую ее клеточку. Болело даже в таких местах, что, как ей казалось, неспособны болеть. Она дышала прерывисто, неглубоко и на секунду подумала, будто она может просто прекратить. Закроет глаза, сердце замедлится, воздух покинет ее тело и никогда не вернется. Но это мгновение длилось недолго. Превозмогая боль, Медуза заставила себя перевернуться и встала на колени.

Она склонила голову к тающим свечам — любой посетитель, подумал бы, что жрица молится, прямо как тогда, до этих долгих минут, когда Посейдон вошел в храм. Но ни один бог не повернет время вспять. Никакие их слова и обещания. Медуза лишь надеялась, что ее Богиня отомстит за нее.

Постепенно слезы остановились, а боль при-
тупилась. Она задумалась. *Будет ли теперь так
всегда?* Эта пустота, пробирающая до самых ко-
стей.

— Скажи мне, что это неправда. — Медуза рез-
ко обернулась, и живот пронзило острой болью.
Богиня стояла перед ней, зажав в руке кинжал. —
Скажи: то, что я слышала, — ложь.

Медуза не могла вдохнуть, боясь заплакать.

— Мне жаль, моя Богиня, мне так жаль.

Глаза Афины расширились:

— Значит, это правда? Ты разрешила ему вой-
ти сюда. В себя? — Медуза приподнялась, схвати-
лась за расшитое змеями одеяние своей Богини.

— Разрешила? Нет, ни за что.

Афина помотала головой:

— Тебя видели, Медуза. Видели собственными
глазами, как ты лежала на спине, стонала от удо-
вольствия, позволяла ему входить в себя.

Медуза замотала головой в ответ. Слова боги-
ни привели ее разум в смятение.

— Он заставил меня. Он меня обманул. Он ска-
зал, что женат.

Лицо Афины перекошилось от отвращения.

— Ты бы позволила женатому мужчине оказаться у тебя между ног, в моем храме?

— Пожалуйста, моя Богиня...

— Ты осквернила мой храм из-за похоти?

Медуза разрыдалась.

— Нет! Пожалуйста, ты не понимаешь... — вырвалось у нее. Она шумно втянула воздух, но втянуть слова обратно было невозможно.

Афина отступила, резко сбросив с себя руки Медузы. Ее глаза почернели от ярости.

— Не понимаю — я?

— Пожалуйста, моя...

— Я, Богиня, Богиня мудрости, *не понимаю*, что говоришь *ты*, смертная? Я понимаю более чем достаточно, дитя мое.

— Пожалуйста, пожалуйста... — Медуза распростерлась на земле у ног Богини.

— Я видела, какими взглядами тебя одаривают мужчины, и видела, с каким жеманством ты на них отвечаешь.

— Нет...

— Видела, как ты тянешь слова, а твой взгляд — о! он так полон сострадания! — Каждое ее слово пронзало воздух будто кинжалом.

— Афина, моя...

— Как ты смеешь произносить мое имя! Я поверила в тебя, доверяла тебе. Взяла тебя к себе, когда твой отец захотел защитить тебя от похотливых мужских взглядов, но, возможно, это их надо было защитить от твоего распутства.

И что я получила взамен? Ты осквернила мой храм, мое святилище своей похотью.

— Я бы никогда... Я не... — Ее голос срывался, дрожал; она проигрывала, не в силах произнести слова, которые, как она в глубине души знала, были правдой. Медуза поднялась на ноги и сказала: — Я не хотела его внимания. Мне не нужно ничье внимание, ни одного мужчины.

На губах Афины появилась улыбка; ее серые глаза замерцали, но оставались холодными.

— Что ж, посмотрим, правдивы ли твои слова, — ответила она.

Богиня исчезла так же быстро, как и появилась, сбив Медузу с ног вспышкой света. Она ударилась головой о белую мраморную колонну.

«Вот и конец, — осознала она, когда боль обожгла голову, тысячей крошечных игл пронзив кожу. — На прощание Афина подарила мне смерть».

К ней подошла какая-то жрица. Медуза увидела, как рядом скользит тень, но не подняла головы. Она не хотела видеть яд или жалость в глазах женщины и не хотела, чтобы кто-то увидел стыд в ее собственном взгляде.

— Оставь ее, — окликнул кто-то.

Медуза вздохнула с облегчением. Мысленно она снова оказалась в семейных рощах. Она бы все отдала, чтобы в последний раз пройти меж

деревьев, касаясь рукой блестящих листьев оливы. Она бы выменяла что угодно на то, чтобы сорвать спелый инжир и почувствовать, как сок стекает по подбородку. Закрыв глаза, Медуза думала только об инжире и рощах, но вдруг новая боль пронзила ее тело. «Должно быть, это смерть», — подумала она, когда ощущение докатилось до головы. В ушах раздался шум, похожий на переданную шепотом сплетню или шелест листьев на ветру. Глаза все еще больно жгло. Смерть вот-вот придет, говорила она себе. По крайней мере, Богиня дарует ей быстрый конец. Но ничего не происходило. Вскоре она начала приходить в себя. Все еще лежа, Медуза подняла руку к волосам. Что-то острое кольнуло пальцы. Она вздрогнула и отдернула руку.

— Не понимаю, — пробормотала она.

Струйка крови стекала из двух ранок на кончиках пальцев. Приподнявшись, она заметила, что голова стала тяжелой. Медуза еще раз подняла руку и опять коснулась чего-то мягкого у головы, и снова отдернула, когда ее пронзила боль. Два острых укуса и четыре капли крови. Нутро скрутило от неведомого ужаса. Изогнув шею, Медуза скосила глаза сначала влево, потом вправо и наконец вверх. Все звуки в комнате поглотило море шипения.

— Нет, не может быть. Не может быть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отправиться в путь Медузе пришлось под покровом ночи: передвигаться при дневном свете она никак не могла. Даже в тени рощ и лесов было недостаточно темно, чтобы скрыть проклятие, которое на нее обрушилось. Случайный солнечный луч наверняка достанет и выдаст ее, как хорошо ни прячься. Медуза продиралась сквозь заросли ежевики и кустарника, молясь, чтобы поскорее настало новолуние и луна исчезла с неба, ведь даже ее приглушенного бледного сияния хватало разглядеть извивающийся клубок у нее на голове: корону из змей, годившуюся только для Королевы Проклятых. Рептилии были привязаны к ней, как пальцы

рук и ног, только она не знала, сколько их: еще не успела сосчитать. Проходя миллю за милей, Медуза убеждала себя — они скоро исчезнут. Как только Афина успокоится и поймет, в чем дело, увидит, что Медуза ни в чем не виновата, змеи исчезнут.

Путешествие, которое заняло у них с отцом четыре дня, в одиночку оказалось в три раза длиннее. Когда она сбивалась с дороги, то не могла ни к кому обратиться за помощью. Нельзя было и проскользнуть на какой-нибудь постоянный двор и убедиться, что дорога, по которой она пошла, ведет в деревню родителей. Когда вдалеке раздавались голоса, Медуза убегала в панике и пряталась под корнями и между камней. Она сдавливала змей руками, прижимала их к голове, чтобы прекратить их яростное шипение, и напряженно вслушивалась в разговоры прохожих, надеясь услышать название знакомого селения или храма. Так она и определяла свой путь: по сплетням купцов и торговцев.

Когда луна пошла на убыль, Медуза почувствовала, что за ней наблюдают. Спустя шесть ночей ходьбы ее ноги затвердели и покрылись волдырями, и хотя за все это время у нее во рту не было и маковой росинки, она совсем не чувствовала голода. Только жгучее желание оказаться дома, найти покой в объятиях отца. Та ночь выдалась сухой и безветренной. Под ногами сновали цикады и полевые мыши. В полях, по которым

пробиравлась Медуза, укрытия не найти: молодая пшеница едва доставала ей до пояса. Зато началась знакомая местность. Корявые стволы и обветшалый фермерский дом пробудили воспоминания о путешествии с отцом. Медуза боялась сбиться с пути и еще сильнее задержаться, выбрав более скрытный маршрут, поэтому решила: если кто-нибудь и появится, она ляжет ничком и подождет, пока он пройдет. Она как раз выбирала место для отдыха, пока не взошло солнце, когда ночь прорезал единственный звук. Медуза остановилась как вкопанная, и ее змеи встревоженно притихли.

Желтые глаза блестели в темноте, высоко среди ветвей. Идеально круглые зрачки мерцали сверкающим серым светом. Медуза знала о ее существовании, хотя и никогда не видела рядом с Богиней, но ошибки тут быть не могло. Маленькая сова. Сова Афины.

С колотящимся сердцем Медуза уставилась на птицу, но та даже не моргнула.

— Ты знаешь, — воскликнула Медуза. — Ты знаешь, что он сделал со мной. Почему же заставляешь меня страдать?

Сова ничего не ответила. Она склонила голову набок, затем снова выпрямилась. Медуза, со все еще трепещущим сердцем, смотрела, ожидая, когда птица взлетит. Даже когда она приблизилась и ее змеи зашипели, громко и яростно, сова не двинулась с места. Живая статуя на ветке.

— Пожалуйста. Позволь мне служить тебе верой и правдой, как всегда служила. Или позволь продолжить путь. Разве я не заслуживаю хотя бы этого после всех моих страданий?

Она замерла, время остановилось, и, хотя Медуза не отрывала глаз от маленькой совы, ее вопросы остались без ответа. Луна медленно опускалась к горизонту. Только когда начало светать, а ответа так и прозвучало, Медуза повернулась и продолжила путь, зная, что желтые глаза так и будут наблюдать за ней.

Спустя двенадцать дней в укрытиях и двенадцати ночей дороги показались границы угодий ее семьи. Сова то появлялась, то снова исчезала. Иногда по ночам птица проносилась мимо темным силуэтом на фоне белой луны. В другие ночи она только слышала вдалеке ее уханье, напоминавшее о том, что ей никогда не будет позволено забыть. Богиня выбрала путь для нее, за нее. Теперь Медуза могла лишь идти по нему.

Когда дом наконец показался на горизонте, звезды уже исчезли с неба. Обычно Медуза находила укрытие, как только звезды начинали тускнеть, но в то утро, когда первые лучи солнца коснулись земли, Медуза уже знала, что почти добралась до цели своего путешествия и останавливаться не стоит. И она решила — награда стоит риска. Воздух наполнился знакомыми ароматами, и они только усиливались с каждым шагом. Еда, приготовленная на костре, и запах горящего

кипариса поглотили ее. Ощущение руки отца, покрытой мелом и мозолистой от работы в земле, на щеке; головы сестер на груди, пока она спала. Если закрыть глаза, воспоминания оказывались совсем близко.

— Самая длинная часть позади, — сказала она вслух, но едва услышав собственные слова, поняла, что это ложь.

Укрывшись за высокими тополями и низкими миндальными деревьями, она наблюдала за домом своей семьи, чувствуя, как испаряется усталость дороги.

Маленькая фигурка выскочила из дома. Нагруженная белыми простынями, пошла вдоль стены. Медуза затаила дыхание, слезы потекли по ее щекам.

— Эвриала, — прошептала она.

Волосы сестры за годы их разлуки посветлели, черты лица стали резче. Медуза знала, что прийти сюда, увидеть их вот так — значит потакать своим слабостям. Было бы милосерднее, если бы к ее одеянию привязали камни и булыжники и позволили Посейдону заполучить ее снова. Но что тогда узнает о ней семья? Что Медуза отдалась богу и не смогла вынести позора? Она не могла допустить, чтобы это бесчестье преследовало ее сестер и родителей до конца их дней. Ее уже мало беспокоило мнение чужих, даже Афины, но она не могла покинуть этот мир, пока ее семья не узнает правду.

— Ноно? — позвал голос из дома, и через мгновение на пороге появилась женщина.

Медуза прищурилась в утреннем свете. Мать? У нее были такие же мягкие волнистые волосы и плавные очертания плеч. Но ее лицо, не отягощенное морщинами, сияло юностью. У Медузы перехватило дыхание, когда она поняла, что ошиблась. С охапкой простыней вышла не Эвриала, а Сфено. Печаль и недоверие захлестнули ее. Неужели прошло так много лет? Младшая сестренка стала девушкой. Почему Медуза так удивлена? В конце концов, и она изменилась. Хриплый смех сорвался с ее губ. О да, уж она-то изменилась. Подавив горечь и осторожно ступая по хрустящим листьям, усеивавшим землю под ногами, Медуза заскользила вдоль ряда деревьев, следя за тем, чтобы не попасться на глаза сестрам.

Они вешали простыни на веревку, а Медузу все сильнее захлестывало жгучей болью разлуки. Скоро корзина опустеет, и Сфено уйдет в дом. Жар задержит их внутри, в прохладной тени, а Медуза снова останется одна. Она напомнила себе, что стоит поспать. Отдохнуть, прежде чем приступить к задаче, которая ее ожидала. Но в глубине души она знала, что не сможет.

Когда сестры уже закончили свои дела и ушли в дом, Медуза все еще бодрствовала, не в силах даже закрыть глаза. Каждый вид, каждый запах — она хотела запомнить их все, от того,

как отражался от земли свет, до ощущения той же пыльной земли между кончиками пальцев.

Утренняя жара после полудня схлынула, и Медуза задумалась, не стоит ли прилечь в тени дерева и хоть ненадолго забыться сном, в котором она отчаянно нуждалась, но тут занавеска на двери отодвинулась. Эту фигуру Медуза ни с кем не спутала бы.

— Отец, — прошептала она.

Годы изменили Фалеса. Возможно, больше, чем Сфено и Эвриалу вместе взятых. В его плечах появилась тяжесть, которой Медуза раньше не видела или, по крайней мере, не замечала. Возможно, тогда ее ослепляла юность.

Ее сердце забилося быстрее, и змеи вокруг головы взбудоражено зашипели еще громче обычного. Она все еще не понимала, что означает их речь и значит ли она вообще что-нибудь. Поначалу шипение звучало для нее одинаково — сердито, мстительно, злобно, — однако шли дни, и она стала слышать тонкие различия. Интонации. Взлеты и падения. Медуза еще не знала, способна ли управлять этими змеями. И все же она пыталась.

— Тихо, — скомандовала она. Несколько змей опустились к ее щеке. Острый зуб вонзился в кожу. Случайность? Она не могла сказать, но пока ей было все равно. Она молча смотрела, как ее отец работает, медленно обходя свои угодья. Весь день она стояла на месте, словно

замерзшая, пока на небе не посыпались звезды и в окнах дома не загорелись оранжевыми светильники. Медуза подумала, что будет легче провести ночь, спрятавшись где-то в отдалении. Затем вернуться утром и снова наблюдать. Она устроит себе укрытие в одном из загонов для скота. Это нетрудно. Яростно втянув воздух, Медуза прогнала эту мысль прочь. Как часто она говорила с женщинами о мужестве? Мужестве рассказать. Мужестве искать помощи. Если она не в состоянии последовать сейчас собственному совету, когда больше всего в этом нуждается, значит, она никогда не заслуживала места в храме. Собравшись с духом, Медуза взялась за накидку и дважды обернула ее вокруг головы, придавив извивающихся змей так близко к коже, как только сумела. Позже, конечно, наступит расплата, но это не имело никакого значения. Уже не имело. После этой ночи она хотела только уснуть и больше никогда не просыпаться.

Обездвижив змей, бесшумная, как ночь, Медуза устремилась к дому. Дрожащей рукой отодвинула занавеску, прикрывавшую дверь, и позвала:

— Папа, мама, я дома.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Не открывай дальше, — сказала Медуза, когда лучик света в палец толщиной прорезал тьму.

— Кто там? — раздался голос ее отца.

— Это я. Медуза.

— Медуза? — Он опять попытался открыть дверь, но она крепко ухватилась за створку и удержала на месте.

— Не открывай, — сказала она. — И погаси свет.

— Медуза?

— Пожалуйста. Делай, как я прошу. Погаси свет. Тогда я войду. Пожалуйста.

На секунду в воздухе повисла недоуменная тишина.

— Сейчас, — сказал отец.

Она услышала, как Фалес зашагал обратно, а потом свет лампы погас. Ее накрыло волной ужаса. Решение прийти сюда было себялюбивым, Медуза это знала, но отступать поздно. Подавлив страх, Медуза толкнула дверь.

— Дитя, — голос Аретафилы звучал слабо и неуверенно, — это правда ты? — Она сделала шаг навстречу дочери.

Медуза покачала головой.

— Пожалуйста, оставайся на месте. Ты должна остаться там, где стоишь.

— Но мы почти не видим тебя, дитя. Я не вижу твоего лица в темноте.

Медуза кивнула, хотя в темноте никто этого не видел. Ее грудь затопила боль, желание, которое подавлялось столько лет. Нужда в объятиях матери. Она стояла неподвижно, словно высеченная из камня.

— Почему ты пришла к нам, вся закутавшись? Пожалуйста, позволь увидеть тебя. Прошло так много лет. Позволь мне взглянуть на свою прекрасную дочь. Моя прекрасная, прекрасная Медуза... — Слова Аретафилы утонули в рыданиях, и она шагнула к дочери, но внезапно рука мужа преградила ей путь.

— Медуза, — голос Фалеса дрожал, — что случилось? Почему ты вернулась сюда?

В тишине Медуза слышала шипение змей, разгневанных своим заточением. Она задумалась,

слышат ли его и родители. Медуза ни разу не приблизилась к кому-то, чтобы они смогли атаковать, но никакого доверия к этим существам у нее не имелось. Они не были ее частью, даже если так и казалось со стороны.

— Мне нужно рассказать вам, — Медуза постаралась, чтобы ее голос не дрожал, — мне нужно рассказать вам обоим, что произошло. Сядьте подальше от меня. Тогда можно зажечь свечу.

Фалес уверенно зашагал в темноте дома, и вскоре слабый свет озарил комнату и лица родителей. Несмотря на отчаянное желание рассмотреть их внимательнее, Медуза упорно не поднимала взгляда от пола.

— Вот так хватит, — сказала Медуза, когда в комнате стало чуть светлее.

В тусклом свете она разглядела руки родителей. Фалес крепко сжимал ладонь жены.

Он мягко указал Аретафиле отойти в дальний конец комнаты, но сам не сделал и шага.

— Отец, — как могла убедительно произнесла Медуза, — пожалуйста.

Медуза рассказывала, медленно, минута за минутой, слово за словом. Она ничего не скрывала, ведь ничем не обязана была Богине. Ни другим жрицам, ни одна из которых не пришла защитить ее честь в час нужды. Она поведала о своей

встрече с Посейдоном. О предыдущих встречах, когда он приходил к ней в другом облике. О том вечере в храме. Она все не поднимала глаз, пока говорила, вспоминая презрение Афины, когда богиня бросила Медузу на землю и оставила ее, истекающую кровью, на мраморном полу. К концу рассказа ее мать рыдала так громко, что разбудила девочек, спавших за занавеской.

— Мама? Папа? Кто здесь?

— Идите обратно спать! — резко сказал дочерям Фалес. — Мы с матерью хотим, чтобы вы спали.

— Я слышала Медузу. Она здесь?

— Твоя сестра с Богиней, — ответила Аретафила.

— Но...

— Спите. Сейчас же!

Родители дружно замолчали и принялись ждать, пока в соседней комнате наконец не стихли шепотки. Но уснули ли Сфено и Эвриала, сказать было невозможно.

— Дитя мое, — слезы душили старика отца, — я подвел тебя. Я привел тебя в храм, чтобы защитить.

— На тебе нет вины, отец.

— Она вся только моя! — Он схватился за голову, потом простер руки к дочери. — Может быть, это благословение. Удар, который она тебе нанесла, — не может быть, чтобы он слишком сильно ранил тебя, ведь ты нашла путь к нам. Ты снова нашла путь к домой.

Медуза молчала.

— Это не твоя вина, отец, — повторила она. — И не моя. Боги виновны в этом.

Аретафила потрясла кулаком в воздухе:

— Они играют в богов только тогда, когда захотят. Их злоба, их мстительность даже более непредсказуемы, чем у любого смертного. Я сама пойду в храм. Я потребую, чтобы эта подлая богиня выслушала меня, и выскажу ей все, что думаю, пусть все слышат.

— Тогда она, скорее всего, проклянет нас обеих, матушка. Я не доставлю ей такого удовольствия. Как и сказал отец, я не умерла. Я нашла дорогу обратно к вам. Может быть, со временем все пройдет.

Фалес поднялся со своего места.

— Какое бы проклятие на тебе ни лежало, мы его выдержим, дитя мое. Ты можешь остаться здесь, с нами. Тут ты будешь в безопасности. Богиня не причинит тебе вреда в нашем доме.

— Боюсь, вы ошибаетесь, — Медуза знала, что настала пора уходить. Она сказала свое слово. Родители выслушали. Если она уйдет сейчас, они запомнят только это. Но тепло слов отца согрело ее. Наполнило надеждой, а вдруг его слова правда? Если можно прожить остаток жизни рядом с семьей, разве не стоит хотя бы попытаться?

Медуза опустила руку на шарф, обвязанный вокруг головы, и почувствовала, как под пальцами извиваются змеи.

— Отодвиньтесь еще чуть дальше, — сказала она, — и постарайтесь не издавать ни звука. Я не хочу их растревожить.

Медуза знала, сейчас родители смотрят друг на друга с настороженностью и замешательством. Должно быть, они думают, их дочь сошла с ума, догадалась Медуза и горько рассмеялась про себя. Насколько проще было бы безумие. Сумасшедшая дочь, которую держат в доме и доверяют лишь собирать яйца у кур да гонять крыс из курятника. В самом деле, гораздо проще.

Когда Медуза добралась до шеи, шипение усилилось. Она скрутила их как следует, и, без сомнений, ничего хорошего ей ждать не стоит.

Она зажмурилась, когда их клыки начали жать сквозь шелк.

— Прежде чем я покажу вам это, пожалуйста, помните, что я — это все еще я.

Маленькая свечка, казалось, горела ярче, чем когда-либо. Дрожь охватила тело Медузы. Змеи становились все беспокойнее с каждым вздохом, и их тревога смешивалась с ее собственной, умножая друг друга. Медуза хотела подождать — подождать, пока не утихнет сердцебиение и не уменьшится страх, но для этого и вечности было бы мало.

— Это я, — сказала она, со все еще склоненной головой, смотря в пол. — Помните, что я по-прежнему ваша маленькая дочь.

Взмахом руки она стянула накидку с головы.

Дитя Афины

— Боги небесные! — вскрикнула Аретафила, рухнув в объятия мужа. — Да что же это такое? — Из-за неожиданного вскрика змеи закачались, шипя и истекая ядом, извивающейся массой чешуи и снующих языков.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Медуза замерла, склонив голову и вцепившись дрожащими руками в потрепанные лохмотья хитона. Крупные слезы капали ей под ноги, а змеи на ее голове вырывались и тянули кожу.

— Смотрите. Это и есть проклятие. Вот что она сделала со мной.

Аретафила отпрянула, тряся головой. Страх был замечен по тому, как участилось ее дыхание.

— Ты, должно быть, разозлила богиню. Видно, ты совратила того мужчину. Ясно, что...

Медуза качнулась вперед:

— Нет, мама, нет. Клянусь, я ничего не делала. Все произошло так, как я вам рассказала! — Ее мать отшатнулась в страхе, и Медуза замерла

на месте. — Пожалуйста, я клянусь твоей жизнью. Жизнями Сфено и Эвриалы...

— Богиня прокляла тебя вот так... Это невозможно. Если только ты не...

— Пожалуйста... — Это был голос ребенка, умоляющего родителей о доверии. — Я ничего не сделала. Вы должны мне поверить.

— Безобразн...

— Аретафила! — воздух сотряс голос Фалеса. Он сжал кулаки, белые костяшки просвечивали сквозь смуглую кожу. — Наше дитя пришло к нам. Она доверилась нам.

— Нет, она нас обманывает. Ты ведь понимаешь, ни один бог не совершит такое возмездие без причины.

Ожесточение и упрек в голосе ее матери жалили острее и больнее любых змеиных укусов. Но Медуза не винила ее. Кто, столкнувшись с чудовищем, попытается разглядеть что-то большее, чем зубы и длинные когти?

— Теперь вы понимаете, — сказала Медуза, зажмурившись, поскольку боялась не вынести разочарования на лицах родителей. — Это худшее из всех проклятий, что выпадали на долю человека. За всю историю богов вы видели что-нибудь подобное?

— Медуза...

— Отец, я больше не женщина. Я чудовище. Безобразный монстр.

Из ее закрытых глаз потекли слезы. Она не потрудилась их стереть. Слезы мало волнуют

человека, весь мир которого разбился вдребезги. Слова закончились. Больше сказать нечего. В напряженной тишине Медуза ждала, хоть и не знала, чего именно. Возможно, удара вил, после того как родители вытолкают ее в темноту. Возможно, еще острее — нож в сердце или поперек горла. Отец убивал овец и коз. Он знает, как сделать это быстро. Как можно менее болезненно, если они решат даровать ей эту милость. Слышались только всхлипы матери. Неужели это последний звук, который ей предстоит услышать? Чего бы Медуза только ни отдала, чтобы им стала нежная материнская песня. Пение или смех. Она ждала проклятий, криков и боли. Но вместо них пришла нежность.

— На тебе лежит проклятие, — сказал Фалес. — Но это не приговор.

Он прошел вперед, взял свечу со стола и шагнул к дочери. В мерцающем свете ее змеи выпрямились, зашипев и обнажив клыки. Если Фалес и заметил их враждебность, то никак этого не показал. Он подошел к дочери и коснулся ладонью ее щеки. Змеи зашелестели, негромко и жалобно, то ли от гнева, то ли от удовольствия — Медуза не понимала, потому что они хоть и не нападали, но и не успокаивались.

— На тебе проклятие, — сказал он. — Нельзя отрицать, что оно... ужасно. Ты посвятила свою жизнь храму, а те, кому ты доверяла, отвергли тебя, когда ты нуждалась в них больше всего.

Но знай — и услышь меня, потому что это правда: когда тебя настигло проклятие Богини, я был благословлен, потому что ты вернулась.

Медуза фыркнула.

— Я вернулась к тебе вот таким чудищем.

— С каких пор моя дочь стала судить о людях по цвету волос? — пошутил Фалес. — Я думал, что воспитал тебя получше. — Отец почти сразу перестал смеяться, но в сердце Медузы сверкнул крошечный проблеск надежды.

— Афина мудра, Медуза, — продолжил Фалес. — Она осознает ошибочность своего выбора. Поверь мне, дитя мое. Это не навсегда. Когда придет время, она вернет тебе прежний облик.

— Но если ты ошибаешься...

— Не ошибаюсь.

— Но если все-таки...

— Я говорю тебе правду, моя дорогая. Я бы поставил на это жизнь. Ты служила Богине только с любовью. Она поймет свою ошибку. Она все исправит.

Слезы Медузы падали крупными каплями, оставляя на полу темные круги. За шумом ее прерывистого дыхания не было слышно змей.

— Ты дома, дочь моя. Ты дома, и мы будем с тобой — Обхватив ее подбородок ладонями, он приподнял его. Медуза сморгнула слезы, и тут ее глаза встретились с глазами отца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Его губы растянулись и застыли в улыбке, такой знакомой и обнадеживающей, что Медуза не сдержалась и улыбнулась в ответ. Ее губы изогнулись в такой же улыбке — слабой, но уверенной; она ждала еще ободряющих слов. Прошла секунда, потом другая, а они все не звучали.

Глаза Фалеса, поначалу полные надежды и оптимизма, постепенно утратили блеск, а его рука, покоящаяся на щеке Медузы, похолодела: сначала пальцы, потом ладонь и запястье. Медуза потеряла дар речи, не в силах осознать, что она видит.

Тишину разрушил крик Аретафилы:

— Что ты наделала? Что ты наделала? — Она бросилась было к мужу, но отпрянула, услышав

шипение змей; ее кожа побледнела, как расплавленный воск.

— Что ты наделала? — повторила мать.

Медуза не отрывала взгляд от отца; она прошептала:

— Это не... Я не... Отец! О, отец! — Она обхватила его руками: тело было холодным и твердым. Камень.

— Отец, нет! — Боль отступила, и закапали слезы, более едкие, чем мог вынести смертный. Они обжигали кожу, ослепляя Медузу. — Отец! Пожалуйста! — Она начала ощупывать тело отца. Одевание, грудь... Даже его ноги в сандалиях. Камень, камень и снова камень. Ни биения сердца, ни трепета дыхания. Не было пульса, не было жизни в его глазах.

— Твое проклятие пало на нас. — Аретафила держала в руке свечу — прямо перед собой, как оружие. — На всех. Ты чудовище! — Медузе почудилось, что всю ее кровь выкачали из тела. — Ты пришла сюда, в наш дом, и навлекла это на всех нас. Ты мне не дочь. Ты порождение Кето.

— Матушка, пожалуйста. Это я. Медуза.

— Чудовище!

— Нет, пожалуйста. Я не хотела. Я не знала, что так будет. Я этого не просила.

Несколько часов назад она и не подумала бы, что ее сердце может разбиться еще сильнее. Но это: смерть отца, отречение матери, — было

больше, чем мог вынести любой смертный. Эта боль пронзила ее всю.

— Уходи сейчас же.

— Матушка, пожалуйста...

Медуза невольно подняла голову, чтобы посмотреть на Аретафилу. Она хотела объяснить. Умолять. Плакать. Ей было нужно успокоиться, зная, что мать ее поймет. Конечно, поймет. По своей воле Медуза бы не сделала такого ни с одним человеком, и уж тем более — с обожаемым отцом, единственным, кого она любила больше самой Богини. Все, кто знал Медузу, понимал это.

— Пожалуйста, матушка, ты должна поверить мне... ты должна... ты... Мама... Мама?

На сей раз она мгновенно поняла свою ошибку. Ее глаза встретились с глазами матери. Они были полны слез, но это не защитило Аретафилу. Медуза даже не успела закричать, как ее мать тоже превратилась в камень.

— Нет! — Она упала на колени, ударившись о земляной пол. — Нет. Мама! Мама!

Каждая клетка ее тела горела и кричала. Вокруг раздавалось змеиное шипение, истощное и горькое. Для Медузы все было кончено: больше она не могла это выносить.

Но тут ночь прорезал звук, заставивший змей снова прижаться к ее голове. Потом еще раз. Пронзительный, резкий крик ночной совы.

Медуза похолодела. Здесь Афина, осознала она. Она была тут все это время. Смотрела.

Слушала. Медуза проглотила душившие ее слезы. Такую битву ей не выиграть: не против Богини. Но что же у нее осталось, кроме желанья бороться? Оторвавшись от матери, Медуза вытерла слезы со щек и подняла голову к небу.

— Это то, о чем ты мечтала? — спросила она. — Вот какое твое наказание? Эти смерти случились по твоей воле, не по моей.

Она ждала ответа. Но его не последовало. Если Богиня пожелала так развлечься, что ж, хорошо, подумала Медуза. Она покончит с развлечениями.

— Это последние жизни, которые ты забереешь от моего имени, — прошептала она в пустоту.

На другом конце комнаты Медуза заметила блеск ножа. Тяжелого лезвия, которым пользовались для разделки животных и мяса, острое, хоть и старое: застывшая коричневой корочкой кровь навсегда присохла к рукоятке. Проклятие закончится здесь и сейчас, сказала себе Медуза. Никто больше из-за нее не умрет. Она пересекла комнату и потянулась к нему; сердце колотилось в ее груди боевыми барабанами. Змеи зашипели, сердито и громко, и принялись жалить ее запястье и пальцы, когда она взяла нож в руки. Они знали, что она собирается сделать, но инстинкт рептилий велел им выжить, а не сдаваться.

Обхватив рукоятку обеими руками, Медуза подняла клинок. Последняя жертва Богине, подумала она. Один удар сверху вниз. В живот. Вот

и все, что нужно. И мир освободится от ее проклятия.

— Сестра? — Внимание Медузы мгновенно вернулось к комнате. Лезвие блестело прямо над ее кожей. Голос снова заговорил: — Сестра, что случилось? Пожалуйста, скажи, что случилось. Наши родители, почему они молчат? Медуза, поговори с нами. Мы знаем, что это ты... — Занавеска дрогнула от движения руки за ней.

— Оставайтесь там! — вскрикнула Медуза. Она торопливо обернулась, уронив клинок на землю. — Оставайтесь там! — снова крикнула она сестрам. — Вам нельзя выходить. Не выходите оттуда!

Всхлипы, такие юные и детские, донеслись из-за занавеса, и глаза Медузы защипало. Не в силах сдержаться, она шагнула ближе, забыв об упавшем клинке, и направилась к сестрам. Задыхаясь, подняла руку и прижала ладонь к ткани.

— Пожалуйста, простите меня. Мне жаль. Мне так жаль, — прошептала она.

— Медуза?

Сквозь ткань другая ладонь соприкоснулась с ее ладонью. Тепло. Человеческое тепло разлилось по грубым волокнам, обжигая руку и ребра.

— Эвриала?

Ответом служило молчание: говорить не было нужды.

— Отец, мать, — заговорила Эвриала, — они там? Что случилось?

Грудь Медузы сдавило, она не могла вдохнуть. Что случилось? Вопрос эхом отдавался у нее в голове. Что же случилось? Ничего, подвластного ей. Ничего, что она могла бы вернуть и изменить. Тысячи крошечных волн собрались на море ее жизни и обратились огромной волной, та обрушилась на берег Медузы и уничтожила все, что она знала и любила.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Меня прокляли, и это проклятие убило родителей. Я убила их.

Раздался сдавленный вскрик. Даже цикады снаружи притихли, отчего темнота стала еще глубже. Скрепя сердце, Медуза отняла руку от руки Эвриалы. Покинуть сестер вот так, осиротевшими и одинокими, было бы чудовищно. И все же пусть лучше они запомнят ее как чудовище, убившее родителей и бросившее их, чем если бы проклятие затронуло и Сфено с Эвриалой.

— Я должна идти, — прошептала Медуза.

— Нет! — Рука схватила ее за запястье сквозь занавеску, и это застало Медузу врасплох, как и неожиданная сила хватки. Змеи снова взвились в воздух.

— Простите, — повторила Медуза, пытаясь вырвать руку. — Простите. Я пошлю за дядей. Он позаботится о вас... — Жар ночи окутал ее. Сестра все еще держала крепко, и руки Медузы тоже дрожали, пока она один за другим разжимала

тонкие пальцы на запястье. — Простите. Простите, — повторяла она; короткие тонкие пальцы впивались ей в кожу.

Сфено заплакала громче. Прерывистые свистящие и хриплые вдохи царапали воздух, будто ногти по камню. Каждый всхлип для Медузы был словно удар кинжалом в сердце.

— Пожалуйста. Я должна уйти. Я должна уйти. Здесь, со мной, вам не безопасно, — наконец освободившись от руки Эвриалы, Медуза снова посмотрела на клинок. Она наклонилась и подняла его еще раз.

— Что бы ни случилось, ты не виновата. Я слышала, что ты сказала матери и отцу. — Эвриала говорила медленно, отчетливо. Взвешенно. — Я слышала каждое слово. Это не твоя вина. Это сделала Афина. Она должна была дать тебе убежище. Защитить твою честь. Да будет она проклята навеки за то, что сделала с нашей семьей.

— Нет! — Медуза уронила нож, который воткнулся в землю, и выпрямилась. — Пожалуйста, Эвриала...

— Она должна была защищать тебя. Это ее обязанность. Именно поэтому отец отправил тебя туда.

Голос сестры наполнился злобой. Тем же жгучим гневом, что испытала сама Медуза. Она понимала ее. Но она не могла этого допустить. Голова кружилась и гудела, земля уходила из-под ног.

А Эвриала рвала и метала:

— Ты обратилась к ней за защитой. Служила в ее храме и молилась у ее алтаря, а теперь она украла у нас всю нашу семью...

— Пожалуйста! — Опустившись на колени, Медуза с закрытыми глазами пыталась схватить сестру сквозь занавеску. Ощупывая пространство вслепую, она ухватила за ее лодыжки. — Богиня услышит тебя. Она услышит, что ты говоришь.

— Замечательно. Этого я и хочу. Пусть она услышит, что с нами сделала. Пусть увидит боль, которую принесло ее себялюбие. Какое злое, несправедливое...

Крик, который прервал тираду Эвриалы, был самым пронзительным из всех, что доводилось слышать Медузе. Он разорвал ночь, заставив птиц покинуть гнезда.

— Сфено! — воскликнула Медуза. Не раздумывая ни секунды, она откинула занавеску в сторону. Ее младшая сестренка корчилась на земле, схватившись за голову и воя. Мгновение спустя Эвриала тоже упала на землю и закричала.

— Нет, пожалуйста, нет!

Слишком поздно. Богиня, как Медуза уже поняла, всегда все слышала.

STONE HEDGE

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

STONE HEDGE

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Годы тянулись медленно. Возможно, так казалось, поскольку Медузу тяготило общество сестер: от семьи осталось одно название. Опаснее всего было в первые месяцы. Они бежали с большой земли, спрятавшись под плащами, окутанные тьмой; крали самое нужное, бросали остальное. Случались смерти, как нечаянные, так и необходимые. Капитан, который в самый первый день, много лет назад, отказался пускать их на корабль; Медуза не нашла другого выхода. Она просто подняла на него взгляд и сообщила штурману, стоявшему позади, — капитан теперь он.

Позже, на том же судне, нетрезвый юноша, в надежде на ночное свидание, случайно зашел

не в ту каюту. Медуза снова встала на пути у судьбы. Лучше пусть вырастет число отобранных ею жизней, чем рискнуть остатками человечности сестер. В конце концов, ничто не терзало Медузу сильнее, чем гибель родителей.

В первые месяцы, поднимаясь на борт одного корабля за другим, Сфено молчала. Только тихо плакала, по ночам плач становился громче и затихал к восходу. Тело сестры подверглось большому изменению, чем просто появление змей. Ее позвоночник изогнулся, лопатки раздалились в стороны под неестественными углами, причиняя боль при каждом движении. Медуза была рядом с ней каждую минуту путешествия, повторяя немногие слова утешения, а Эвриала продолжала осыпать небо горькими проклятиями.

— Она поплатится. Она за это поплатится... — Эту полную яда колыбельную она нашептывала долгими ночами спящим попутчицам.

Эвриала была изуродована так же, как Сфено; ее позвоночник искривился, словно на спину давило что-то невероятно тяжелое, однако она не показывала своей боли. По крайней мере внешне. Но и в этом сестра гневно винила Богиню.

— Она заплатит за то, что сделала с нами. Не знаю как, но я этого добьюсь. Я заставлю ее заплатить за все, что она натворила.

Однажды ночью, когда Сфено слегла с лихорадкой, Эвриала совсем разбушевалась.

— Я найду способ. Своими ногами взберусь на Олимп и приставлю кинжал к ее горлу. Ты слышишь это, Богиня? Ты слышишь, что я иду за тобой?

— Не стоит сердить ее еще больше, — умоляла Медуза. Волны бились о корпус корабля, швыряя его из стороны в сторону. Она обтирала Сфено влажной тканью, пытаясь сбить жар.

— Почему? Что еще она может нам сделать? — Эвриала подняла голову и руки к небу. — Ты хочешь убить нас? Где же ты сейчас, о Великая? Закончи начатое, или участь твоя будет ужаснее участи твоего любимого титана, Прометея.

— Прекрати эти насмешки, Эвриала! — Волны вздымались все выше, бились о корабль все сильнее, и капли воды просачивались сквозь доски, заливая пол. — Прекрати это. Они тебя услышат.

— Я хочу, чтобы они меня слышали. Я хочу, чтобы они увидели, что сделала их драгоценная богиня.

— Хватит! — Медуза ударила сестру открытой ладонью. Руку обожгло. Эвриала застыла с открытым ртом, но тут же стиснула зубы и криво усмехнулась.

— Даже сейчас ты принимаешь ее сторону? После всего, что она сделала?

— Я на твоей стороне, Эвриала. Я пытаюсь защитить тебя.

Эвриала фыркнула в ответ, но поток ее проклятий хотя бы ненадолго прекратился. Все

исправится, когда они окажутся вдали от людей, сказала себе Медуза. Им полегчает, когда больше не придется скрываться в тени, слыша звуки смеха и веселья на палубе — чего ни одной из них больше не испытать. Станет лучше, когда они будут вдали от той жизни, частью которой они никогда не станут. И какое-то время так оно и было.

Капитан их последнего корабля отказался плыть дальше Кистены и вместо этого предложил — за некоторую плату — небольшую весельную лодку. Ее спустили на воду ночью, и Медуза, используя недавно обретенную силу, стала грести, направляя суденышко к заходящему солнцу. Три дня и три ночи она гребла, не уставая и не ослабевая, пока в темноте не возникли очертания острова, на котором не было видно ни единого огонька.

— Здесь. Наш дом будет здесь, — сказала она.

— Тут же ничего нет, — ответила Эвриала.

— Этого больше чем достаточно. — Медуза соскочила в воду и потащила лодку к берегу; на мелководье днище царапали камни. — Тут есть укрытие. Есть деревья, и послушайте, это блеяние коз?

Даже Сфено перестала хныкать и наклонила голову в сторону острова, прислушиваясь к звукам, которые приносил ветер.

— Там есть козы, — сказала она и впервые ощутила слабый проблеск надежды.

— Но ведь козы — значит люди? — Эвриала пришла к тому же выводу, что Медуза, но та уже успела понять кое-что еще.

— Нет. Не думаю. Кажется, людей уже довольно долго тут не было.

Наклонившись, она подняла полную горсть гальки и ракушек. Вместе со зрением и слухом день ото дня обострялось и ее обоняние. Раковины пахли только землей, солью и морскими водорослями, рыбой и свежей дождевой водой. И чем-то умиротворяющим. Спасением от всего мира.

— Я думаю, здесь мы будем в безопасности, — сказала она.

За первый месяц жизни на острове сложился определенный распорядок дня. Эвриала каждый вечер продолжала гневно поносить Богиню; Сфено вставляла слово-другое, пребывая иногда в радости, иногда в печали. Большую часть времени она проводила на одном из дальних уступов, наблюдая за козами и приманивая их своим детским голосом. Это смахивало на пародию: змееволосое чудовище, теперь едва способное выпрямить спину, скрючившееся, как старая карга, подзывало коз голосом ребенка. Так сестра проводила час за часом, но из-за змей не могла подойти достаточно близко и приручить животных. Медуза же, попав в это неудобное каменистое

святилище, снова надела свою мантию: наставления жриц все же глубоко укоренились в ней.

В свете луны она рассказывала сестрам истории из храма; о людях, о богах, об их кознях. Сфено и Эвриала слушали с широко распахнутыми глазами, их змеи молчали. Только в такое время, когда свет костра плясал в их глазах, можно было разглядеть в них семью несчастных сирот, таких же, как многие другие. Семейку, которая с радостью проводила вместе время. Сфено обычно клала голову на колени Эвриалы, но иногда и на плечо Медузы. В эти минуты Медуза чувствовала робкую надежду. Видела далекую тень того, что могло бы быть правдой. Козы привыкнут к ним, сказала она себе, и, может быть, весной они заберут козленка у матери и вырастят его сами, так что он ощутит доброту рук Сфено. У них появится молоко, и они будут делать сыр и жить так, как жили бы любые женщины на подобном острове.

Медуза рассказывала свои истории, и порой сестры задавали вопросы о временах до храма, когда они были маленькими. Они спрашивали Медузу, помнит ли она, какими они были, только родившись или пока не начали ходить; о любимых блюдах; припоминает ли она какие-нибудь забавные случаи. Этих мгновений Медуза жаждала больше всего: возможности восстановить связь, которая так долго была оборвана.

— Вы же, наверное, тоже можете мне рассказать о чем-то? — говорила она, закончив историю

о том, как Эвриала объелась гранатов и у нее заболел живот. — Например, о сборах урожая? Или о праздниках в честь богов? Разве у вас нет историй из тех времен, которыми можно поделиться со мной?

Она всегда ждала с замиранием сердца, желая заглянуть в те годы, которые она потеряла безвозвратно вместе с родителями. Но сестры молчали. Молчание нарастало и ширилось, пока уютное спокойствие между ними не исчезало. Из-за напряжения змеи начинали шевелиться и дергаться, пытаясь дотянуться друг до друга. И тогда Медуза с ужасающей ясностью понимала: сколько бы слов Эвриала ни прокричала в небо, не Афины она винила в том, что они превратились в чудовищ. Именно Медуза определила их судьбу.

Недели и месяцы превращались в годы, приходили приливы и отливы, Луна прибывала и убывала. Весной начинали зеленеть новые листья; потом осень вступала в свои права, и они осыпались, ломкие и коричневые. Сестры разводили костры скорее по привычке, чем из необходимости, поскольку никого из них холод уже не беспокоил так сильно, как раньше.

На уступе, где они построили свой дом, хватало зелени утолить голод, а также довольно пещер и ниш, чтобы остаться в одиночестве. Но временами уйти от сестер было недостаточно. На самом деле они стремились — все они — уйти

из этого мира. Но только летом пятого года жизни на острове Медуза узнала, насколько сильно ее сестры в этом нуждались.

Этот день был просто предназначен нежиться на солнце. Тепло, поднимавшееся от земли, слегка ослабевало от морского бриза. Медуза собирала коренья и травы на суп, радуясь, что научилась различать болиголов и коровью петрушку: на острове они росли вперемешку.

Вдруг она увидела две фигуры, приближающиеся к вершине утеса. Хотя она сама и сестры сильно изменились, однако Сфено и Эвриала страдали от физических недугов. Превращение же Медузы было более удобным — еще одна причина для досады Эвриалы. Зрение Медузы теперь настолько улучшилось, что она различала морского ястреба по хвостовым перьям на большом расстоянии от берега. Она слышала шелест его крыльев, когда он складывал их, готовясь нырнуть вниз, и свист воздуха, когда птица устремлялась к воде. Чувства обострились до такой степени, что, даже сидя глубоко в лабиринте пещер, Медуза слышала плеск волн и завывание ветра меж скал.

Если бы не искривленные позвоночники и сгорбленные плечи, Медуза под сверкающим солнцем могла бы обмануться: Сфено и Эвриала казались обычными женщинами с медными локонами; наслаждаясь жарой и обществом друг друга, они не спеша поднимались по склону.

Медуза смотрела, как сестры взбирались на более скалистые уступы, легко скользя там, где простому смертному пришлось бы остановиться и пойти назад или ползти, цепляясь руками и ногами, до более ровной поверхности. Несмотря на неестественное телосложение, Сфено и Эвриале тоже досталась новая сила, которая могла бы сравниться с ее собственной, доведись им когда-нибудь это проверить. Не сводя глаз друг с друга, сестры достигли самой высокой точки острова и остановились у самого края утеса. Их волосы развевались, будто под порывами ветра, а не потому что на самом деле были водопадом змей, крепившихся к головам. Не догадываясь, что Медуза замерла внизу, они обменялись парой слов и взялись за руки. Медуза помахала сестрам, но те не смотрели на нее. Она подумала, не окликнуть ли их, и уже собиралась это сделать, но тут они снова зашагали вперед, на сей раз быстрее. Их змеи взвились в воздух, когда девушки побежали, держась за руки, к краю обрыва; пальцы были переплетены, даже когда земля уже исчезла у них из-под ног.

— Нет! — вскрикнула Медуза, уронила собранные травы и помчалась к пляжу. К ее горлу подступила желчь.

— Сфено! Эвриала! — Нога застряла между камнями, Медуза споткнулась и упала. — Пожалуйста. Пожалуйста, нет! — Она карабкалась вверх по камням, поскальзываясь на склизких

водорослях, несмотря на свое обычно хорошее чувство равновесия. Ее колени царапали острые раковины моллюсков.

— Сестры! Сестры!

Она услышала плач, тихий и приглушенный, задолго до того, как заметила их. Медуза уже вообразила страшные раны. Возможно, сло-манные шеи. Раздробленные кости. «Как по-мочь им здесь?» — спросила она себя. Никак. Такова была горькая правда. Может быть, она сумеет перенести их обратно в пещеры. Но она видела достаточно раненых, положение кото-рых ухудшалось из-за неуклюжести прохожего, который жаждал помочь. Они умрут там же, где лежат, с вывихнутыми конечностями, покры-тые запекшейся кровью. Умрут, став пищей для птиц, кружащих сверху. И ей придется смо-треть им в глаза, сдерживать слезы и скрывать дрожь в голосе, говоря, что все будет хорошо, даже когда последние проблески света исчезнут из глаз сестер. Вот и все. Последнее, что она мо-жет сделать ради родных. Быть рядом и держать их за руки, когда они умрут.

Сделав последнее усилие, она взобралась на уступ. Воздух вырвался из ее легких.

— Как? Этого не может быть.

Они сидели, прижавшись друг к другу, у подно-жия утеса; Сфено спряталась в объятиях сестры. Кости уродливо торчали в разные стороны, а су-ставы были вывихнуты и покрыты воспаленными

фиолетовыми рубцами. И все же Медуза быстро поняла, что кричали они не от боли.

— Мы найдем способ, — прошептала Эвриала, глядя змей на голове сестры, будто мать успокаивает детей. — Мы найдем способ.

Медузе они ничего не сказали. Она скользнула на уступ чуть ниже. Обхватив руками колени, слушала приглушенные всхлипы и стоны и поклялась никогда больше не отходить от сестер.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несмотря на то давнее обещание, сдержать его оказалось для Медузы почти невыполнимой задачей. Пусть она ни разу не упоминала при сестрах о том, что случайно увидела, Эвриала с тех пор стала наблюдать за ней более внимательно и настороженно. Они все меньше времени проводили вместе вечерами, рассказывая истории. Все чаще рассказы Медузы обрывали резкие комментарии. Эвриала сыпала обвинениями в адрес Богини не только ночью, а все время от заката до рассвета. Она научилась лгать, скрываться, стоило Медузе отвернуться, и часто утаскивала с собой Сфено. Сфено, которая теперь едва могла стоять из-за наростов, изуродовавших ее спину.

Однажды они попытались утопиться: ушли в море во время отлива и ждали, пока их не унесет сильным течением. Так и случилось. Сестры погрузились в ледяные серые глубины. Вода заполнила их легкие. Захлебываясь и задыхаясь, с горящими от соли глазами, они кашляли, плакали и умоляли о скором конце. Но приговор не смягчился. Все их усилия оказались напрасны. Когда наступило утро, ослабевших после долгих часов барахтанья в волнах сестер вынесло на теплую гальку берега. Еще у Медузы дважды пропадали запасы болиголова. Она не спрашивала об этом. Но после этих случаев Эвриала стала еще тоскливее и озлобленнее, и Медуза поняла, что еще один план провалился. Все это придумывала Эвриала, в этом Медуза была уверена.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила Эвриала после того, как Медуза в очередной раз обнаружила сестер, выброшенных на берег. Плети водорослей, которые налипли на их тела, перемешались с клубками змей, и напоминали землю в лесу после бури. — Если бы у тебя осталась к нам хоть капля любви, ты бы сделала это за нас. Перерезала бы нам глотки во сне.

Медуза открыла рот ответить, но потом закрыла обратно. Она мало что могла сказать; это была правда. Но она не хотела брать ответственность за новые смерти. Ни за что на свете, как бы сестры ее ни умоляли.

Но Эвриала только громче кричала о своей обиде и презрении, а вот Сфено все глубже погружалась в себя. Она утратила любовь к природе, к птицам и насекомым, что сновали по камням. Теперь она часами сидела в пещере, царапая ногтями стены, оставляя длинные царапины на камнях, а то и на собственной коже. Не давая жучкам и паукам свободно ползать по своим рукам, она давила их пальцами и размазывала остатки по стенам. Ее недуги усугубились. Суставы стали хрупкими и одеревенели, колени ослабли и подгибались.

— Поговори со мной, — взмолилась Медуза, положив руку на колени Сфено и ощущая, как утекает из-под пальцев тепло.

— О чем тут говорить? — ответила Сфено.

— О чем угодно. Пожалуйста. Просто расскажи, как ты себя чувствуешь.

Та дернула подбородком и перевела взгляд на Медузу. Там, где когда-то мерцали свет и жизнь, теперь не было ничего, кроме черной пустоты.

— Могу ли я еще что-то чувствовать? — спросила она.

В ту ночь, когда впервые пришли герои, страдания Сфено достигли пика. Ее змеи стояли дыбом, визгливо шипя в темноту, и шипение эхом отражалось от скал, наполняя воздух страданием.

Эвриала вышла наружу и кричала под порывами западного ветра. Тот свирепо завывал весь день, взбивая морскую пену, но буря так и не пришла. Совместив свои обрывочные знания и смелые предположения, Медуза приготовила несколько простейших тоников и мазей, влила их в горло сестры и втерла в язвы на спине, которые стали такими большими, что разрывали кожу. Скользкий от пота лоб Сфено горел огнем. Вместо слов выходил лишь сдавленный кашель, а глаза лихорадочно горели. Еще когда Медуза была жрицей, она видела сотни таких припадков: когда кожа человека белела и глаза становились желтыми, а изо рта больного начинала идти пена. Или припадки, когда язык покрывался волдырями, а тело корчилось от боли. Иногда она понимала, что лихорадка спадет и больной оправится примерно через месяц; в других случаях Медуза оставалась рядом и молила Богиню о милосердной кончине. Сейчас же было неизмеримо хуже. На мертвенно-бледном лбу Сфено выступила испарина. С губ и щек ушли все краски; налитые кровью глаза отливали зеленью.

— Нам просто нужно сбить жар! — Медуза говорила сама с собой, сомневаясь, что Сфено еще может что-то понимать. — Я отведу тебя к воде. Море поможет. Ну же, обхвати меня руками.

Опустившись на колени, Медуза подняла сестру. С обмякшей Сфено на руках она осторожно спустилась к берегу и опустила ее на мелководе,

чтобы волны омывали изломанное тело. Ветер все бушевал; на землю упали первые капли дождя.

— Я... Я... — невнятно простонала Сфено.

— Спокойно. Спокойно. Не пытайся говорить, — попросила Медуза. Но сестра продолжала кашлять, пока наконец не выдавила с отчаянием:

— Убей меня. Убей меня!

Боль тысячи кинжалов пронзила Медузу там, где когда-то было ее сердце.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш... — Поливая змей водой, Медуза осмотрела холм в поисках Эвриалы. Та не осталась со своей сестрой в такое время, что еще раз показало, как низко она пала. За последние несколько дней Эвриала еще сильнее отдалилась. Как и у Сфено, ее страдания усилились, но у нее хотя бы хватило сил попытаться скрыть это от Медузы.

Неглубокие хриплые вздохи Сфено было едва слышно за ее стонами и шумом ветра. Медуза склонилась стереть с ее кожи засохшую пену, когда в ночи раздался еще один крик. Медуза вздрогнула, а из-за следующего крика чуть не уронила голову сестры.

— Эвриала?

Крики становились все громче. В то же мгновение стоны Сфено превратились в вой. Из-за моря доносились рычащие раскаты грома. Забарабанил по земле дождь, пришедший со стороны

галечного пляжа. У Медузы закружилась голова, в глазах помутилось. Ее колени скользили по песку, а змеи взметнулись, возмущенные громкими звуками и дождем, который бил по ним.

— Хватит! Хватит! — закричала Медуза в воздух и сестрам, но ни одна из них не обратила на нее внимания. Она обратилась к небу:

— Пожалуйста, почему? За что ты так с ними? Накажи меня. Меня!

Сфено продолжала содрогаться от боли, лежа в воде. Медуза посмотрела на утес. Бесполезно даже пытаться добраться до Эвриалы. Едва различимая сквозь пелену густого тумана, окутавшего остров, та стояла на коленях.

— Чего тебе нужно от меня? — воззвала Медуза к Богине. — Чего же тебе нужно? — И снова она не получила ответа. — Если ты хочешь их смерти, то просто дай им умереть. Пожалуйста, — взмолилась она; ее рыдания заглушил окружающий хаос. — Пожалуйста, закончи это... — Ее разум все еще переживал страдания прошедших лет, когда она почувствовала, что ветер переменялся. От нехорошего предчувствия волосы на затылке встали дыбом.

— Сфено, умолкни, — настойчиво велела Медуза, и ее собственные змеи затихли, хотя это не слишком повлияло на вопли сестер. — Пожалуйста. Я что-то слышу.

Она сглотнула. С бешено забившимся сердцем Медуза пыталась понять, что означают

звуки, которые доносились сквозь крики с другой стороны острова. Шаги. Вот на что это было похоже. Шаги по песку. Десяток? Два десятка? Тихое перешептывание, шелест брони и лязг металла. Звуки эхом отражались от прибрежных утесов.

Зачем кому-то приходиться сюда? Может быть, за козами? Но зачем тогда доспехи? И зачем приходиться ночью? Нет, была только одна причина, почему люди с мечами могут ступить на этот остров. Чтобы охотиться на чудовище.

Успокоив дыхание, Медуза вышла из волн. Вот бы Эвриала и Сфено уgomонились хоть на секунду и она расслышала бы яснее. Высадиться можно лишь на восточном берегу; это единственное место, где они могли бросить якорь, не рискуя судами. Чтобы добраться до нее и Сфено, им придется долго идти по каменистым склонам. Но Эвриала — Эвриала окажется прямо у них на пути. Дрожа, Медуза вытащила все еще горячее тело Сфено из моря и положила сестру в тени утеса. Дождь все не утихал, вода струилась со скал, так что это было все равно что оставить ее под открытым небом.

— Я вернусь. Я вернусь. Пожалуйста, потерпи еще немного. — Медуза склонилась и поцеловала сестру. Она наломала веток с голых деревьев и укрыла ими сестру в надежде спрятать ее. Если бы кто-нибудь нашел ее в таком состоянии, как сейчас, они бы сняли ей голову с плеч

в считанные секунды. Нужно было убедиться, что никто не сможет зайти так далеко.

Движимая страхом и яростью, Медуза помчалась вверх по склону. Неподалеку от нее корчилась от боли Эвриала в той же позе, что и Сфено. Медуза бросилась к ней.

— Ты можешь стоять? — Она подхватила сестру под руки. — Пожалуйста, Эвриала. Нужно уйти с открытого места. Они тебя видели. Они идут за тобой.

Так и было. С высоты Медуза слышала приближающихся, видела, как те указывают на них пальцами. Пятеро уже были на песке. Еще два десятка боролись с подводным течением, пробираясь сквозь водовороты на мелководье. Один двинулся по пляжу впереди остальных. Мужчина выставил тяжелый щит, в руке держал меч, его доспехи притянули бы любого смертного к земле. Но он не был обычным человеком. Он был воином. Героем. Даже в темноте его кожа блестела от налипших кристаллов морской соли.

— Пожалуйста, Эвриала. — Медуза прикоснулась к холодной влажной коже сестры. Эвриала не двигалась, только корчилась в судорогах. Языки ее змей сновали между клыков. — Пожалуйста, мы можем спрятаться. Давай спрячемся от них.

Но едва она это сказала, ее уверенность исчезла. Те мужчины слышали крики. Они не уйдут, пока не обыщут весь остров. Оставалось только одно. Единственный способ обеспечить

безопасность сестер. В ее сознании возник образ навсегда застывших родителей. Капитана корабля. Любвеобильного пьянчуги. Те смерти были неотвратимы. Теперь выбор стоял между этими людьми и ее семьей. Люди сделали выбор, ступив на этот остров. Теперь пришло время Медузы сделать свой.

— Сначала я разберусь с ним, — сказала Медуза в пустоту. — Только с тем, кто впереди. Если он падет, остальные точно отступят. Нет нужды причинять больше вреда. — Она пересилила страх, комком застрявший в горле, и бесшумно, словно одна из ее змей, заскользила вниз к восточному берегу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Зачем вы пришли? — Медуза стояла под тенью скал, спрятав глаза и змей под тяжелым капюшоном. — Вы вторглись на мой остров. Уходите немедленно.

Сфено и Эвриала все кричали, а буря бушевала вокруг. Сверкали молнии, освещая весь остров. Несколько мужчин вздрогнули от яркой вспышки и затряслись от последовавшего за ней раската грома. Мужчины или мальчишки? Грань столь ничтожна — Медуза так и не узнала, когда происходила перемена. Она будет считать их мужчинами, Медуза не могла думать о них иначе. Кожа воинов пропахла морем после долгих странствий, и даже на расстоянии она видела

мозолистые руки, стертые веревками и деревом. Стоя высоко на скалах, спиной к луне, Медуза сбросила капюшон. Ореол змей окружил ее голову, и она снова воскликнула:

— Зачем вы сюда пришли?

В лунном свете она увидела, как воин заулыбался. Кажется, он был моложе нее. Возможно, ровесник Эвриалы, сложно определить возраст и опытность, не посмотрев ему в глаза. Выставив перед собой меч, он широко им взмахнул. Все это лишь показуха. Со своего места он не мог никого ударить. Медуза стояла слишком далеко от вторгшихся на остров воинов.

— Я пришел за головой горгоны Медузы, — сказал он.

— Горгоны? — переспросила Медуза. Это слово было для нее новым. *Горгос, ужасный*. Гнев и горе сплелись в тугой узел в ее душе. Какой скачок: от жрицы к горгоне. — Не знаю, о ком ты говоришь. Я жрица. Я тут одна. Уходите сейчас же. Вы не найдете на этом острове того, что ищете.

Скользкий, как ее змеи, язык мужчины высунулся изо рта и облизал губы.

— Жрица, одна? Может, ради этого-то мы сюда и пришли. — Он повернулся к своим людям, и те загоготали в знак поддержки. — Может быть, нашей наградой будет нечто большее, чем просто голова горгоны.

Медуза задохнулась, вмиг захваченная воспоминаниями о руках Посейдона на своем теле.

Он взял ее силой — и никогда ни один мужчина не сделает этого снова.

— Уходите немедленно! — Голос Медузы разлился в воздухе пронзительным шипением.

— С чего бы? — фыркнул он. О, самоуверенность юных.

— Потому что лучше это, чем участь, которая постигнет вас, если пойдете дальше.

Его улыбка стала только шире. Остальные воины насмешливо расхохотались.

— Где твое гостеприимство, жрица? Мы с ребятами устали. Ты, разумеется, уделишь нам немного времени? — По небу эхом разнесся пронзительный крик, и улыбка мужчины слегка поблекла.

— На этом острове живут чудовища, — предупредила Медуза. — Уходи сейчас, и тогда ты и твои люди останетесь целы.

— Мои люди сами о себе позаботятся, — сказал он и шаг за шагом начал приближаться к тени.

Барабанная дробь в груди Медузы зазвучала иначе. Стала жестче. Быстрее. Каким бы ни был исход, это случится не из-за нее, а из-за его собственной самоуверенности. Когда шаги послышались совсем неподалеку от ее убежища, она дала ему последний шанс.

— Поверни назад сейчас же, — велела Медуза.

— Или что?

На сей раз она была готова. Медуза шагнула из тени, окутывавшей ее. Она знала,

что произойдет, когда поднимала взгляд. Змеи извивались и шипели, пока Медуза смотрела, как высокомерная усмешка застывает навечно. Секундой позже, как раз когда окаменение поползло выше, делая зрачки чужака серыми, в его глазах проступило изумление и навсегда отпечаталось в камне. Несмотря на бурю, все звуки словно исчезли: было слышно лишь, как стремительно проносятся мысли в головах воинов, пытающихся осознать только что увиденное.

— Назад! Назад! — крикнул кто-то, помчавшись к берегу не разбирая дороги, но тут же споткнулся и упал. — Назад на корабль! — Все больше и больше людей с криками и воплями поворачивали и бросались обратно к судну.

— И не возвращайтесь!

Медуза судорожно вздохнула. Она почувствовала укол вины где-то в животе, посмотрев на статую. Еще одна смерть. Но только одна. Остальные мужчины спасались бегством, мчались к своим кораблям, подальше от ее проклятия. Вдруг посреди этого хаоса на острове на миг воцарилась абсолютная тишина. Шум тотчас же возобновился, но все же в ту секунду что-то изменилось. Тишина была настоящей. Крики, поняла она. Крики прекратились.

— Сестры!

Развернувшись на месте, Медуза вцепилась ногтями в камни и принялась карабкаться наверх. Завеса дождя превратила скалы в водопад.

Она с трудом ползла выше и выше, думая только, как бы скорее добраться до сестер. Сначала должна быть Эвриала. Но Сфено... Ее дорогая Сфено. На полпути какой-то новый звук заставил ее остановиться.

Удары крыльев — мощнее, чем у орлов, которые летали над островом. Жесткие и быстрые крылья разметали в стороны дождь, обрушивая его на землю нескончаемыми потоками. Не слышала прежде Медуза и такого клича: ниже птичьего, но выше звериного. Он был немного гнусавым, словно легкие этих существ были наполнены водой. Она подняла взгляд.

— Как? — вырвалось у нее. Их Медуза узнала бы, даже не видя венчающих головы змей.

— Сестры?

Они были прекрасны. Свободны. Забыв всю боль прошедших лет, они скользили по небу, озаряемые вспышками бело-голубых молний. Ныряя и погружаясь в воздушные потоки, изящные, будто ласточки, они перекликались друг с другом. Медуза увидела, какими они стали свободными, и почувствовала, как ее омывает волной облегчения, точно водой из фонтана. Сестры превратились не просто в птиц, это было нечто большее. Сверкнула молния и замерла на небе, превращая ночь в день. Медуза ахнула. Янтарные оттенки в глазах сестер сменились водоворотами зеленого и красного, детские лица изуродовали ямочки и бородавки.

Постепенно пируэты Сфено и Эвриалы в воздухе замедлились. Вместо того чтобы нырять и пикировать, они принялись летать кругами. Под эхо от тяжелых ударов крыльев они прокладывали в небе единственный путь, круг за кругом; как орлы выискивают самого слабого ягненка, чтобы вырвать его из стада, прежде чем овцы разбегутся. Жрица поняла, что должно случиться, за миг до того, как это произошло.

— Нет! — Медуза спрыгнула со скал на песок и помчалась к кораблю. Но даже с ее скоростью она не могла догнать сестер. Они то и дело ныряли вниз, и каждый раз то один, то другой воин превращался в камень. Смех, скрипучий и хриплый, разносился в воздухе. — Они уплывают! Уплывают! — Медуза бросилась в ледяные волны, погрузившись в воду по бедра. Вокруг нее вырос лес людей с распахнутыми в ужасе глазами и ртами. Она тянула руки то к одному, то к другому. Сплошной камень. Все застыли. — Хватит! Хватит! Отпустите их. Вы должны их отпустить... — Она порывисто развернулась и встретила с глазами какого-то матроса, вцепившегося в корпус корабля. В тот же миг и он превратился в камень. — Пожалуйста! Хватит!

Когда ее сестры закончили, в живых не осталось ни одного. Те, кто встретил свой конец на мелководье, рухнули в воду и разбились; осколки их лиц смешались с галькой на морском дне. Других гибель подстерегла на корабле,

и из-за веса статуй нос судна опустился в воду. Еще одна буря, и его обломки навсегда скроются в морской пучине. Медуза сидела на берегу, пока первые лучи солнца не прорезали небо.

Когда она вернулась в пещеру, сестры уже спали, свернувшись калачиком. Их тела укрывали крылья с длинными перьями — одеяла для искалеченных душ. Печаль застыла в сердце Медузы: она заметила, что, впервые после их воссоединения, Сфено спала с улыбкой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Акрисий, царь аргосский, мерил шагами тронный зал. Его руки дрожали, в груди жгло и кололо. У его ног захихикал ребенок. Услышав этот звук, царь отшатнулся. Его жена Эвридика в свою очередь отпрянула от него.

— Что мне еще делать? — обратился он к жене. — Смерть будет лучше всего. Сейчас, пока она еще мала. Наши воспоминания о ней драгоценны, ничем не испорчены. Разумеется, милосердно запомнить ее такой...

— Милосердно? У тебя помутился рассудок?

Эвридика встала со своего места, ее щеки пылали от гнева. Она подхватила ребенка с пола и передала няньке.

— Отнеси ее в комнату, — сказала она. — И никого не пускай, кроме меня. Никого. Включая царя.

Нянька побледнела. Только что в ее глазах кипел тот же жгучий гнев, что и у Эвридики, но он тут же сменился страхом. Неповиновение приказу царя никого не спасет. Скорее, приведет к еще бóльшим смертям, в том числе — к ее собственной. Дрожа, без кровинки на лице, она выскочила из зала с ребенком на руках.

— Акрий, — голос Эвридики дрогнул, — послушай меня. И слушай внимательно.

До того как родилась ее дочь, дети нравились Эвридике. Этого и ждали от женщины, помолвленной с царем. Она часто ворковала с малышами и играла в догонялки с юными отпрысками своих друзей, в целом даже наслаждалась и этими занятиями, и такой компанией, по крайней мере какое-то время. Она могла вообразить, что когда-то у нее появится собственный младенец, но не представляла, насколько сильно это изменит ее. Но с рождением Данаи в ней пробудился огонь. С первой секунды, когда она прижала дочь к груди, вдыхая ее сладкий аромат, мир Эвридики преобразился. Все ее мысли поглотило беспокойство за ребенка, сердце пылало, и если раньше Эвридика считала, что имеет хоть какое-то представление о любви, теперь эта наивность ее сместила. Эта любовь, эта связь, этот огонь, бушевавший внутри, не могли погасить никакие грозные пророчества.

— Ты не тронешь и волоска на голове нашего ребенка, — сказала она.

Акрисий сердито посмотрел на жену.

— Даже если она меня убьет? Ты слышала слова пифии*. Сын Данаи принесет мне погибель.

— Ей всего два года. Ты думаешь, она прямо сейчас родит ребенка? Даже если слова пифии верны...

— Слова пифии верны. Она говорит только правду. Ребенок будет в ответе за мою смерть.

— Твой род будет в ответе. Твой внук будет в ответе. Пифия говорила не о Данае. Откуда тебе знать, что сейчас где-нибудь по нивам не бегают твой бастард? Правителю твоих лет ведь полагается иметь их около десятка?

Акрисий сердито наморщил лоб.

— Ты знаешь, что я никогда не ложился с другой женщиной. И никогда не лягу. Ты моя любовь, Эвридика.

Смягчившись, Эвридика опустила взгляд. Знакомый трепет пробудился в груди. Это было ее бремя, а не ее дочери. Если бы только она могла подарить Акрисию наследника, сына, он никогда бы не отдался на милость пифии. Эвридика шагнула вперед и сжала руки мужа.

— Я понимаю твои страхи, мой господин. Правда понимаю. Но она еще малышка. Она

---

* Пифия — жрица-прорицательница в храме Аполлона.
Прим. ред.

не способна родить сына, как мы с тобой не способны снести куриное яйцо.

— Но когда-нибудь она родит.

— Вот тогда мы снова поговорим об этом. Но не раньше.

— Эвридика...

— Не раньше, Акрисий. Не раньше.

Время пришло, когда ей исполнилось четырнадцать.

Эвридика и Акрисий отдалились друг от друга, оба не сумели скрыть тайных мыслей о дочери. Мысли Эвридики были полны страха и любви; мысли Акрисия — только страха. Даная выросла. Своевольная, свободолюбивая, она бегала вдоль берега с местными детьми, ловя крабов на удочки со зловонной приманкой. В то время как большинство девушек ее возраста и воспитания скрывали на людях лица или прятались в помещении, обучаясь ткать и составлять букеты, она воровала хлеб и фрукты из дворцовой кухни и раздавала их нищим и беднякам на улицах. Волосы Данаи сияли золотом, глаза — небесной синевой. От такой красоты у Акрисия по спине бежали мурашки. Такую красоту невозможно приручить и усмирить. Эта красота со временем не потускнеет. Поэтому, по его мнению, ее следовало заточить.

— Ты не бросишь ее в подземелье! — всплеснула руками Эвридика, опрокинув блюдо с виноградом и кислыми яблоками. Она постарела, и ее несдержанный нрав все чаще брал верх, но это заботило царицу все меньше и меньше. Фрукты рассыпались у ее ног. — Она не какое-то наказание, не пленница. Уж не считаешь ли ты, что она что-то вроде ребенка Пасифаи? Ты думаешь, что она ничем не лучше Минотавра? Она дитя. Мое дитя.

— Она уже не дитя. Она женщина, к ней скоро начнут свататься мужчины. И тогда сбудется пророчество пифии.

— Удивительно, что пифия не предсказала, что ты умрешь от моей руки, Акрисий, потому что, сдается мне, это скоро случится.

Акрисий шумно вдохнул, будто маленький мальчик, который надеется сдуть корабль от берега. Один за другим он подобрал помятые фрукты из-под ног и только после этого подошел к Эвридике и взял ее за руку.

— Знаю, это трудно понять. Но это для ее же блага, — увещевая мягким и мелодичным голосом, он подвел жену к окну. — Посмотри на мир, который мы создали, ты и я, — сказал он. — Посмотри на наш народ. Наши люди — разве они не счастливы?

— Ты же знаешь, что счастливы. Но если ты заточишь их любимую принцессу в подземную темницу, уже не будут. Хорошенько подумай, Акрисий, или наш народ станет таким

же боязливым, как на Крите. Они будут шептаться и сплетничать, и пойдут слухи о том, что мы тоже скрываем чудовище в своих подземельях. И что нам тоже потребуются жертвы, чтобы насытить чудовище.

— Но это же неправда! — Акрисий побледнел, в его глазах появилась неуверенность.

— Когда это правда играла роль в сплетнях? — парировала Эвридика.

Царь не нашелся с ответом, и она позволила себе в глубине души улыбнуться.

— Пройдет немного времени, и в городе вспыхнет недовольство. Мы все знаем о бунте на Крите. Хочешь ли ты такого на наших берегах?

Акрисий принялся дергать бороду — верный признак сомнений в себе. Легкий ветерок подул в окно, и волосы Эвридики рассыпались по плечам. Она отвернулась поправить прическу, сдерживая улыбку. Царица хорошо разыграла свои карты, но не хотела радоваться выигрышу, пока не раскрыты все козыри.

— Ну, и что бы ты предложила? — клюнул Акрисий. — Ты же не позволишь убить девочку?

— Разумеется, я не позволю тебе ее убить. Она наша дочь. Мы заключим ее в башню. — Эвридика указала на окно, к которому подвел ее Акрисий. — Она будет жить в башне, вдали от взглядов и льстивых речей мужчин.

— Чем это отличается от подземелья?

— Чем? — закрыв глаза, Эвридика втянула прохладный воздух и перенеслась туда, в будущее своей дочери. Сердце ее покрылось свежими и жгучими ранами, пока царица перебирала в памяти все, чего будет не хватать ее ребенку. На самом ли деле лучше позволить Данае прожить свои дни в заточении? В плену у тех, кто должен был ее защищать? Но это будет жизнью, неважно, насколько неполноценной. — Она сможет увидеть небо, — прошептала Эвридика, все еще не открывая глаз, чувствуя тепло солнечных лучей на щеках. — Ощутить запах морской соли и услышать щебет птиц вверху, звуки города внизу. Уловить запах мяса на рынке, цветущих деревьев... — Она вложила в эти слова все чувства, на которые была способна. — С другой стороны, и люди будут слышать ее. Будут знать, что она над ними наблюдает. Охранительница, а не заключенная. Они поймут, что ты, как отец, должен защищать такое хрупкое создание от всех негодяев мира. Так правильно, Акрисий. Ты сам понимаешь, что так будет правильно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Больше всего Даная любила рассвет. Было в этих часах, до того, как мир внизу начинал пробуждаться, нечто, наполнявшее ее спокойствием. Иногда день наступал мирно и тихо; за первой птичьей трелью слышалась другая, потом еще одна, и вот уже воздух вокруг дрожит от пения. Иногда же новый день приходил с бурей, глухо ворчащими раскатами грома, с темными тучами, которые скрывали рассвет и заставляли певчих птиц замолкнуть. Но рано или поздно, яркое или приглушенное, солнце всегда пробивалось сквозь горизонт, рассыпаясь тысячей солнечных зайчиков. И эти первые лучи отражались от удерживающих Даную стен и напоминали, где ее место в этом мире.

С рассветом приходила надежда. Надежда, что сегодня отец наконец обретет здравомыслие; сегодня он поверит ее слову и позволит покинуть тюрьму, в которую сам же и отправил. Надежда, что именно в этот день обнаружится внебрачный ребенок, к которому и относится пророчество пифии, или — худшая из всех — надежда на то, что, если отцовскому пророчеству суждено исполниться, то именно сегодня явится жених Данаи и подарит ей свободу.

В башне не было окон, потому она не могла даже взглянуть, что происходит в мире снаружи. Воздух и свет проникали через открытую крышу, позволяя лишь богам видеть ее и обрушивать на нее стихии по своему усмотрению. Летом воздух становился таким влажным и жарким, что одежда прилипала к телу, и Даная раздевалась и лежала обнаженной на солнце. Зимой у нее изо рта вырывался пар, а на стенах башни появлялись ледяные узоры изморози. И все же, несмотря на это, пленницу содержали с относительным удобством. Она все еще оставалась царственной. Никогда ни в чем не нуждалась. Проходящие мимо служанки или друзья детства, которые вместе с ней бежали по берегу и пачкали руки в дворцовых садах, по просьбе матери могли проскользнуть в нижнюю часть башни и вполголоса пересказывали сплетни о происходившем в мире через запертую дверь. Судьба заперла Даная в этой комнате, но она сама выбирала, как встретить свою участь.

Время текло одинаково независимо от того, плакала она или пела. И Даная избрала сдержанную надежду. Смеялась, рассматривая очертания облаков, радовалась песням, которые достигали ее слуха. Может быть, отец и хотел украсть годы ее жизни, но она вольна выбирать, в каком настроении она их встретит и проведет.

Лето тянулось неторопливо; день за днем Даная смотрела, как солнце проделывает путь над ее комнатой и опускается к горизонту, которого она никогда не видела. В те долгие дни царевна часто задумывалась о богах: только они могли видеть ее, скрытую ото всех. Непривычная безмятежность окутывала ее, когда она скручивала пальцами пряжу, слегка наклоняясь то назад, то вперед.

В тот день Даная пребывала в покое. Серебристые облака приглушили пламя Гелиоса, сохраняя прохладу в ее обитой бронзой башне. Когда ее пальцы устали от возни с пряжей, царевна пересекла комнату, взяла стакан воды и забралась на кровать. По приказу матери столы украшали крупные крокусы, пурпурные и белые лепестки блестели и трепетали. Лежа на спине, Даная смотрела, как серебристый оттенок облаков сгущается, но отливает не серым, как она ожидала, а мягчайшим золотистым цветом. Мерцая над ней, облака становились все ярче и ярче,

пока не засияли сильнее самого Гелиоса. Даная прикрыла глаза от этого блеска. Над ней был бог. Осознав это, царица вздрогнула. Может быть, он слышал рассказы о ее судьбе и хочет помочь. Может быть, у нее есть покровитель на Олимпе. Жар от света стал удушающим. Капли пота выступили на ее бледной коже, а щеки покраснели.

— Пожалуйста... — воззвала Даная, хотя сама не поняла, к кому обращалась и на что надеялась. Ее сердце трепетало в груди, она едва дышала. А потом, когда сияние, казалось, могло уже обжечь кожу, облака разорвались и вниз хлынул золотой дождь.

Он пролился через отверстие в крыше крупными золотыми каплями, более блестящими и соблазнительными, чем все сокровища ее отца вместе взятые. Даная легла на кровать, широко раскинув руки и ноги на простынях. Каждое место, куда упала дождевая капля, оживало, будто его целовал сам Зевс. Царица распахнула объятия, открыла рот, откинув голову и позволяя дождю залить ее целиком. Она вымокла до нитки, и даже еще сильнее, пока капли не коснулись каждого мускула ее тела. Дрожь охватила Даную. Только когда она, тяжело дыша, вся покрылась потом, ливень прекратился. Все еще задыхаясь, Даная смежила веки. Когда же проснулась, в комнате было сухо, а небо стало таким чисто-лазурным, каким она еще никогда его не видела.

Лишь спустя две луны Даная осознала, каковы последствия золотого дождя. Теперь она носила эти последствия внутри себя. Волны страха и любви бились в ее мыслях. Если ребенок родится мальчиком, только его смерть удовлетворит ее отца. А ребенок будет мальчиком. Знаний Данаи о богах хватало, чтобы это понимать.

Потому царевна дала обещание любить дитя в своем чреве — больше, чем когда-либо женщина любила нерожденного ребенка. Если это единственные секунды, которые им суждено провести вместе, она будет дорожить ими, цепляться за каждое мгновение. Каждый беспокойный толчок, каждый разворот и кувырок. Она будет помнить их все. Хранить в памяти. Каждый день Даная пела младенцу по несколько часов подряд. Она рассказывала ему истории из своего детства и придумывала свои, надеясь, что этого хватит, дабы ее голос остался с ним в загробной жизни. Царевна дала ему имя. Он будет тем, кто положит конец одиночеству и вернет ее к свету. Персей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Это произошло на заре. Последние три ночи слились в одну: в увеличившемся животе Данаи что-то ворочалось, напрягаясь и подрагивая, и от волн судорог у нее на глазах выступали слезы, но каждый раз к рассвету ощущения стихали. Однако в ту ночь все было иначе. К часу, когда грянул птичий утренний хор, кожа Данаи стала скользкой от пота, а пульсация в животе переросла в приливы, волны, обрушивающиеся на нее со всей силой. Она оперлась на деревянное изголовье кровати и прикусила кожаную лямку пояса, которым многие месяцы подвязывала живот.

Дитя бога. Дитя самого Зевса — царевна была уверена: больше никто не смог бы сойти к ней

так, как он. Она не будет кричать. Кричать нельзя. Последние несколько недель Даная молилась, чтобы сын родился ночью, когда она сможет его спрятать. Отсрочить гибель малыша хоть ненадолго. Но утро — хуже всего. Скоро какая-нибудь служанка принесет молоко, мед и фрукты к завтраку. И только сейчас Даная поняла, какая она наивная. Тяжелый запах в комнате; кровь, сочившаяся из ее тела. Скрыть это невозможно.

Впившись зубами в ремень, она почувствовала, как вниз хлынула еще одна волна. И поняла, что этот миг настал. Миг, когда ее дитя появилось на свет.

Задыхаясь, Даная прижимала сына к себе. У него была розовая кожа, покрытая молочно-белым веществом после его путешествия в мир. Ее тело дрожало, болело и горело и изнутри, и снаружи, но, когда сын прижался к материнской груди и начал сосать, боль отступила. Даная вспоминала все те разговоры с ним, пока он рос внутри нее, все слова любви, которые она бесконечно шептала в тишине ночи, — и только сейчас поняла, как прежде и ее мать, что они ничего не значили. Ее жизнь до сих пор ничего не значила. Это была любовь.

— Персей, — шептала и шептала она. — Дорогой мой Персей.

Звук шагов снаружи, у основания башни, разрушил призрачную дымку спокойствия. Чувствуя, как участился пульс, Даная оглядела комнату. По всей кровати валялись окровавленные простыни. Баюкая ребенка на руках, она поднялась на ноги, но тут же снова упала на колени. В замке повернулся ключ.

— Не входи! — просипела Даная. — Приведи мою мать. Мать. Она нужна мне.

Тишина. Даная точно не знала, какая служанка была к ней приставлена в тот день.

— Я все еще здесь царица! — Даная прижала Персея к груди, молясь, чтобы сын не заплакал из-за ее громкого голоса. — Я приказываю тебе привести царицу. Если ты этого не сделаешь, и она, и царь об этом узнают.

Мгновение тишины затянулось, но в конце концов прозвучал короткий щелчок вынимаемого ключа.

— Конечно, госпожа, — ответил дрогнувший голос.

— Дитя мое! — Эвридика упала на пол, сжимая в объятиях дочь и внука. — Как?

— Дар богов. Самого Зевса, — твердила Даная, твердо зная, что это правда. — Ты же pomoжешь мне? Поможешь забрать его отсюда?

Мать побледнела.

— Надо было предупредить меня. — Она поднялась и стала мерить шагами комнату в башне. — Мне нужно время. Люди есть, но нужно время... — Эвридика зашагала быстрее, сжимая и разжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Твой отец сегодня днем выезжает на охоту. До тех пор ты должна оставаться здесь, но до того, как он вернется вечером, надо тебя увезти. Мне пора. Я найду нам лодку. Я...

Дверь в комнату распахнулась настежь. В проеме стояла молодая служанка с бадьей и метелкой в руках. Казалось, этот миг длился вечность. Обычная покорность служанки сменилась замешательством: она уставилась на открывшуюся картину. И наконец ее глаза вспыхнули страхом. Царица бросилась к ней через всю комнату.

— Уходи! — крикнула прямо в лицо девушке. — Уходи сейчас же! Ты никому не расскажешь о том, что здесь видела. Поняла? — Эвридика схватила служанку за руку, и метелка выскользнула у той из рук. — Никому ничего не говори, или для тебя все кончено. Слышишь меня?

Девушка молча кивнула и потянулась за метелкой, смаргивая слезы.

— Да, моя царица. Я поняла.

— Оставь нас!

Эвридика захлопнула дверь и повернулась к Данае. Ее руки дрожали так сильно, что одеяние тоже тряслось.

— Она не будет молчать.

— Но...

— Не будет. Тебе придется бежать прямо сейчас. Иди со мной. Я принесу плащ и золото. Мы отправляемся в гавань. Кто-нибудь тебя заберет.

— Но, мама... — Даная прижала Персея к себе, мечтая снова почувствовать себя в безопасности, как когда сын еще был внутри нее. Эвридика уже стояла у двери.

— Никому не открывай. Никому, кроме меня.

— А если придет отец?

— Не открывай никому, кроме меня, — повторила она, а затем, замешкавшись лишь на секунду, поспешно вернулась к дочери и поцеловала светлые волосы внука, прежде чем скрыться.

Вместе им удалось добраться до пляжа. Эвридика послала своего самого верного друга на поиски капитана, который без лишних вопросов согласился бы взять на борт пассажира. Он должен был отчалить немедленно и получить щедрое вознаграждение. Главное сохранять скрытность. Подходящий человек нашелся быстро, и Даная тут же приготовилась к отплытию.

Завернувшись в шерстяной плащ, Даная в одежде местной жительницы спустилась по ступенькам башни и пересекла двор, направляясь к берегу. Еще не показалась линия горизонта, когда она увидела своего отца, Акрисия, поджидающего ее с отрядом мужчин. Либо друг, либо капитан оказался менее надежен, чем думала Эвридика.

— Ты солгала мне, — резко бросил он жене.

— Любовь моя, пойми... — Акрисий шагнул вперед и ударил жену тыльной стороной ладони. Эвридика и Даная в один голос ахнули, царица отшатнулась, на серо-золотую гальку пляжа хлынула кровь из разбитой губы.

— Мама! — закричала Даная, но не смогла сделать и шага. Стоило ей пошевелиться, как кто-то схватил ее сзади. Она начала выкручиваться из захвата, пытаясь удержать новорожденного Персея в руках.

— Я хотел спасти тебя. Убереечь тебя от этого, Даная, — растерянно сказал Акрисий, словно это его обидели и обманули, хотя его жена, вся в крови, и плачущая дочь стояли рядом. — Если б ты просто мне подчинилась... Если б просто меня послушала.

— Не забирайте его у меня. Он сын Зевса! — Слезы текли по щекам Данаи, и плакал Персей, которого она прижимала к себе. — Он сын Зевса. Прошу, не забирайте его у меня.

— Я должен был пощадить тебя и избавить от всей этой боли.

— Отец, ты будешь наказан за это. Ты будешь наказан за то, что причинил вред сыну Зевса! — выпалила она с солеными от слез губами. — Не забирай его у меня. Прошу, иначе боги накажут тебя.

Волны бились о берег, лодки раскачивались взад и вперед, белая пена омывала корпуса.

«Он заставит другого, — подумала Даная, все еще прижимая к себе ребенка, когда ее поставили на колени. — Он не станет делать этого сам».

Позже она решила, будь Персей обычным смертным младенцем, в жилах которого не текла кровь Зевса, он бы умер от силы ее объятий, пока она прижимала его к себе. Полная любви и страха, она не хотела и не могла отпустить сына. Держать Персея до самого конца — только это имело для нее значение. Чтобы каждая секунда, проведенная с ним, была наполнена теплом. Чтобы каждую секунду он чувствовал, как бьется сердце матери. Ее отец не сделает этого сам, снова подумала Даная, глядя на царя. Неважно, что предсказала пифия. Убить собственного внука — варварство даже для него. Копья и ножи сверкали в приглушенном свете приближающейся бури. Любой его воин мог нанести последний удар. Даная представляла их последние мгновения, когда ее взгляд упал на сундук, стоявший на песке позади отца и мужчин в доспехах. Тусклое дерево не было отшлифовано или отполировано, как корпус корабля, и его грубые матовые края больше подходили для лавки фермера или хранения одежды в комнатах слуг, чем для того, чтобы пережить буйство стихии в море. Рядом лежала груда цепей и тяжелых замков, достаточно прочных, чтобы запечатать сокровищницу. Даная содрогнулась от ужаса.

— Отец, — прошептала она.

— Я исполню твое желание, — мрачно провозгласил Акрисий. — Его у тебя не отнимут.

Сундук решили бросить в открытом море, очевидно, опасаясь, что если не увезти груз подальше, то зловонные раздутые останки — результат деяния Акрисия — прибьет обратно к его собственным берегам. Даная не стала кричать и колотить по стенкам, умоляя об освобождении. В этом вряд ли имелся какой-то смысл. Нельзя, чтобы последние часы жизни ее сына наполнились криками и болью. Вместо этого царица пела малышу песни своего детства, какие только смогла вспомнить. Она вспоминала куплет за куплетом, и тихие слезы катились по ее щекам. Возможно, для полубогов правила другие, молилась Даная. Потому что так он не получит достойного погребения. У них нет серебра, чтобы заплатить Харону за провоз через Ахерон. Им обоим не добраться до Аида. Эта мысль разрывала ей сердце. Что за судьба уготована младенцу? Он сын Зевса, попыталась царица утешить себя. Конечно, он защищен. Это было важнее всего. Что Персей защищен.

Скорчившись в своей темной тюрьме, Даная только успела привыкнуть к покачиванию корабля, но вдруг почувствовала, что его движение изменилось.

— Пей, — сказала она, прижимая Персея к груди. — Попей и засыпай, любовь моя. Нам пора спать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Персей мерил шагами комнату. Он kloкотал от ярости и выплескивал ее на всех вокруг.

— Ты никогда не думал, что мы имеем право знать? — спросил он, обращаясь к Диктису. — Восемнадцать лет ты называл меня сыном. Восемнадцать лет я доверял тебе. А теперь мы слышим это, и не от тебя, а от него. Вот скажи, если бы он не появился в нашем доме, мы бы когда-нибудь узнали, что ты брат царя Серифа? Брат мерзкого тирана Полидекта?

Гневную тираду Персея встретили молчанием, что только больше его разозлило. За годы мальчик вырос, но дом на острове Сериф, где он жил, всегда был достаточно просторным. В этом доме

он всегда находил место петь, играть или потрошить рыбу, которую ловил с Диктисом на лодке. Однако в этот день стены сузились, словно подталкивая Персея ближе к тем, от кого он хотел отодвинуться подальше.

— Персей, мой мальчик, царь ничего для меня не значит, а я — для него, — после долгого молчания сказал наконец Диктис. — Да, мы родственники по крови, но ты и твоя мать для меня больше семья, чем он когда-либо был или будет.

Ответ не слишком удовлетворил Персея, потому он повернулся к матери:

— Матушка, ты знала? Ты тоже была причастна к этой тайне?

— Нет, пока не сказала Диктису, что меня известили о заинтересованности царя.

— Тогда почему ты не злишься? Почему? Человек, под чьей крышей ты живешь, лгал тебе, а ты не гневаешься?

Даная склонила голову и нахмурилась:

— Ты хочешь, чтобы я рассердилась? Как? — спросила она. — Как я могу гневаться на Диктиса, ведь он подобрал на берегу двух чуть не утонувших детей, одному из которых было всего несколько дней, и дал им новую жизнь? Как сердиться мне на Климену, что растила моего ребенка как собственного и была мне вместо матери? — Персей скривился, поняв, что она не на его стороне, но Даная еще не закончила. — Ты хочешь, чтобы

я усомнилась в тех, кто никогда не сомневался во мне. Или в тебе. Доверие не требует ответов, Персей. Доверие требует принятия.

Персей поджал губы, все еще смотря рассерженно.

— Но мы только сейчас узнали, что Диктис — брат царя.

— А я царская дочь. А ты внук. Диктис никогда тебе не лгал. Он никогда не пытался, какие ужасы случились со мной в прошлом, и я никогда не ожидала таких рассказов от него самого. Мы можем жить так, как живем, именно благодаря ему, Персей. Не учила я тебя вести себя так непочтительно.

Персей скрестил руки на груди.

— Этому не бывать. Ты ни за что не выйдешь замуж за Полидекта.

— Персей, пожалуйста, он просто хочет со мной встретиться.

— Он попытается заявить на тебя свои права. Я знаю, что так будет, матушка. Я это чувствую.

— Персей, не надо переживать о будущем, которое может никогда не наступить.

Он понял, что тратит время даром. Это было все равно что разговаривать со стариками, что сидят, скрестив ноги, у гавани, одурманенные вином, и болтают о том, как сражались с Аресом в юности. Спокойствие матери только сильнее рассердило Персея, и тогда он обратил свой гнев на Диктиса.

— Так скажи же, «отец, который никогда не лгал», каким мужем стал бы великий царь Полидект для моей матери? Справедливым? Достойным? Будет он таким же, как ты, и никогда не поднимет на нее руку? Ответь, Диктис. Что этот брак принесет моей матери? Какое царь имеет право являться сюда и требовать любую женщину, какую пожелает?

Старик переводил взгляд с Персея на его мать. Для Персея Диктис был как дуб: сила, текущая от его корней, была невидима, но непоколебима. И все же в угасающем свете дня его листья увяли, а ветви скрючились и загубели от непогод.

— Я старался изо всех сил ради тебя и твоей матери, Персей. Возможно, это не тот союз, которого я хотел бы для твоей матери, но я не имею власти над Полидектом. Для него я просто ничтожный рыбак, несмотря на кровное родство. Более того, боюсь, как бы я не сделал хуже, попытавшись как-то повлиять на события.

Персей ушел, все еще кипя от гнева. Его мать выйдет замуж за этого царя? Он этого не допустит. Слухи о скверном нраве Полидекта были старше Персея. Бесчувственный мужлан, который потакал своим порокам с помощью хитрости и унижений. Столько лет Диктис и его жена Климена обманывали Персея? С Клименой он порой делился тем, чего не рассказывал собственной матери! Они предатели, что бы ни говорила мать.

Шагая к берегу, Персей еще больше погружался в боль и гнев. Один за другим он подбирал серые камни и швырял их в серое небо и в серые грохочущие волны. Конечно, как сын бога, он должен положить этому конец. Он сын Зевса. Брат Афины. Разве не ему решать, за кого и когда выйдет замуж его мать? Он схватил еще горсть камней и принялся швырять их все дальше и дальше в море. Любой ценой. Любой ценой он позаботится, чтобы мать была в безопасности. Такая женщина никогда не выйдет замуж за тирана. По крайней мере пока он, Персей, жив.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Тревога Персея не уменьшалась. Минуло две луны с тех пор, как он узнал о желании Полидекта жениться на его матери, и трое суток, как он попал в ловушку, расставленную царем. Три дня, как он, обманувшись, обрек себя на смерть, а мать отправил в руки и на ложе к чудовищу. Даже Персей не был так наивен, чтобы на что-то надеяться. Только не сейчас. Особенно после случившегося.

— Пожалуйста, Персей, — на край его кровати присела Климена, — расскажи, что сказал царь? Что он сделал?

Персей все никак не мог найти слов, чтобы признаться в своей глупости. Он вернулся

домой без Данаи — это само по себе служило доказательством того, что Полидект его обыграл, но до сих пор на все вопросы приемных родителей Персей отмалчивался. Только опрокинув в себя залпом больше вина, чем когда-либо прежде, он признался, какой свадебный подарок пообещал преподнести царю Полидекту и своей матери. Сначала его слова встретили изумленной тишиной, за ней же последовала волна негодования, достойная самих олимпийцев.

— Ты глупец, ребенок. Глупый, глупый мальчишка. Зачем давать такой обет? Какой дьявол в тебя вселился? — выкрикнул старик ему в лицо. За все восемнадцать лет Персей ни разу не слышал в голосе Диктиса столько ярости. . — Кого ты надеялся так спасти?

— А ты бы просто позволил ему забрать ее? — Вино сделало речь Персея невнятной. — Позволил ему забрать мою мать, будто она какой-то там бык — кто больше заплатит, тому и продавай?

— Что это изменит? Он царь, Персей! Мой брат получит твою мать в любом случае. Теперь он и твою жизнь поставил под угрозу.

— Необязательно. Вполне возможно, что я не потерплю неудачу. Я наполовину бог. — Защищался он не слишком убедительно. Вино, что плескалось внутри него, было единственным источником его фальшивой уверенности. — Я сын Зевса.

— И самонадеянностью пошел в отца. Пожалуйста, Персей. — Диктис коснулся плеча юноши, старик сгорбился под грузом поражения и старости. — Подумай о своей матери...

— А что я, по-твоему, делал? Я только о ней и думаю. Она причина всего. Ее-то я и пытался защитить.

Теперь Персей понимал, что только сыграл Полидекту на руку. Приглашение на пир пришло заранее на целый месяц. Персей хотел отказаться, но понимал, что вечно избегать проблем не получится. Полидект уже не раз встречался с Данаей по разным поводам, и, хотя она всегда одевалась как можно проще и изо всех сил старалась отвергнуть его ухаживания, все было тщетно.

— Он объявит, что вам надо пожениться, — сказал Персей накануне их путешествия. — Объявит об этом на людях, так что ты не сможешь отвергнуть его, не поставив в неловкое положение.

— Я в этом не сомневаюсь, — невозмутимо откликнулась Даная.

— Так зачем ты идешь?

— Доброжелательность помогает достичь многого, Персей, — ответила она. — Даже с таким человеком, как Полидект.

Персей сомневался, что это на самом деле так, но промолчал — только из уважения к матери.

В тот день, когда они уходили, дом был пуст. Диктис ушел на лодке с рассвета, хотя Персей был уверен, что тот скорее избегал их, чем хотел добыть еще рыбы. Климена пошла отнести припарку из трав соседу, у которого все никак не заживала полученная в море царапина, и тоже не вернется до вечера. Дом, когда-то просторный, превратился в неуютную пещеру. Кажется, ни одно из произнесенных им слов не достигло ушей матери.

— Я пойду, — попробовал он другой подход. — Я скажу, что ты больна лихорадкой. Как та старушка, которую навещает Климена, у нее лихорадка длится с последнего праздника Ареса. Так мы сможем тебя спрятать.

— Персей...

— Тебе нельзя идти на этот его пир. Ты знаешь, что он это сделает. Он объявит о свадьбе, и ты окажешься в ловушке. Связана с этим царем-тираном.

— Персей, любовь моя. — Пальцы Данаи, нежные, словно лепесток, коснулись его плеча. — Ты сильный. Ты внимательный, заботливый мужчина, но так мало знаешь о мире. Я провела свою юность пленницей в башне.

— Я знаю это, матушка... — Персей закатил глаза, и по губам матери пробежала тень улыбки.

— Ну, тогда ты должен знать, что все эти годы я считала себя покинутой всеми. Что боги забыли про меня. Что я никогда больше не буду ходить

по земле и не почувствую дуновение ветерка на щеке. А потом у меня появился ты. Мой прекрасный мальчик, я так боялась за нас обоих. Столько раз моя жизнь могла оборваться. Мой отец мог выбрать нож вместо моря и сундука. Мы могли погибнуть, убитые Сциллой или Лаомедонтом. Но ножа не было, а Посейдон успокоил воды. Мы оказались здесь, где самый добрый человек на всем острове принял нас, ничего не спрашивая. Все мои страхи обернулись счастьем. Я родила и вырастила самого прекрасного из всех сыновей Зевса... — Она прервалась, задержав взгляд на Персее. — Возможно, боги снова будут добры ко мне. Или, может, они считают, что моя пора спокойной жизни подошла к концу. В любом случае, это не имеет значения. Я должна это сделать. Я должна пойти к нему. И я хотела бы, чтобы в это время ты был рядом.

Итак, они проехали через весь Сериф, чтобы пообедать за столом царя Полидекта.

Персею еще не доводилось бывать на таких пирах. Гигантские столы из темного красного дерева, покрытые лаком, были уставлены множеством яств. Всевозможными видами мяса птицы, зверя и рыбы, таких размеров и цветов, каких Персей и представить себе не мог. Прежде он считал себя достойным рыбаком, который пользовался благосклонностью Посейдона и не-реид. Теперь он боялся, что ошибся; рыба такого размера порвала бы его сети. Земля дала щедрый урожай, и Полидект забрал его полностью.

— Ты сядешь со мной. — Полидект сжал морщинистой рукой запястье Данаи. Это могло показаться нежным жестом, но Персей видел, как побелела кожа матери под кончиками пальцев царя и как губы ее, приподнявшиеся в улыбке, побледнели.

— Вы оказываете нам честь, Ваше Величество, — ответила она.

Персей, напротив, промолчал.

Полидект пережевывал пищу медленно, тщательно растирая каждый кусочек в кашицу. Каждый дюйм его лица, который просматривался под копной жестких седых волос, был покрыт складками и морщинами, а кожа была такой тонкой, что казалось, сильный ветер ее сдует. Несмотря на свой возраст, он смеялся искренним, раскатистым смехом, обнажая пожелтевшие зубы и разбрызгивая жир и вино, которые разлетались вокруг или прилипали к его бороде. Персея посадили за тот же стол, всего через два места от стареющего царя, которые были заняты двумя молодыми девушками. Кожа одной напоминала мрамор, а волосы мерцали золотыми крапинками, словно ей их пожаловал сам Гелиос. У другой кожа была цвета жареного каштана, а губы розовели, как малина. В любом другом случае эти красавицы отвлекли бы на себя внимание юноши, как того желал Полидект, но для Персея за столом была только одна женщина, и он не мог оторвать глаз от нее.

Долгие годы он слушал рассказы Данаи об Аргосе; о том, как она обедала на пирах и развлекала богачей острова, но никогда прежде он не видел мать с этой стороны. На его глазах она лишь потрошила рыбу, мыла полы и чистила раковины моллюсков после того, как они съедали содержимое. Мать скромно улыбнулась, чем привлекла взгляды всех сидевших рядом, и тогда Персей осознал, что его последняя надежда — что Полидект разочаруется и разлюбит мать — не сбудется. Придется придумать что-то еще.

Когда мясо убрали, на его место поставили сыр, инжир и оливки, политые медом. Они были намного слаще тех, что росли на склонах холмов рядом с их жилищем; Персей задумался, как же царю удастся добывать такие лакомства, и решил, что выгодные приобретения были особым талантом Полидекта.

Когда все слизали нектар с пальцев и на стол подали свежее вино, Полидект отвел взгляд от Данаи и посмотрел на ее сына.

— Персей! — Кубок царя был переполнен, и вино пролилось на стол. Слуга поспешно вытер его. — Слышал я, ты сын Зевса.

Девушки, сидящие рядом с Персеем, возбужденно захихикали.

— Я тоже слышал об этом, — ответил он без намека на враждебность, которую испытывал. — Хотя мой отец не делал мне одолжений.

Полидект нахмурился:

— Не делал одолжений? Ты обедаешь за царским столом. Разумеется, боги сыграли свою роль в такой счастливой судьбе.

Персей стиснул зубы так сильно, что мышцы на лице напряглись и дернулись.

— Ты прав, — сказал он. — Нам повезло. Нам повезло жить у такого человека, как Диктис.

Полидект фыркнул.

— Удача в доме рыбака? Уверен, сын Зевса не может довольствоваться столь низким положением.

— Однако пожаловаться нам не на что, — отметил Персей. — Судя по всему, мы, вероятно, наиболее счастливы, наслаждаясь простыми радостями жизни.

Полидект прищурился, и в его глазах явно мелькнуло подозрение. Секундой позже он расхохотался, запрокинув голову:

— Наверное, травы, которые его жена-ведьма добавляет тебе в чай, затуманили твой разум. — Царь со стуком поставил кубок на стол, и вино на сей раз забрызгало его тунику. Гости расхохотались, соглашаясь — или по крайней мере желая показать согласие. Мгновенно рядом с царем возник слуга, снова наполнил кубок и вытер стол. — Что ж, скоро ты будешь благословлен, юный Персей. Пасынок царя Серифа. Великая честь для забытого бастарда, не так ли?

На залу тут же опустилась тишина. Те, кто всего мгновение назад смеялись, теперь встревоженно

переглядывались; все замерло, только трепетало пламя масляных ламп. Может, Персей и был бастардом, но все же бастардом Зевса. Если Полидект и заметил ярость и страх, промелькнувшие на лицах пирующих, он этого не показал. Так ведет себя царь на людях, подумал Персей, прикусив язык столь сильно, что почувствовал привкус крови. Лучший облик, который он только мог показать новой невесте. Одним лишь богам ведомо, насколько отвратительнее Полидект в уединении своих покоев.

— Я полагаю, ты одобряешь, — продолжил Полидект, — брак своей матери. В ее возрасте это большое благословение. Честь. Она нашла себе весьма выдающегося поклонника, согласен?

Любили люди Полидекта своего царя или нет, не имело большого значения: они были его людьми. Его окружали, фальшиво улыбаясь, стражники с коваными копьями и родственники со спрятанными ножами. Персей мог дать только один ответ.

— Естественно, чего еще желать сыну?

Полидект встретил ответ недвусмысленной усмешкой.

— Мне уже преподнесли два десятка лошадей в подарок на свадьбу. Ты слышала о таком обычае? — обратился он с вопросом к Данае, но тут же снова повернулся к Персею: — Такие вещи дарят еще до того, как будет назначена дата заключения союза.

— Как бы я хотел подарить что-то, достойное такого союза, — ответил Персей. — Но не могу даже представить, что это может быть за подарок.

Замечание было столь незначительным, произнесенным с такой легкостью и безразличием, что целую секунду Персей не замечал ловушки. Хмель моментально исчез из взгляда Полидекта, и он широко ухмыльнулся, обнажив желтеющие зубы.

— Есть один подарок, который ты можешь мне преподнести, — сказал он.

Слова были сказаны. Тосты произнесены, и завеса надвигающейся гибели опустилась на Персея, столь же осязаемая и тяжелая, словно плащ на плечах. Голова горгоны Медузы должна будет стать свадебным подарком Персея. Голова тысячелетнего существа, убившего тысячи невинных людей.

Сердце Персея бешено колотилось при мысли о ловушке, в которую он сам себя загнал. Он должен уехать, как только подготовит корабль. И в день его возвращения мать выйдет замуж за Полидекта. Так обещал царь. Вот только никто никогда не возвращался от Медузы, и царь-тиран прекрасно это знал. Он замыслил вот так запросто избавиться от нежеланного пасынка. Однако

Ханна Линн

Персей, пусть и наивно, вынашивал собственный план. Он добудет голову горгоны, как просил Полидект, а затем обратит свадебный подарок против царя и освободит Сериф от его гнусного владычества.

STONE HEDGE

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Персей готовился к отплытию, но на сердце у него было тяжело из-за нависшей над ним неминуемой угрозы. В его голове же, наоборот, — легко и пусто от вина, которое он пил, чтобы избежать мыслей о своей участи.

— Возьмешь мою лодку, — сказал Диктис. — Она маленькая, но прочная. Лучше нее в этой части острова не найдешь. Но еще нужно подыскать команду. Шести человек должно хватить. И выбирай с умом. На суше редко встречаются люди с таким характером, как у тех, кто переживает одну бурю за другой.

Названный отец говорил решительно и властно, а не с досадой, хоть и имел на то полное

право. Однако Персей все равно еще глубже окунулся в чувство вины, запас которого казался бесконечным. От матери не было ни весточки, и каждый час без новостей только умножал вину и страх. Персей молча кивнул в ответ на указания Диктиса, соображая медленно из-за выпитого накануне вина.

Вдруг он понял, что так и не ответил Диктису.

— Я не могу взять твою лодку. Она вас кормит. Она тебе нужна. Без нее ты не сможешь ловить рыбу.

— Правда? Что-то я об этом не подумал! — Диктис улыбнулся с добродушием, на которое Персей не смог ответить взаимностью. — Все в порядке. Пока нам всего хватает. А если кормить на два рта меньше, то наши запасы можно растянуть на вдвое больший срок. Скорее даже вчетверо, учитывая, сколько ты ешь.

Он ухмылялся, и на этот раз Персей позволил себе слабую улыбку, хотя бы ради Диктиса.

— Очень благородно с твоей стороны предлагать такое, но я не могу ее принять, — сказал он, тут же снова становясь серьезным. — Она нужна тебе. Путешествие будет долгим. А если я не смогу... Если я не... — Персей проглотил комок, вставший в горле. — Возможно, что я... ты знаешь... — Ну и герой, усмехнулся он про себя. Такой герой, что от одной мысли о смерти весь вспотел. Персей расправил плечи и выпрямился. — Это путешествие может занять много лет, — сказал

он. — Я не могу допустить, чтобы все это время ты жил, не имея возможности обеспечить себя.

— Ну, тогда, наверное, буду строить лодки, — ответил Диктис. — Эти руки еще достаточно сильные. Я не такой дряхлый, как мой брат. — Он положил руку Персею на плечо и серьезно продолжил: — Не беспокойся обо мне, Персей. В свое время мы с Клименой перенесли достаточно бурь.

Не имея другого выбора, Персей согласился на его предложение.

Но на этом щедрость Диктиса не закончилась. Климена настояла на том, чтобы снабдить Персея и его людей сушеной рыбой, фруктами и зерном — запасами, какие они только смогли достать, подняв на уши всю деревню — пока не убедилась, что трюмы их небольшого судна заполнены доверху.

— В открытом море еды много не бывает, — сказала она, глядя на него с той же материнской нежностью, что и всегда. — Знаю, что этого мало, но у нас есть кое-что еще; немного золота и серебра, которые ты сможешь обменять, если понадобится.

Персей покачал головой.

— Я больше не могу ничего у вас взять, — сказал он, запихивая монеты обратно в руки Климене. Ее глаза мягко светились.

— Персей, мы отдали бы тебе все, что у нас есть, и этого все равно бы не хватило отплатить за те годы, которые ты подарил мне, позволяя

заботиться, как о моем собственном ребенке. Твой отец чувствует то же самое. Ты это знаешь.

Комок в горле, который за последние несколько дней почти не исчезал, еще сильнее набух, мешая дышать и заставив подступить к глазам обжигающие слезы. И все же Персей отказался от этих подарков.

Ему потребовалось всего несколько дней, чтобы найти себе команду. Пусть и полные энтузиазма, но они были моложе, чем ему бы хотелось.

— Это неудивительно, — сказал он Диктису по дороге к гавани в утро, когда было назначено отплытие. — У тех, кто постарше, либо есть дети и жены, которых они не хотят оставить вдовами, либо просто достаточно ума, чтобы понимать — ничего хорошего из этого не выйдет.

— Не теряй веры! — Климена обняла его, не сбавляя шаг. — Помни: неважно, считаем мы тебя своей семьей или нет, ты сын Зевса. На твоей стороне боги.

— Было бы неплохо получить этому подтверждение, — проворчал он.

К тому времени новости о походе Персея распространились по всему Серифу, так что он не удивился, услышав о толпе, собравшейся в порту. Это будет горько-сладкое прощание, подумал он. Тот краткий миг перед началом приключения, когда он сможет купаться в лучах славы, как настоящий герой. Стоит насладиться этим, подумал Персей. Или хотя бы притвориться.

До Персея дошли слухи о проводах, и все же он не был готов увидеть то, что ожидало его за поворотом к гавани.

— Не может же быть, чтобы это все было из-за меня, правда? — Вместо волнения и трепета в животе, которые он чувствовал с самого утра, пришло смущение. Толпа оказалась такой большой, будто все собрались на праздник богов; казалось, у воды столпился весь остров. Стоявшие позади вытягивали шеи, вставали на цыпочки и сажали детей на плечи, чтобы им было лучше видно, а вниз с холмов спешило еще больше людей.

— Дайте пройти. — Персей подвинул в сторону человека на краю толпы. — Мне нужно добраться до судна.

Ротозей быстро повернул к нему голову, но тут же снова отвернулся и начал высматривать место, откуда было лучше видно море и лодку. Персей подергал подбородком из стороны в сторону, и в его голове будто что-то щелкнуло. — Ты меня слышал? Мне надо пройти. Это мое судно. Моя команда. Я тороплюсь! — Персею понадобилась всего минута, чтобы понять, что причиной странного волнения явился не он. — Мне надоело просить! — сказал Персей и заработал локтями, проталкиваясь через толпу.

Только протиснувшись в центр и обнаружив, что передняя половина зевак упала на колени, он понял причину ажиотажа.

— Наконец ты пришел, брат.

Лазурное небо тускнело в сравнении с ее сиянием. Облаченная в серые одежды, но сверкавшая ярче Гелиоса, она подошла к нему по берегу, не оставляя ни следа на песке.

— Освободите место. Освободите место для моего брата, — повторила она, и Персею показалось, как в один миг тяжесть на его плечах и уменьшилась, и удвоилась.

— Афина Паллада? — Имя прозвучало как вопрос, ведь он не понимал, как могло случиться, что богиня мудрости, неистовая воительница и покровительница величайших героев, оказалась на берегу Серифа и обращалась к нему как к родственнику.

Ее глаза сверкнули. Персей тут же упал на колени.

— Персей. — Она протянула к нему руку и заставила подняться. Ее прикосновение было легким, как воздух, но за ним скрывалась сила олимпийской богини. — Нам пора идти. Твоя команда тебя ждет, — чуть насмешливо улыбнувшись, она кивнула в сторону океана.

Персей и раньше видел большие корабли. Меньше недели назад он стоял в гавани Полидекта, над ним проплывали белые облака, а он разглядывал царский флот, наполовину восхищенно, наполовину воинственно. Тогда Персей думал о Диктисе. Каким крошечным и ничтожным по сравнению с этим выглядело

его собственное судно. Но корабль, на который он смотрел сейчас, был поистине великолепен.

Если Персей когда-нибудь вернется из путешествия, то подарит его Диктису в благодарность за годы, которые тот заменял ему отца. Этот корабль. И с щедрым даром, достойным героя, — он вручит и команду, которая навсегда останется у руля для его любимого названного отца. Под высокими мачтами корабля воины, облаченные в доспехи, держались за весла и ходили по палубам, небрежно перетаскивая на плечах бочки и канаты. Не пять-шесть людей, которых он собрал, а два десятка воинов. Сильные и свирепые, как звери. Персей побледнел. На Серифе он, сын Зевса, с легкостью принимал свою силу как должное. С восьми лет он был равен по силе любому мужчине, с каким бы ни столкнулся. Впервые его происхождение ждала серьезная проверка.

— Пора подниматься на борт... — Слова Афины вырвали его из размышлений. — Ведь время не ждет, правильно я понимаю?

Он кивнул, еще на мгновение задержав взгляд на корабле. Ветер немного усилился, отчего паруса натянулись и затрепетали. Персей обернулся к собравшимся на берегу, пробегая взглядом по множеству лиц, повернувшихся к Афине в неверии и благоговении. Его сестра. Он заметил поднятую руку Диктиса в толпе. Сердце замерло в груди Персея. Вот образ, который он сохранит

в памяти, из которого будет черпать силы и ради которого вернется обратно. Улыбаясь, он встретился глазами с приемным отцом и уверенно кивнул.

— Ради матери, — одними губами произнес Диктис.

— Ради матери, — сказал Персей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Персей взялся за весла и поплыл к ожидавшему его судну. Его сестра — он позволил себе мысленно произнести это слово — держалась за руль обнаженными руками цвета золота; ее серый хитон на ветру оставался неподвижен. Не обменявшись более ни одним словом, они поднялись на борт великолепного корабля и отчалили в открытое море. Персей посмотрел на других мужчин. Их руки блестели от пота. Он не знал, с какого острова они прибыли — если вообще были островитянами. Вполне возможно, что они собрались со всех концов Эллады. Без сомнения, их выбирала сама богиня. Возможно, среди них есть герои. Более достойные, чем он сам, которые рискнут

встретиться взглядом с горгоной. Ведь Полидект потребовал только, чтобы Персей принес ему голову Медузы. Но не уточнял, кто именно должен ее отрубить.

— Экипаж твой, — сказала Афина, словно прочитав его мысли. — Когда я уйду, они будут подчиняться твоим командам. Они знают дорогу к острову горгоны.

— Тогда, наверное, кто-то из них и должен быть главным. — В словах Персея была только доля шутки. Афина заметила это и улыбнулась.

— Голову Медузы ты тоже прикажешь доставать им, я полагаю?

Цвет щек выдал его недавние мысли.

— Горгона стара и коварна, ни один смертный не выстоит против нее, — сказала богиня, избавляя Персея от унижительной необходимости отвечать на вопрос. — Многие пытались. Никто не преуспел. Но то были смертные; ни один из сынов Зевса не пытался совершить такое.

Персей взгляделся в океан. На горизонте маячило небольшое пятнышко земли — все, что осталось от Серифа. Он вернется только с победой. Теперь у него не будет иного дома.

Из-за ветра, раздувавшего паруса, воздух был не слишком влажным. Гребцов требовалось меньше, и они нашли себе занятия на палубе. Как долго они будут благословлены попутным ветром, Персей спросить не решился. Лучше

принимать дары богов молча, чем рисковать прогневать их, прося большего.

— Горгоны, — сказал он вместо этого, — как они стали такими? Это было наказание богов?

— Наказание? — голос богини чуть заметно дрогнул. — С чего бы это? Что ты слышал об их создании?

— Я слышал только, что они такими родились. Что эти три существа почти такие же древние, как сами боги.

— Тогда почему ты в этом сомневаешься? — Ее голос окреп. Тон был скорее резким, грубым. Как удар тупой стороной клинка. Поднялся ветер. Мужчины поспешили к трапам, чтобы убрать паруса.

— На моем острове спорят об их происхождении. Породили ли этих тварей Тифон и Ехидна или Форкий и Кето.

— Какая разница? Твоя задача, как я понимаю, отрубить ей голову. И все.

— Богиня, у меня не было намерений нанести оскорбление. Я знаю, что боги справедливы и праведны. Я просто хотел выяснить о своем враге как можно больше. Ведь так поступают хорошие герои, правда? Нужно изучить слабые стороны противника.

Лицо Афины смягчилось от улыбки, хотя в глазах оставалось недоверие. Она сжала губы и повернулась к тому же пятнышку земли — оно уже было не больше зернышка, — на которое пару минут назад пристально смотрел Персей.

— Могу рассказать, что я знаю о горгоне Медузе, — сказала она, не отрывая взгляда от океана. — Я могу сказать тебе, что тысячелетия в одиночестве создают чудовищ, для которых доводы разума уже не имеют особого значения. Она может говорить на том же языке, что и человек, но в ее крови не больше человечности, чем в яде гадюк на ее голове пользы для здоровья. Я могу сказать, что она получает удовольствие от каждой смерти, играя со своими жертвами, как кошка с мышью. Однако мышь с раненой лапкой может сбежать от кошки, чтобы пойти и умереть в каком-нибудь укромном уголке в поля, как сама пожелает. У жертв Медузы нет такой роскоши. Нет спасения в одиночестве. — Афина снова посмотрела на Персея. Серый блеск глаз теперь исчез, сменившись чем-то более темным. — Она не человек. Она никогда не была человеком. Не обманись, решив иначе. Она не поддастся на человеческие уловки. Она видела и превзошла их все.

Персей с ног до головы покрылся мурашками:

— Раз так, то как мне ее одолеть?

— Этим, — улыбнулась Афина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

— И снова герой испачкал тунику, не успев поднять меч, — рассмеялась Эвриала, пнув статую и глядя змею, которая обвилась вокруг ее горла. Она потянулась, так что ее крылья защелкали и заскрипели, потом снова сложила их.

Снаружи доносились пронзительные крики морских птиц. Непрерывный стук капель дождя по земле острова. Обычно дождь останавливал поток героев, но эти суда, должно быть, уже заплыли слишком далеко, чтобы задуматься о возвращении.

— Они становятся все слабее и слабее. — Сфено ткнула пальцем туда, где должны были быть ноги мужчины, теперь скрытые каменной юбкой. — Жалкие пародии, а не мужчины.

— Этот хотя бы перебрался через сад. — Эвриала обхватила ладонью его щеку и склонила голову, рассматривая статую.

— Только потому, что мы позволили. — Сфено ногтем процарапала линию на камне там, где раньше было сердце воина. Звук отразился от стен вокруг. — Когда уже к нам пришлют настоящего героя? Того, который бросит нам вызов. Возможно, ему даже удастся перерезать тебе плотку.

— Мне? Думаю, в первую очередь он нацелится на тебя. Даже плохой хищник может понять, кто в стае слабак.

— Ах, раз ты так хочешь, сестра!

Раздались крики и вопли: две сестры-горгоны схватились друг с другом. Когти, клыки и чешуя сверкали в тусклом свете пещеры. Каждый новый удар был все сильнее и громче, сотрясая мелкие камни и гравий на земле. О воине позабыли. В пылу боя на туловище статуи пришелся удар взмахом крыла. Она закачалась, накренилась, упала и разбилась на кусочки.

— Хватит!

Сестры отпрянули в тень, раздвоенные языки ощупывали воздух, устремляясь туда, откуда появилась Медуза. С годами она стала невосприимчивой к их ненависти. Она ее заслужила. Если бы она сбежала из дома, что — Медуза знала — ей и стоило сделать после смерти родителей, сестры просто остались бы сиротами.

Тяжелая жизнь, да, но жизнь. Столько времени, сколько отпущено смертным. Смертный конец. Прошли тысячелетия, но раны от ее поступков все еще не зажили.

— Прочь из пещеры! Мне нужен покой. — Уж где-где, а в этой пещере у нее была власть. Однако в ответ раздался шипящий хор. — Вы что, не слышали меня? Я сказала — прочь.

Медуза обнажила клыки, пристально глядя в красные глаза Эвриалы. Все замерло, только вихри пылинок кружились вокруг нее. Снаружи усилилась барабанная дробь дождя. Медуза приказала своим змеям молчать, ведь если бы те зашипели и напали, то только еще больше разозлили бы сестру.

Наконец Эвриала заговорила со Сфено, так, словно Медузы не было рядом:

— Пойдем, посмотрим, что принес этот день, — сказала она, сверкнув глазами. — Может, отец послал нам заблудившийся корабль.

Медуза проглотила горький комок, застрявший в горле.

— Возможно, он послал много кораблей, — ответила Сфено.

Отец. Сестры принялись называть так бога моря в насмешку: то, что Медуза была изнасилована Посейдоном, каким-то образом приносило им облегчение; возможно, потому что она перенесла хотя бы одно унижение, которого они не испытали. С годами насмешка исчезла,

как и сострадание, и теперь они говорили так серьезно. Они восхваляли Посейдона за то, что он им приносил. За героев, которых он приводил к их берегам для развлечения. Что бы Медуза ни делала, ей ничего не оставалось, кроме как презирать их за это.

Явля и огрызаясь, сестры устремились наружу, по пути царапая когтями стены пещеры. Звуки хлопающих крыльев были одновременно благословением и проклятием. Часто они исчезали на несколько дней подряд, иногда на недели, месяцы. Однажды их не было почти целый год, а когда они вернулись, то говорили так, будто даже не заметили пропажи Медузы. В конце концов, что такое год для тех, кто прожил тысячелетия? Зимы, лета, времена года пролетали как один день.

Может, Медуза бы и хотела, чтобы они ушли навсегда, если бы не последствия, которые приносило их отсутствие.

Медуза не возражала против оскорблений, как когда-то. В обществе своих змей, бессловесных и извивающихся, ей теперь было уютнее, чем с сестрами. Но она скучала по ним, когда они где-то пропадали. Ведь без двукрылых горгон расправляться с героями приходилось Медузе.

Многие годы она пыталась вразумить воинов, договориться. Умоляла мужчин, которые приходили, вооруженные мечами и кинжалами, чтобы покончить с ее жизнью.

— Пожалуйста, уходите. Уходите сейчас же. — Она пряталась в тени и говорила изда-лека. — Вы еще можете спастись. Пожалуйста, уходите.

Часто они смеялись. Высокомерие не позволяло им подчиниться приказам женщины. Даже той, которой исполнилось две тысячи лет и которая могла оборвать их жизни. И она обрывала — каждый раз. Медуза старалась избежать этого. Многие годы она стояла, закрыв глаза, в надежде, что кто-нибудь окажется достаточно быстр, чтобы обогнать змей, которые вонзали клыки в ее кожу. Иногда они нападали и на мужчин, но обычно их клыки были направлены исключительно на хозяйку. Шея, плечи, маленький кусочек мягкой плоти, который все еще оставался у нее за ушами; змеи точно знали, как заставить ее рефлекторно открыть глаза. Каждый раз их уловка срабатывала, и каждый раз тот, на кого падал ее взгляд, был обречен на вечность в камне. Она пыталась надеть на глаза повязку, сделав ее из лоскутков ткани, которые оставались на камнях, когда мужчины пытались спастись бегством, но змеи не позволили: рвали ткань зубами, пока не остались одни волокна.

Медуза попробовала бы утопиться, как сестры, но знала, что Посейдон ни за что не дарует ей такой роскоши. А падение со скал, скорее всего, было бы предотвращено каким-то чудом богов. Она, как и всегда, находилась в их власти.

Так что теперь, когда сестры покинули ее, Медуза ждала, когда придут героини, и несла вахту перед пещерой, на маленьком клочке зелени, который сестры называли садом. Быстрая смерть, как можно меньше страха — вот и все, что она могла им теперь предложить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дни в открытом море превратили Персея в полубога, по праву заслуживающего этого титула, хотя не обошлось без тяжелой работы и пота. В его команде, которую подобрала Афина, было двое воинов из Спарты: один, худощавый, передвигался проворнее кошки; другой, почти вдвое крупнее, мог свалить мужчину, подобного Персею, одной рукой. Каждое утро, пока экипаж ухаживала за кораблем, Персей часами тренировался с ними. День за днем, под штормами и палящим солнцем, он терпел удар за ударом, стремился к умениям, на овладение которыми у них ушли годы. Каждое утро они вставали раньше Персея, готовые проводить уроки. Его кожа покрывалась все новыми

царапинами и ранами. Ноги, плечи — ни одна часть тела не была защищена от их оружия. Кулаки Персея затвердели и стали сильными, а ладони покрылись мозолями и шрамами, поскольку его раз за разом разоружали и приходилось сражаться голыми руками. Он подозревал, что его нос никогда больше не примет свою первоначальную форму. Персей ложился спать с ноющими конечностями, лиловый от синяков и в корке засохшей крови, и каждое утро просыпался, готовый тренироваться еще усерднее.

Уже скоро его любимым оружием стал ксифос. Звук обоюдоострого меча, рассекающего воздух, стал для него таким же ритмичным, как удары весел о море. Глухой стук, с которым клинок ударялся о броню противника — с каждым днем все чаще и чаще, — мелодичным, будто пение дрозда. Персей становился быстрее, сильнее, проворнее. Научился предугадывать движения своих противников: отведенное в сторону бедро, дрогнувший палец. Вскоре он начал просить других членов экипажа присоединиться к ним. Чтобы сравнять силы. Трое, четверо, пятеро на одного. Вскоре Персей мог принять бой со всеми разом.

Время, свободное от тренировок, он тратил на обучение.

— Что это за остров? — спрашивал Персей воинов, когда на горизонте появлялось новое пятно. Они говорили ему, и он запоминал не только местоположение, но и ландшафт, порты и деревни,

видимые с моря. Население. Храмы. Царей и богов, которые благоволили к ним. Он изучал карты, отмечая опасные места, о которых знал из историй, что Диктис рассказывал за обеденным столом, добавляя к этому знания своих воинов, каждый из которых имел гораздо больше опыта, чем он. Иногда, когда представлялась возможность, Персей забрасывал сеть с борта лодки и ловил рыбу для своих людей.

— Столько мускулов, и только чтобы выпотрошить рыбу, — сказал один из мужчин, пока Персей разрезал ножом брюхо паламиды, которую поймал в сети. Прикосновение лезвия к чешуе было нежным напоминанием о доме. — Возможно, Афина предпочла бы вместо этого оказать покровительство одному из нас.

— Возможно, мне стоит попробовать применить умение потрошить к людям? — ответил Персей, вытаскивая нож из рыбы. — Ты вызовешься добровольцем? — Среди команды прокатился смех. Поев, они говорили о женах и семьях, и женщинах, которые не были их женами, но благодаря которым их семьи увеличились.

В ту ночь, когда Персея пришел навестить второй его родственник, он слышал зов Серифа сильнее, чем когда-либо прежде. Он тосковал по цикадам, детскому смеху и чувствовал неодолимое волнение, смех мужчин с другой стороны лодки только усиливал ощущение одиночества. Постепенно Персей заслужил их уважение

и дружбу, но их узы все еще не были проверены невзгодами. Их общая история длилась месяцы, а не годы или десятилетия. Если бы ему пришлось покинуть их этой ночью, в их жизни не осталось бы зияющей дыры — возможно, просто умеренная скорбь на пару часов, вряд ли больше. В ту ночь тоска по дому болезненно пронзила Персея изнутри, а понимание чудовищности и нелепости всего предприятия захлестнули его, будто вино, в котором он хотел утопить свои печали.

Он удалился от команды и ушел к себе в каюту, оставшись наедине с полным кубком вина. С тех пор как Персей взошел на судно, он едва ли выпил глоток, стараясь сохранять остроту ума во время путешествия, но в тот вечер гнетущая жара и нарастающая тоска заставили его возжелать чего-нибудь покрепче. Однако одного глотка хватило, и теперь напиток ждал внимания, забытый, как и все остальные дела, которые Персей собирался сделать вечером.

В тот день они проплыли гораздо меньше, чем он надеялся. Впервые за все плавание ветер стих, вынудив команду больше полагаться на свои силы, чтобы удерживать судно на курсе и вести его вперед. Вместе с этим снова пришло осознание, что даже с Афиной Палладой на его стороне путешествие было нелегким. Сжав губы, Персей уставился на свое отражение. Его волосы посветлели от соли и солнца, плечи стали шире от тренировок, а щетина, украшавшая щеки, теперь

больше походила на мужскую, чем на юношескую. Поднявшись со своего места, он обогнул стол и снял со стены сияющий предмет. Вот он, подарок Афины. Его единственное оружие против Медузы. Щит, отполированный до зеркального блеска.

— Так ты сможешь увидеть, где спит горгона, не рискуя, что она посмотрит на тебя напрямую, — сказала ему Афина.

— Мне что, убить ее во сне? — переспросил Персей. — Разве это не бесчестно?

— Она чудовище, брат, а не какой-нибудь олень, которого ты выследил в лесу. Ты убьешь ее любым возможным способом, но я бы не стала рисковать, пока у нее открыты глаза.

Слушая и кивая, Персей провел рукой по полированному серебру, надеясь, что под его поверхностью скрыты некие ответы. В тот вечер он повторил те круговые ласкающие движения.

С тяжелым стоном Персей повесил щит обратно на стену, покинул каюту и направился на палубу.

На открытом воздухе ночная жара была такой же невыносимой, ее не охлаждал ни легкий ветерок, ни хлопанье парусов. Персею пришла в голову мысль прыгнуть за борт и окунуться в прохладную воду, чтобы хоть на миг почувствовать облегчение. В конце концов, должна и от слабого ветра быть какая-то польза, да и он был хорошим пловцом. При такой скорости движения он сможет плыть наравне с судном, пусть и недолго.

— Не очень хорошая идея, — прозвучал чей-то голос, заставив его подпрыгнуть. — Посейдон не станет каждый раз спасать тебя из воды. Особенно если ты, как дурак, сам в нее прыгнешь.

Его волосы были собраны в тугие локоны, что и в лунном свете сияли, как на полуденном солнце. В руке он держал посох из переплетенных змей и крыльев — кадуцей. На ногах у него были кожаные сандалии, украшенные крыльями, такими белыми, словно сделаны из свежего снега.

— Гермес? — Персей понял, что забыл, как дышать, увидев еще одного своего родственника. Еще одного бога. Он уставился на трепещущие сандалии, потом на кадуцей в его руке, и только потом, вспомнив, где его место, упал на колени. — Твой визит — честь для меня.

Глаза бога заблестели. Шумно взмахнув крыльями, он взгромоздился на борт корабля.

— Подозреваю, что так, да, — ухмыльнулся он. — Ну, брат, наделал ты шума наверху, на Олимпе. Прилично шума.

— Я? Правда? — переспросил Персей, не поднимаясь. Хоть он совсем недавно познакомился с братом, но начал подозревать, что Гермес не из тех, кто велит человеку встать. Так что у него был выбор: встать, не дожидаясь, пока его попросят, и навлечь на себя гнев сводного брата, или рисковать оказаться с одеревеневшими коленями на корявых досках палубы. Поразмыслив,

Персей выбрал первое и медленно поднялся на ноги.

Не выказывая ни малейшего упрека, Гермес, даже не пытаясь скрыть, что заинтригован, рассматривал Персея до неприличия внимательно. Оглядев его с ног до головы, он слегка вздернул подбородок, раздвинув губы в усмешке.

— А ты становишься настоящим героем, правда?

Ухмылка Гермеса стала еще шире. Это выражение было далеко от кривой улыбки его сестры; оно предполагало веселье и легкомыслие. И все же каким-то образом ему удавалось демонстрировать ту же скрытность и задумчивость, что были присущи Афине. Персей понял, что так и не ответил, и, все еще не зная, что сказать, открыл рот. Смех Гермеса остановил его.

— Не волнуйся. Я здесь не для того, чтобы как-то давить на тебя. С этим справятся и другие. На самом деле я пришел предложить небольшую помощь. Я видел, что Афина дала тебе щит. Разумное соображение. А теперь скажи мне, как, по-твоему, ты снимешь голову с плеч чудовища?

— Как? — озадачился Персей. — Мечом. У меня с собой ксифос, который...

— Ксифос? — бровь Гермеса поползла вверх. — Этого я и боялся. А еще скажи мне... Если тебе все-таки удастся отсечь ее голову оружием смертных, то как потом, по-твоему, ты доставишь ее

из пещеры обратно на Сериф, не обратив себя и свою команду в камень?

Во рту у Персея пересохло. Были ли эти вопросы заданы с добрыми намерениями или это хитрая уловка, не имело значения. Это еще одна грань путешествия, к которому он плохо подготовился. Поняв все по его лицу, Гермес положил руку на плечо Персея.

— Не бойся, брат, мы семья. Я здесь, чтобы помочь тебе. Думаешь, Афина единственная, кто может наделять дарами и покровительствовать своим героям? — Несмотря на эти заверения, Персей чувствовал, как узел в его животе затягивается, а не ослабевает. — Скажи мне, брат, — продолжил Гермес, — ты что-нибудь слышал о грайях?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Команда изменила направление без единого вопроса. Не было смысла ждать до утра: время, потерянное на неправильном пути, могло оказаться роковым, поэтому, пока бог еще находился на борту, Персей приказал своим людям поменять курс, как велит Гермес.

— Это будет для тебя чудесной проверкой, — сказал тогда Гермес, похоже, не заметив, как неуютно Персей себя чувствовал в его присутствии. — Эта маленькая поездка к Серым Сестрам покажет, из какого ты теста.

Хотя Персей привык изображать героя среди людей за время, проведенное в море, но изобразить героизм перед богом не сумел. Какими

большими ни были бы его мышцы, внутри у него все переворачивалось и содрогалось.

— Если боги будут благосклонны, доплывем быстро, — ответил Персей.

— Ты торопишься, так ведь?

— Да. Должен торопиться. Моя, моя... — Персей хотел было упомянуть имя матери, но закрыл рот и оставил эту мысль при себе. Гермесу, наверное, известно о событии, которое привело его сюда, но он не обсуждал этот вопрос со своей командой и не собирался этого делать. Для них он еще один герой, жаждущий славы и признания, только с чуть более впечатляющей родословной.

Его сердце учащенно забилося при мысли о путешествии к грайям. Еще одна задача — значит, больше времени вдали от Серифа, а значит, мать дольше пробудет в руках Полидекта. Сколько времени пройдет, прежде чем Полидект объявит Персея мертвым и все равно возьмет Данаю в жены? Такой человек не нуждается в доказательствах, если это на руку ему самому.

— Боги на твоей стороне, — нарушил молчание Гермес. — С тобой все будет в порядке. — Он провел пальцем по своему кадуцею. Его рука отразилась в зеркальной поверхности. — Их остров недалеко от Аида. Ты раньше там не бывал, полагаю?

— Я думал, что совершу это путешествие только раз, — ответил Персей. У него мурашки

побежали по плечам при мысли о подземном мире.

— Но ты герой и сделаешь то, что должно. — Гермес утверждал, а не спрашивал.

Персей сделал долгий ровный вдох, обдумывая то, что его ожидало.

— Я сделаю то, что должен, — повторил он слова брата. — Я убью грай ради этих вещей, если потребуется.

— Убьешь их? — Гермес в ужасе распахнул глаза и раскрыл рот, но в уголках его глаз все еще мелькала улыбка. — Они старушки, брат. Чудовищные старушки, но тем не менее. Они вряд ли сильно тебе навредят, имея только один зуб и один глаз на троих. Даже у нас, богов, есть принципы, знаешь ли. Нет, они сами отдадут тебе что требуется. Однако их, возможно, придется немного поугovarивать.

— Уговаривать? Как?

— Это тебе решать, брат. Но не волнуйся, я навещу тебя снова, когда ты с этим разберешься, — бог положил руку на плечо Персея, словно всегда присутствовал в его жизни.

На этом разговор подошел к концу. Гермес бросил взгляд на море и в последний раз повернулся к Персею.

— Удачи, брат, — снова сказал он, и крылатые сандалии подхватили его и унесли к звездам.

Никто не жаловался, но Персей заметил, что люди начали все больше волноваться, когда

судно легло на курс к подземному миру. Вспыхивали ссоры, хотя незначительные, и, возможно, не чаще обычного, но теперь, именно на этом пути, Персей переживал их более остро. Виды изменились. Пышная зелень островов сменилась более скалистыми, засушливыми пейзажами, от которых над землей шлейфом поднимались облака пыли, закрывая солнце и погружая их в ночь среди бела дня. Если не пыль, то облака заволакивали небо. Ливни с градом и мокрым снегом постоянно закрывали солнце. Его отец являл себя вспышками молний, мелькавшими в небе и освещающими опасные воды, по которым они плыли. Иногда Персей думал, не было ли это отцовским состраданием, не предупреждала ли его каждая молния повернуть назад и вернуться домой, признав поражение. Однако он знал, что будет на самом деле. Он вернется на Сериф героем или не вернется вовсе.

Ежедневные бои возобновились, и в них участвовали все, кто мог освободиться от своих обязанностей, но тренировки больше не приносили прежней радости. В конце концов Персей понял, что делает это не для удовольствия и не для того, чтобы потешить самолюбие. Он делает это, чтобы выжить. Сражения были не единственной частью его жизни, радость от которой померкла.

Еду — которую раньше они ели свободно, не беспокоясь об истощении запасов, — Персей

теперь был вынужден ограничивать. Богиня снабдила их всем необходимым, чтобы добраться до горгон, к припасам добавилось и собранное Клименой, но они отклонились от маршрута, а значит, им не хватит пищи на пару дней, а может, и больше. Он чаще забрасывал сеть, хотя в этих суровых водах рыбы было мало, а та, что они ловили, горчила, будто ее испортили грязь и пыль, которые теперь окружали их повсюду.

С момента посещения корабля Гермесом прошло полмесяца, когда стук в дверь пробудил Персея от сна. Это была беспокойная ночь, полная снов о трехголовых чудовищах, которые взяли в заложники его мать и команду. Он пытался спасти их, но терпел одну неудачу за другой. Сидя на каменных тронах, боги со смехом наблюдали за тем, как Персей не может даже поднять копье. Он проснулся весь в поту, который остался темными разводами на простынях.

— Персей, мой господин, — окликнул один из воинов. — Виден остров. Мы добрались до грай.

На его взгляд, это больше походило на большую скалу, чем на остров. Когда начали сгущаться сумерки, окрашивая облака в багровые тона, Персей и двое его людей отплыли к берегу

в маленькой деревянной шлюпке, взяв с собой матерчатую сумку с засоленными апельсинами, которые дала ему Климена. Уговаривать можно по-разному, и дары казались ему самым очевидным способом.

— Пусть один из вас ждет у лодки, — сказал Персей своим воинам. — Другой пусть прогуляется и посмотрит, есть ли на этом острове что-нибудь, что мы могли бы использовать. Старухи должны как-то находить пищу; посмотрите, есть ли какие-нибудь птицы, которых мы могли бы поймать, или рыбные места.

Кивнув и не обменявшись ни словом, чтобы распределить обязанности, один из мужчин пошел вдоль по берегу, а другой вытащил веревку из лодки и закрепил ее на ближайшей скале. Персей уже знал, куда направится.

С точки высадки остров казался таким плоским, будто мог исчезнуть во время прилива. Только одна область возвышалась над всем остальным пространством. Впереди в скале виднелась темная тень, тонкая щель, из которой не исходил свет. Пещера. Идя вдоль берега, Персей какое-то время наслаждался ощущением твердой почвы под ногами. Камни были черными и пористыми, воздух пропитался запахом пепла, что усиливало ощущение близости смерти, которое не покидало Персея с самого начала путешествия. Отодвинув чувства на задний план, он начал подниматься к пещере.

Персей с радостью понял, что его недавно обретенные мускулы работают на суше не хуже, чем в море; он взбирался в высоту так же легко, как любой человек поднимался бы по лестнице. Бросив взгляд через плечо на лодку, которая мягко покачивалась на волнах, он шагнул в тени — и в дом грай. Голоса эхом зазвучали вокруг, отражаясь от стен.

— Скажи нам! Дейно, скажи нам, кто это.

— Ты же сейчас можешь его видеть? Он сейчас в пещере, да?

— Откуда ты знаешь, что это мужчина?

— Эй, кто наступил мне на палец?

Персей потряс головой, пытаясь понять, о чем они говорят.

— Как ты можешь не знать, что это мужчина? Разве не чувствуешь запаха мускуса, мяса?

— В женщинах тоже есть мясо. Когда-то и мы были мясистыми. Эх, вот бы сейчас пожевать добрый кусочек мяса.

— Вот бы ты подавилась куском мяса.

Шипение и визги прервали болтовню, доносившуюся со всех сторон.

— Дейно, дай мне глаз. Пемфредо! Это твоя рука у меня в ухе? Убери ее. Убери!

— Почему это моя рука у тебя в ухе? Дейно, почему ты молчишь? Черт бы тебя побрал, сестра. Что ты видишь?

Зазвучал еще один голос, громче остальных. В нем было меньше неуверенности.

— Я молчу, потому что пытаюсь что-то услышать сквозь весь гам, который вы подняли. Подождите секунду.

— Мы уже подождали секунду.

— Ты захапала его уже как...

Персей больше не мог этого выносить. Откашлявшись, он провозгласил в темноту:

— Я Персей, сын Зевса. Я прошу грай принять меня.

Темнота разразилась пронзительным клекотом.

— Сын Зевса! Дейно, дай мне глаз. Дай мне глаз!

В мгновение ока когтистые пальцы схватили его за запястья и потащили дальше в пещеру.

— Поймала. Поймала!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Когда Персей снова обрел твердую землю под ногами, скудный свет едва пробивался от входа.

— Отцепись от меня! — Персей поборол невольное желание схватиться за меч. Вместо этого он замахал руками и ногами. Громкий визг разнесся по пещере. Он двинул локтем, отправив одно из созданий, вцепившихся в его руку, на землю. Секунду спустя три старухи снова набросились на него, словно бешеные псы, нацелившись на его пятки.

— Я Персей. Сын...

— ... сын Зевса, мы тебя слышали.

— Мы глаз лишились, не ушей.

— Должен быть, наполовину смертный. Глуп, как просто смертный.

— Он точно человек. Он пахнет как человек. Понюхай его, Эйно. Но где же глаз? — Что-то влажное и холодное прижалось к его подмышке. Еще что-то ткнулось ему в живот. Персей отпрянул еще глубже в пещеру. Темнота стала абсолютной. Его все время крутили и вертели, так что в итоге он потерял всякое чувство направления.

— Я пришел поговорить с вами! — повысил голос Персей, но это мало помогло. Он схватился за меч, отчасти для успокоения, отчасти чтобы убедиться, что тот не вырвали какие-нибудь ловкие пальцы. Мысли Персея лихорадочно метались. Почему Гермес не предупредил его об этом? Тряхнув головой, он направил свое раздражение в другое русло. Он сам был глупцом. Какой герой заходит в пещеру без факела, чтобы осветить путь? К тому же умудрился выбрать именно сумерки! Проще всего было бы на сегодня отказаться от задачи. Нужно найти выход из пещеры и вернуться на корабль. А на рассвете вернуться с факелом, который будет указывать дорогу. И, может быть, с парой воинов, чтобы разделиться для поисков.

Не представляя, идет он к выходу или только глубже в пещеру, Персей сделал большой шаг вперед. Вдалеке мелькнул проблеск света, и его сердце пропустило удар. Он поспешно бросился

туда, уверенно ступая по неровной земле. Но радовался Персей недолго. Когда он приблизился к источнику света, его желудок ухнул вниз. Вместо выхода из пещеры, на который надеялся, он оказался у костерка тлеющих углей. Персей снова выругался. Как вышло, чтобы на таком маленьком островке был такой лабиринт пещер? Земля вокруг костра была усеяна рыбьими костями и тушками животных, а от земли поднимался запах застарелой мочи. Разбитые горшки со сколотыми краями громоздились у стены, а другие горшки — о содержимом которых Персей не хотел ничего знать — стояли, заполненные доверху, у примитивного очага. На секунду он благословил недостаток света.

— Куда это ты? — снова закудахтали грайи.

— Выход не тут.

— Может, он хочет остаться.

— Скажи нам, сын Зевса, что мы можем для тебя сделать?

Сгорбленные, они ползли следом за ним, как пауки. Опередив очередную засаду всего на несколько секунд, Персей выхватил меч и очертил перед собой дугу, хотя не был уверен, что этот угрожающий жест кто-то видел.

— Да угомонитесь вы!

Старухи завизжали и забились в угол. Прижавшись друг к другу, они хрипели и тяжело дышали.

— Что мы сделали?

— Мы только задали вопрос.

— Мы только хотели посмотреть.

— Я его не видела! Где глаз? Отдай мне глаз, или, клянусь, этот зуб, который у меня во рту, тут же вонзится тебе в зад.

Щеки старух запали. Их чахлые тела были перекручены и вывернуты, а кожу покрывали язвы, распухшие рубцы и сочащийся гной. В полумраке Персей увидел, как что-то переходит из одних рук в другие. Круглое и блестящее — их единственный глаз.

Персей проглотил тошноту, которая накатывала снова и снова. Если боги будут милостивы, его взгляд упадет именно на те вещи, в которых он нуждается. Он мог бы вынести все, что было в пещере, и покончить со старухами прежде, чем те успеют сказать хоть слово. Но в этих развалинах он нашел только еще больше грязи и запустения. Зловоние распространялось волнами. Все еще держа меч наготове, Персей обдумывал, что же дальше. Гермес предупреждал его быть мягче, но как привлечь внимание грай, не применяя силы? Вооружившись всей мощью своего отца, он еще раз попытался получить их внимание и помощь.

— Мое имя Персей, сын Зевса, и я был послан бог...

— А он любит говорить о богах, да?

— Может быть, это он сошел с ума. Вот почему, наверное, он так часто повторяет одно и то же. Дайте мне его увидеть. Я до сих пор его не видела.

Ему не удалось закончить ни единой фразы. Неужели он слишком многого хочет?

— Вы невыносимы!

Громкий клекот эхом разнесся по пещере.

— О-о-о...

— Сын бога знает кое-какие громкие слова.

— Очень громкие слова.

— Я не думаю, что я невыносима. Вы считаете меня невыносимой, сестры?

Его терпение иссякло. Персей перепрыгнул через костер, схватил за запястье ту, что говорила, и оттащил ее от сестер. В мерцании тлеющих углей он приставил меч к ее горлу. Ее полупрозрачная кожа поддавалась клинку, и на лезвии появилась капля крови.

— Если вы не будете слушать меня по собственной воле, так тому и быть. Но вам придется. Я послан Гермесом. Мне благоволит Афина, богиня мудрости и войны. У вас есть вещи, которые нужны мне, чтобы выполнить свое предназначение — избавить мир от горгоны Медузы. Вы расскажете мне все как есть или познаете силу моего гнева.

Его последние слова эхом отразились от стен, и в воздухе пробежал холодок. Наступила тишина. С бешено колотящимся сердцем Персей ждал ответа. Он был рожден героем, напомнил он себе. Теперь старухи тоже это слышали. Тело в его руках напряглось. А через секунду она разразилась смехом.

— О-о-о, он поймал меня. Сестры, он поймал меня!

— Дай мне глаз. Я хочу это видеть.

— Он такой мускулистый! — Старуха начала ощупывать его руки, сжимая и щипая. — Возьми меня в плен, Персей, сын Зевса. Сделай бедную Эйно своей заключенной. Свяжи меня и выпори!

Старуха снова лающе рассмеялась. Две другие тут же присоединились.

— Нет, возьми меня, возьми меня. Она едва может согнуть колени, не упав.

— Возможно, такое ему и нравится. Я с радостью упаду перед тобой на колени, Персей. Знаешь, в отсутствии зубов есть свое преимущество! — Она влажно причмокнула губами.

Персея замутило; он боялся, что больше не выдержит их ужасных намеков, а затем та, которую, как он теперь знал, звали Эйно, сделала кое-что совсем отвратительное: принялась водить руками по ткани на своей груди, прижимаясь к нему и издавая низкие гортанные стоны.

— У нас здесь не так много мужчин. Останься ненадолго.

— Мы стары, но у нас все еще есть потребности.

— Хватит, — отрезал Персей и с отвращением отбросил Эйно к сестрам. Вопреки здравому смыслу, смех только усилился.

— Только посмотри на его лицо! Что за картина. Бьюсь об заклад, он никогда не видел обнаженной женщины.

— Дай мне посмотреть. Дай мне посмотреть! Мне нужен глаз.

— Ты уже видела его. Дай теперь мне. Сейчас моя очередь.

Все еще содрогаясь, он смотрел, как глаз быстро сменил владелицу. Блестящий и влажный, он перекатился из одной ладони в другую и с хлюпающим звуком исчез во впалой глазнице.

— Ах, бедный парень, — продолжали граи свои мерзкие сетования. — Он еще совсем мальчишка.

— Я хочу еще взглянуть. Что ты там с ним сделала?

— Вот ты жадина. Хватит жадничать!

Это было импульсивное решение, едва ли тщательно обдуманное. Персей не знал, в чьей руке глаз. Но в ту секунду, когда он увидел, как глаз падает из глазницы в ладонь, чтобы поменять хозяйку, Персей подскочил к старухам и схватил его. Пещера наполнилась криками.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь? Пемфредо, это ты? Прекрати. Прекрати!

— Это он. Это он!

Персей сжал глаз в руке. Посеревшая плоть поддалась и слегка сплющилась между его пальцами. Мучительный крик расколол темноту.

— Ты! — Старухи согнулись пополам от боли, потирая и царапая свои глазницы, словно он впибался ногтями прямо в их черепа. Предвидя такую реакцию, Персей чуть сильнее сжал глазное яблоко.

— Остановись! Остановись! Смилуйся над нами! — Между фразами они хныкали и скулили, как собаки на Серифе, избитые до полусмерти за украденную кость. Персей был не из тех, кто бросает камни в собак, пока они не оскалят зубы, но сестры не оставили ему иного выбора.

— Ваш глаз у меня. — В голосе Персея зазвучала отцовская властность. — Он у меня, и я раздавлю его, если вы не дадите мне того, что нужно.

— Нет! — Старухи пали на колени. Умоляющие, едва способные стоять от муки, которую он вызвал одним движением пальцев.

— Я был послан самим Гермесом, чтобы забрать вещи, необходимые мне, чтобы преуспеть в своей миссии.

Одна из женщин поползла вперед по полу.

— Верни глаз. Верни глаз, о милосердный, и мы дадим то, что тебе нужно.

— Сначала вы дадите то, что мне нужно, а потом я верну глаз.

— Как мы тогда увидим, глупец? — Из умоляющего голос стал горьким и ядовитым. — Ты хочешь, чтобы мы ползали по земле, слепые? Мы можем споткнуться и сломать себе что-нибудь или разбиться насмерть, пока ищем.

— Если вы беспокоитесь, что можете споткнуться, вам надо лучше заботиться о своем доме. Насколько я могу судить, вы находитесь в пещере, где нет риска упасть. Ни одна из опасностей, о которых вы говорите, не кажется мне вероятной. — Персей

снова чувствовал себя в своей тарелке. Расправив плечи, он продолжил: — И не волнуйтесь. У меня хорошая реакция. Я вас поймаю, если понадобится. А теперь скажите, где мне найти нужное, и я пойду.

Персей перестал сдавливать глаз, и крики сменились бормотанием. Хмурые лица старух прорезали такие невероятно глубокие морщины, что почти невозможно сказать, где когда-то были глаза, рот или нос. Просто складки кожи, тоньше, чем сухая трава в конце лета — ни плоти, ни мышц.

— Ладно, — наконец сказала одна, со столь же ощутимой досадой в голосе, как зловоние, которое продолжало исходить от них всех. — Ты найдешь то, что тебе нужно, в западной стороне пещеры. У входа. Оно там, позади, откуда ты пришел.

Персей украдкой огляделся. Свет немного помог, но если он снова куда-то повернет в темноте, то не сможет сориентироваться.

— Показывай дорогу, — велел он.

Теперь уже знакомый клекот разнесся в воздухе:

— Как? Мы ничего не видим, дурак ты этакий. Ты что, ничего не слышал? Мускулы у тебя есть, зато нет мозгов.

Неуверенность терзала Персея. Это вполне могло быть уловкой. Очередной прием, чтобы одержать над ним верх, как только к одной из них вернется зрение. Однако на сей раз он будет

готов. Персей вытащил кинжал, пересек пещеру и схватил ближайшую старуху за руку. Когда он дернул ее к себе, та пронзительно завизжала, как визжит свинья перед тем, как ей перережут глотку. Он впихнул глаз ей в ладонь, одновременно направив кончик клинка под ребро женщины.

— Любая хитрость, и я проткну этим твоё тело. Вы истощили моё терпение! — Старуха с хлопанием插ила глазное яблоко в левую глазницу. — Теперь пошевеливайся, —скомандовал Персей.

С изогнутой, словно крюк, спиной, едва доставая ему до бедра, старуха волочила ноги впереди Персея. Каждые несколько шагов она бросала взгляд через плечо, и тогда Персей тыкал ее лезвием между ребер, до тех пор пока грайя, вскрикнув или взвизгнув от боли, не продолжала путь. Остальные две вопили в углу. Их нестройные крики создавали неблагозвучный фон для этой нелепой ситуации. На Серифе даже к совершенно сумасшедшим старухам относились с некоторой долей уважения. Персей содрогнулся при мысли о том, что подумала бы мать, увидев его сейчас.

— Вот. Слева. В этой дыре. Тебе надо вытащить их. — Грайя остановилась и указала на расщелину в камне. Она привела его близко ко входу в пещеру, но ему еще предстояло убедиться, есть ли хоть зерно правды в том, что тут находятся нужные ему вещи. Если его подвели к расщелине, полной

скорпионов, в надежде, что те зажалят незваного гостя до мучительной смерти, то он этого так не оставит.

— Их вытащишь ты, — сказал Персей.

— Я? Ты разве не видишь, как я стара? Как я могу поднять такую тяжесть?

— Мне все равно, как ты это сделаешь. Просто сделай. — Он вонзил лезвие глубже в ее кожу. Его желудок скрутило, когда он почувствовал, что плоть немного поддалась. «Может ли нечто настолько иссохшее кровоточить?» — задумался Персей. И какого вообще цвета эта кровь? Конечно, ничто настолько серое не может истекать красной человеческой кровью. Он отбросил мысли о крови, потому что старуха, ворча что-то себе под нос, залезла в расщелину и вытащила рукоять меча. Даже в темноте металл сверкал.

— Вот, — сказала она. — Теперь ты мне веришь? Дольше я его не удержу. Бери, если хочешь. Будь я проклята, если стану держать его за тебя, пока не вывихну руки из суставов.

Не видя никаких признаков ловушки, Персей взялся за рукоять и вытащил меч. Изделия из такого металла ему еще держать не доводилось. Ни один кузнец на Серифе не ковал из этого металла, в этом Персей был уверен.

— Он сделан из адаманта, — пояснила грайя, словно прочитав его мысли. — Принадлежал самому Зевсу.

Персей крутанул клинок в руках, оценивая вес. Он был идеально сбалансирован, будто изготовлен специально для него.

— Где вы взяли такой меч? — спросил он.

Иссохшая старуха прищурила единственный глаз:

— Ты рассказываешь мне все свои секреты? Нет. Теперь он твой. Будь доволен этим.

В тусклом свете пещеры отражение Персея мерцало в мече.

— А что насчет кибиса? — донесся из глубины пещеры голос другой грайи, — Ему же понадобится кибис, так ведь?

— Да, да, понадобится. Отдай его ему, Дейно. Отдай ему.

— Я пытаюсь. Попробовала бы ты двигаться, пока тебе кинжал вонзается в ребра.

— Кибис? — переспросил Персей. Дейно насмешливо закатила глаз, описав им полный круг.

— Вот! — На этот раз она без опаски сунула руку в расщелину и вытащила оттуда коричневый мешок, похожий по размеру на тот, в котором Персей принес засоленные апельсины. Впрочем, теперь он уже планировал оставлять дары.

— Это для головы, — снова крикнула одна из оставшихся. — Когда отрежешь голову, положи ее сюда.

Взяв у нее мешок, Персей прищурился. Материал на ощупь был прочным, но легким, однако

мешок такого размера не сможет вместить целиком даже одну из змей, не говоря уже о целой голове Медузы.

— Положи в него меч! — Дейно поняла его сомнение. — Ты мне не веришь. Положи в него меч.

Поколебавшись всего мгновение, Персей открыл зашнурованный верх сумки, уверенный, что туда не влезет даже часть клинка. Но, пока он осторожно опускал меч в сумку, та изменила форму, удлинившись и сузившись так, чтобы вместить предмет.

— Голова горгоны поместится в нем идеально, как и любое другое твое приобретение, — сказала Дейно. Персей повертел мешок в руках. Он был просто невероятно легким.

— Это же работа богов? — сказал он, и тут же почувствовал себя глупым, настолько очевидными стали эти слова, только слетев с его губ.

— Да, — сказала грайя и впервые с тех пор, как Персей вошел в пещеру, посмотрела единственным глазом прямо на него. — Теперь ты получил то, что хотел, — выплюнула она. — Убирайся отсюда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Дни превращались в недели. В серых морях корабль сбивался с пути и плавал кругами. Густые облака скрывали звезды по ночам, лишая команду возможности отыскать дорогу. Днем только тусклый солнечный свет помогал им ориентироваться. А потом, в один день, туманы исчезли.

Облегчения, которое испытал экипаж при виде лазурного неба, капитан корабля не разделял. Персей чувствовал, что впереди уже маячит то самое событие, в воздухе звучал тихий гул, предупреждающий о неминуемой гибели. Каждый день, проведенный в море, приближал их к встрече с горгонами.

В ту ночь на ясном небе сверкали звезды. Море покрылось рябью, чернильные волны плескались вокруг корабля. Персей знал, это продлится недолго. Как и знал, что либо брат, либо сестра явятся к нему в последний раз, прежде чем он отправится навстречу судьбе. В глубине души Персей надеялся, что это будет Афина: ее мудрость и знание боя помогли бы ему приободриться. Но небо засверкало не серым, а золотым светом.

— Я слышал, ты неплохо припугнул грай! — Гермес взгромоздился на край кормы с небрежной самоуверенностью — к этой черте брата Персей уже успел привыкнуть.

— Я? Думаю, все было наоборот. Для слепых старушек они двигаются быстро.

— О да, знаю. Но ты преуспел в своей первой задаче. Должно быть, чувствуешь небольшую уверенность в себе.

Персей на мгновение задумался над этим. Скорее удача, нежели здравый смысл, помогла ему преуспеть у грай, не пролив крови, и он не был настолько наивен, чтобы думать иначе.

— Итак, — прервал его размышления Гермес. — Теперь, когда эта маленькая работа закончена, ты готов к тому, что будет дальше?

— Может ли хоть кто-то быть готов к горгонам?

— Горгоне, — сказал Гермес, подчеркнув, что это единственное число.

— Горгона? Там будет только одна? Откуда ты знаешь? — Эта мысль крутилась у него в голове

еще с тех пор, как он покинул Сериф, хотя Персей не выказывал беспокойство даже своим людям на корабле. Иногда, ловя их взгляды, он мог поклясться, что они думали о том же. Он должен был принести Полидекту голову Медузы, но она была всего лишь одной из горгон. Вполне вероятно, он даже не сможет добраться до их царицы. Если они чем-то похожи на грай, то все трое вполне могли быть не разлей вода.

— Сестры улетели. — Гермес в очередной раз продемонстрировал раздражающую способность озвучивать мысли Персея еще до того, как тот их произнесет. — Уже три недели, как они покинули остров. Если мои сведения верны, они наводят страх на корабли около островов Диапонтии.

— И когда они вернутся?

— Кто знает? Уверен, раз боги на твоей стороне, тебе должно хватить времени. Долго ли проникнуть в пещеру и обезглавить жрицу? — подмигнул Гермес.

— Жрицу?

— Жрицу? — Гермес удивленно покачал головой. — Какое странное я выбрал слово. Извини. Похоже, я слишком долго обходился без женского внимания, если у меня жрицы на уме. Как я говорил, обезглавить одно-единственное чудовище — дело недолгое, уверен.

Персей изогнул губы, не зная, как ответить. Наклонившись, Гермес начал расстегивать ремешки своих сандалий.

— Горгона — она же порождение моря, так ведь?

Гермес прищурился:

— Морские чудища. Вот как говорят? Почему бы и нет. Такая история не хуже других.

— Хорошо, что мне не придется бороться с ней в воде. — Персей почувствовал укол далекого страха. — Ведь не придется же?

Гермес рассмеялся:

— Я очень сомневаюсь в этом, брат. Я очень в этом сомневаюсь. Ну а теперь, — сказал он, и в его глазах снова заблестел огонек, — как насчет последнего подарка? И потом я позволю тебе продолжать путь.

Медуза воспользовалась тишиной и затеяла долгую, на несколько дней, уборку. Столетие за столетием, фигуры прибавлялись и прибавлялись. По воле богов многие статуи рассыпались; солнечный жар делал камень хрупким, лед и снег еще больше ослабляли его, сильная буря могла превратить десятки фигур в пыль всего за несколько дней непрерывного дождя и ветра. Другие стали жертвами скуки Сфено и Эвриалы в спокойные годы.

Подобно кошкам, которые продолжают играть и рвать тело мертвой мыши, сестрам нравились каменные статуи, украшавшие их сад. Иногда

они использовали когти, чтобы выцарапывать грубые картинки на каменных телах. Иногда применяли какие-то из сотен мечей и копий, которые оставались в рощах, поскольку наиболее здравомыслящие бежали обратно к своим кораблям, едва успев сойти на галечный пляж. Однако добраться туда у них не получалось. Бежавшие всегда были любимцами Эвриалы. Ей нравилось подныривать и падать вниз, дразня их как можно дольше, прежде чем наконец превратить в камень.

Многие статуи в саду были без рук, без голов или чего-то еще, что сестры сносили клинками, когда им приходило в голову так развлечься. Зато если отсутствовали головы, Медуза больше не чувствовала тяжести пустых взглядов: самый сильный страх, что может испытать человек, был направлен на нее, запах этого страха все еще после стольких лет висел в воздухе. Может быть, она сама все это сочинила, думала Медуза не раз. Запахи были просто способом пережить все это, как те крики, что не давали спать ночами.

Избавиться от статуй всегда было нелегко. Ее ненависть и жалость к мужчинам, которые приходили убивать ее, столь же неотделимы друг от друга, как те же самые чувства, которые она испытывала к сестрам. Так что она не торопилась, уничтожая их по одной.

Звуки волн, разбивающихся и разлетающихся пеной, доносились до ее ушей. Медуза протянула руку к одной из статуй. Осторожно коснулась

того места, где когда-то развевались волосы героя. Через секунду она обхватила его за горло и подняла. Одного за другим она подтаскивала их к краю обрыва и сбрасывала вниз, смотря, как человеческие силуэты разлетаются на куски.

Работа шла медленно. Из-за прохлады ее змеи сделались вялыми и раздражительными. Они боролись друг с другом, но часто в итоге жертвой их атак становилась Медуза. Их поведение напомнило ей братьев и сестер — нормальных человеческих братьев и сестер, — которые ругались и ссорились, но в вынужденной разлуке рыдали от горя. Конечно, змей едва ли было разлучить. Мысли о сестрах привели к мыслям о родителях, что еще больше замедлило работу. Они должны находиться в подземном мире уже тысячелетия, их имена забыты всеми, кто ныне живет на земле. При условии, конечно, что их похоронили. Эта мысль часто терзала Медузу. И в этом тоже она потерпела неудачу.

Отвлечшись, она не успела перетащить даже половину статуй к краю утеса, когда солнце начало клониться к закату. Поскольку сестры ушли, без сомнения, завтра у нее будет больше времени, чтобы закончить с оставшимися. Глядя на море, Медуза склонила голову и впервые за этот день заметила, что ветер переменился. Воздух будто потрескивал. Смутное напряжение собиралось вокруг туманящими голову потоками. Ее змеи тоже это чувствовали. Они притихли, прижимаясь к ней, будто готовились к драке. Она знала,

что это значит. Она чувствовала этот запах в воздухе точно так же, как и они. Еще один герой был на пути к ним.

Персей проверил ремень на щите в третий раз, а потом и в четвертый. Он все еще не очень хорошо разбирался в этом виде оружия: прежде у него никогда не было в том необходимости; единственные щиты, с которыми Персей имел дело на Серифе, были самодельными игрушками, их делали мальчишки, что играли с деревянными мечами. Даже в тренировках на корабле Персей быстро перестал использовать щит, чтобы отразить клинок противника, полагаясь вместо этого на проворные ноги. Однако, может, Персей и был неопытен, но точно не глуп. Он знал, что Афина не сделала бы такого подарка без причины, а сестре он до сих пор всегда доверял полностью. И все же в тот день, когда остров на горизонте стал увеличиваться, легкость защиты не прибавляла ему уверенности. Тонкий металл теперь казался непрактичным, будто змея могла пробить его одним укусом, не говоря уже о десятках рептилий, с которыми ему вскоре предстоит столкнуться. Оставалось надеяться, что Персею не придется подходить на расстояние укуса. И, по крайней мере, Медуза не услышит, как он приближается. Сандалии Гермеса должны это обеспечить. А учитывая его меч, Персей не мог

отделаться от мысли, что единственным слабым звеном в арсенале, который предоставили ему боги для убийства горгоны, был он сам.

Когда корабль встал на якорь в бухте, Персей велел приготовить маленькую шлюпку. Многие из его людей вызвались пойти с ним. Он подозревал, что они бы все пошли, даже без прямого приказа, но решил отправиться в одиночку. Лучше потерять лишь одну жизнь. По силе и мастерству Персей теперь превосходил даже самых умелых воинов из своей команды. Если он не преуспеет, немыслимо и представить, что это удастся одному из его людей. Пусть они поднимут паруса и приготовятся отплыть до того, как сестры горгоны вернутся и превратят их всех в камень из-за его глупости.

— Если я преуспею, то вернусь до первых лучей рассвета, — сказал он команде перед уходом. — Вы увидите, как моя лодка отчалит от берега. Если я не появлюсь до того, как солнце выйдет из-за горизонта, уплывайте. Не ждите. Ни при каких обстоятельствах не идите вслед за мной на остров. Плывите прочь. Плывите быстро. Боги будут на вашей стороне, в спину будет дуть попутный ветер. Когда достигнете земли, постройте алтарь богам за меня. Моему отцу. Моим брату и сестре. Если я не справлюсь со своей миссией, это будет из-за моих недостатков, а не из-за богов. Вы будете свободными людьми. По воле Афины, продайте это судно и разделите выручку между собой. Так вы станете богаты.

Персей подумал, что это будет настоящей проверкой преданности — посмотреть, обрадуются они его возвращению или нет.

Воины закивали и выдержали его взгляд. Несколько мужчин неуверенно улыбнулись. Гребя на шлюпке прочь от своих людей навстречу судьбе, он осознал, что это могли быть последние улыбки, которые он видел в жизни.

На этот раз только один. Медуза видела, как он обращался к команде с кормы судна. Это не было чем-то из ряда вон. Она уже видела подобное раньше. Слушала достаточно раз и знала: они говорили одно и то же, некоторые с чуть бóльшим красноречием, а некоторые с гораздо большей безрассудностью и грубостью, чем другие. Все они говорили о славе. О невообразимых богатствах и наградах, которые получают, когда с триумфом принесут домой ее голову. Многие упоминали или женщин, что упадут к их ногам, или мужчин, которых по возвращении заставят встать на колени. Медуза всегда старалась по возможности предоставить таких для игр сестрам. Мудрые оставляли послания семьям и друзьям. Однако мудростью, как она заметила, новоиспеченные герои обычно не были щедро одарены.

Так что за последние несколько столетий она перестала прислушиваться к их речам. Она услышала

достаточно. Снова и снова в голосах звучало высокомерие. Самонадеянность и самодовольство, с которыми они говорили о любом убийстве, не говоря уже о ее собственном, очень легко пробуждали волны гнева. Для Медузы груз каждой смерти от ее взгляда был тяжелее, чем любое каменное извращение, что она когда-либо создавала, а некоторые из героев считали это развлечением. Иногда ей очень хотелось, чтобы они знали: когда стоят там, на своих палубах, и разглагольствуют, с их уст срываются не победные речи, а надгробные.

За горизонтом заворчала далекая гроза. Получается, сегодня вечером у нее не будет преимуществ в виде сестер. В тот миг, когда она вернулась от моря, чтобы отступить в пещеры, змеи поднялись на дыбы. Они обвились вокруг ее головы, полные жизни и энергии, как в летнее утро. Высунув языки, они начали пробовать воздух вокруг себя.

— Что такое? — спросила Медуза. Она все еще пыталась понять, отчего они так встревожились, когда уловила аромат, исходивший от фигуры, приближающейся к берегу. Холодный и металлический, но в то же время свежий и фруктовый. Такого она раньше не чувствовала — по крайней мере, уже долгое время. Воспоминания зашевелились в глубочайших закоулках ее разума. Сердце Медузы затрепетало.

— Ко мне прислали какого-то бога, — прошептала она. — Ко мне прислали бога.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Новый способ передвижения оказался не слишком удобным. Вот, должно быть, каково это — быть богом, думал Персей, отталкиваясь от берега. К счастью, сюда он добрался на веслах и надел сандалии только после того, как вытащил лодку на сушу. Иначе он прибыл бы к горгоне, вымокший до нитки в морской воде. Сандалии были не самыми простыми в обращении; лучше бы ему кто-нибудь посоветовал немного потренироваться. У них были свои преимущества; колючие кусты и камни уже не преграждали путь — при условии, что зараз он преодолевал небольшое расстояние. Каждый раз, когда Персей делал шаг, не чувствуя почвы под ногами, его

желудок сжимался. Люди, осознал он, не созданы для полета. Броня на груди утяжеляла верхнюю часть тела, и Персей то и дело заваливался вперед. Не имея под ногами твердой почвы, которая помогла бы ему сохранять равновесие, он вскоре понял, что просто болтается в воздухе, размахивая руками, как неоперившийся птенец. И, как и многие птенцы, очень быстро упал с небес на землю. Вскоре он отказался от сандалий, по крайней мере на какое-то время. Остров был большим, и если все время беспорядочно летать туда и обратно, он вряд ли доберется до логова горгоны даже к восходу солнца. Сняв сандалии, Персей застегнул ремни на поясе и продолжил путь вглубь острова. Он воспользуется ими, когда подберется ближе. В конце концов, пока горгона уж никак не могла его слышать.

Шумный топот героя было слышно даже несмотря на бурю, которая пришла к берегу вслед за ним. Гром и зарницы теперь ополчились против змей. Каждая молния обжигала воздух жаром, заставляя рептилий отпрянуть и зашипеть. Фальшивый герой теперь весьма быстро приближался, направляясь по тропинке, ведущей в сад. Какое-то время Медуза надеялась, что он передумал; сбежал обратно в ночь, откуда пришел, как поступали только самые мудрые или самые трусливые.

Ее надежда жила недолго. Теперь никто никогда не поворачивал назад. Пока не начинали спасаться бегством. Оставалось только ждать.

Когда он вошел в сад, Медуза услышала, что его походка изменилась. Само по себе это не было необычно. Даже самые уверенные в себе люди отшатывались и спотыкались при виде своего скорого будущего, смотревшего на них каменными зрачками. Часто до нее долетали приглушенные вскрики и бормотание молитв, но этот мужчина молчал. У него по венам струится аромат Олимпа. Аромат богини.

Медуза простила себя, что не сразу распознала этот запах. Прошло два тысячелетия с тех пор, как она вдыхала сладкий аромат, и тогда ее чувства были далеко не такими острыми и отточенными. Но теперь, когда она все поняла, стало невозможно отмахнуться от воспоминаний, которые пришли с появлением этого незнакомца. Запах Афины витал вокруг него.

Медуза не сомневалась, что мальчик, пробившийся между статуй, один из героев богини. Или, по крайней мере, был им когда-то. Вероятно, он впал в немилость у богини мудрости. Все так, иначе зачем бы она отправила его на этот остров, если не для того, чтобы он встретил свой конец? Еще одна юная жизнь, в которой она больше не нуждалась. На мгновение Медуза закрыла глаза и задумалась, что такого он мог совершить, чтобы так разозлить богиню, но это было неважно. Она

хотя бы постарается сделать его смерть быстрой. Такую милость Медуза оказывала всем мужчинам, ступавшим на ее остров. Только закончив обдумывать все это, Медуза осознала, что шаги героя изменились. Они больше не отдавались эхом от земли, как обычно отдаются шаги человека. Вместо этого слышалось какое-то трепыхание.

— Сестры? — подумала она вслух, но тут же отбросила эту идею, едва только та сформировалась. Ее сестры не издавали таких звуков. Их огромные крылья рассекали воздух с изяществом пеликана, заходящего на посадку. А это было больше похоже на колибри. Или, может быть, зяблика. Что-то, подобного чему она никогда раньше не слышала. Ее кожу закололо, она распрямила плечи. Змеи зашипели в темноте — быстрое, сердитое шипение во всех направлениях. Много, много лет прошло с тех пор, как Медуза в последний раз испытывала это чувство. Страх. Она боялась.

Медленно пятясь, она добралась до одного из многочисленных входов в пещеры и скрылась из виду. Еще мгновение — и он тоже стоял в ее логове.

С трепещущим сердцем Медуза ждала, когда мальчик сделает свой ход. Все мужчины, которым ранее позволялось так далеко зайти, бросались вперед, уверенные, что, раз они прошли через сад, то успех им обеспечен. Но только не этот. Несмотря на ихор богов, бегущий по его венам, Медуза чувствовала, как волнение туманит его разум.

— Кто ты такой? — сказала она. — Почему богиня послала тебя?

Ее змеи были наготове. Чувство ужаса прошло так же быстро, как и появилось. Не страх перед этим мужчиной, осознала она, а просто воспоминания о богине заставили ее тело так реагировать. Он был просто мужчиной, мальчиком, как и все остальные, кого ей пришлось убить. Теперь, когда он преодолел вход в пещеру, от него шел теплый туман, который проникал внутрь, в прохладу теней. Медуза выругала себя за то, что позволила ему зайти так далеко. Теперь ей придется тащить статую в сад, прежде чем от нее избавиться. Дополнительная работа. Дополнительное время, когда ей придется смотреть в эти холодные, каменные глаза.

— Я знаю, что ты здесь. Ты должен повернуть назад, — выкрикнула она в темноту. — Тебе поручили безнадежное дело. Ни один человек не уйдет отсюда, и неважно, кто его послал. — Почти неразличимое жужжание все продолжалось, но Медуза услышала, что он забыл, как дышать. Она попыталась снова. — Иди. Пока у тебя еще есть шанс. Ты меня слышишь? Ты не захочешь встречаться со мной лицом к лицу, мальчик. Беги, пока еще можешь.

Еще одна пауза. Вдох, заметный только ей. Дрожь в воздухе еще до того, как первое слово сорвалось с его губ. Она ждала смелых заявлений. Провозглашения себя героем. Списка всех

его завоеваний. Убедительного монолога о причинах, по которым он первым преуспеет там, где все остальные потерпели неудачу.

Медуза собиралась обнаружить себя, обратить его в камень в тот миг, когда он начал бы свою речь, но герой произнес нечто совершенно неожиданное.

— Кто ты такая? — сказал он.

Слова, слетевшие с его губ, прозвучали глупо и по-детски. Персей знал, что должен произнести то, что прокручивал в голове. Смелые слова, восхваляющие богов. Благодарность отцу, брату и сестре. Возможно, он бы даже выкрикивал их имена, перерубая мечом горло чудовищу. Именно этого он ожидал. Чудовище. Гортанное рычание, шипение, брызгание слюной. Персей ожидал змеиного шипения, а не женского голоса.

Он попытался придумать себе объяснение; должно быть, он наткнулся на другой остров. Тот, где горгоны хранили свои трофеи. Возможно, эти твари держали ее в плену. Возможно, ее нужно спасти, и тогда она станет частью награды. Пора ему задать вопросы.

— Кто ты такая? — снова спросил Персей. — Меня зовут Персей. Я прибыл из Серифа.

— Я та, которую ты ищешь, — ответил голос.

— Я пришел за горгоной Медузой.

В ответ на его слова раздался смех, который отразился от стен пещеры, и нельзя было понять, откуда он доносился.

— Расскажи мне, — сказала она, — что ты сделал, чтобы так прогневить богиню, что она послала тебя ко мне? Ты должен был прилично ее разозлить.

— Разозлить?

— Афина, это она послала тебя, так ведь? — настаивал голос. — Я чувствую ее запах на тебе.

Персей с трудом попытался сосредоточиться. Такие изменения в ходе встречи его сильно запутали.

— Я сын Зевса. Богиня Афина — моя сводная сестра. Она отправила меня в путь со своим благословением.

— Со своим благословением? Будь осторожен. Ее расположение меняется так же быстро, как ветер.

Она играла с ним. Персей чувствовал это, а потом услышал. Незаметное, низкое и тихое, как жужжание крыльев Гермеса. Мелькание языков. Шипение змей.

— Ты и есть горгона. — Его пульс участился от осознания того, что все это время он был так близко к чудовищу и даже не понимал, как рискует.

— Я так и сказала. Я та, кого ты ищешь.

Быстро, как настоящий герой, Персей выхватил меч и описал им круг вокруг себя. Смех эхом

рассыпался по пещере, пока он вслепую размахивал мечом в воздухе.

— Лучше побереги силы, — сказала горгона. — Ты никогда не подойдешь достаточно близко, чтобы нанести удар. Мои змеи позаботятся об этом.

— Я тебе не верю.

— Тогда попробуй. Я здесь.

Раздался какой-то звук. Стук камня об пол. Взгляд Персея устремился в ту сторону, где по земле покатился небольшой камешек, остановившись на некотором расстоянии от его ног. Без сомнения, это была ловушка, но он вряд ли справится со своей задачей, стоя у входа в пещеру. И он шагнул вглубь.

Персей огляделся. Пещера была больше, чем у грай, и свет просачивался сквозь многочисленные щели и трещины, позволяя ему видеть немного лучше. Несколько проходов расходились в разные стороны. Он знал, что в одном из них спряталось чудовище.

— Если ты и есть горгона, почему бы тебе не сразить меня прямо сейчас? Зачем продолжать эту глупую игру, если все, чего ты хочешь, — убить меня? Я не знал, что тебе нравится играть со своими жертвами.

— Подозреваю, что ты вообще очень мало обо мне знаешь, — как ни в чем не бывало сказала она. — Скажи мне, Персей, сын Зевса, сводный брат богини мудрости. Она рассказала тебе, что случилось со жрицей, чтобы та удостоилась этого венца из змей?

— Жрицей? — То же самое слово использовал Гермес. — Ты была жрицей богини?

Ненадолго воцарилась тишина. Его пульс участился. Он держал меч наготове, пальцы сомкнулись на запасном кинжале на боку.

— Скажи мне, Персей, — заговорила жрица-горгона. — Ты успел повидать свет?

Он откашлялся и промолвил:

— Я капитан своего корабля. Я проделал путь от Серифа до этого острова...

— Как вели себя на этом пути, — перебила она, не дав ему возможности закончить, — твои люди — было ли их поведение достойным? Мужественным? Показывали ли они свою силу, похвалялись ли ею на причалах перед женщинами, которые кидали на них заинтересованные взгляды?

— Моя команда — хорошие люди. Наше путешествие было долгим. Мы не заходили в порт уже много недель.

— Но когда заходили? Полагаю, они пользовались некоторой свободой? Насколько широко? Заявляли ли они свои права на женщин? А что насчет тех, кто не искали их взглядов? Их оставляли в покое или подвергали нападкам и преследованиям, пока твои мужчины не удовлетворялись?

— Кто-то... — Персей шагнул вперед, наконец-то разгадав смысл ее намеков. — Какой-то мужчина взял тебя силой?

— Мужчина? — фыркнула она. Звук ее насмешки разозлил змей, заставив их зашипеть так ядовито, что волосы у него на затылке встали дыбом. — Ты думаешь, человек посмел бы вот так осквернить храм бога? Осквернить что-то священное для одного из богов? Кто-нибудь из твоих людей осмелился бы?

Ответа не требовалось. Ни один человек в здравом уме никогда бы не помыслил о таком.

— Бог? — прошептал он.

— Да. — Единственное слово тяжело зависло в воздухе. — Да. Это был бог — тот, кто взял меня так, что твои невинные глаза в ужасе отказались бы смотреть на это. Бог оставил меня в крови, сломил мою волю. А еще один бог — богиня — растоптала все, что у меня оставалось. Твой дядя и твоя сестра забрали все, что у меня было.

— Афина?

Она не удостоила его ответом.

— Боги не расплачиваются за свои проступки, Персей. Платят смертные. Боги, как и сильные мира сего, используют для своих замыслов тех, чьи голоса недостаточно громки, чтобы постоять за себя. Женщины. Слабые. Нежеланные. И никто не вступится за тех, кто больше всего в этом нуждается. С чего бы кому-то это делать? Вступаться за другого — значит рисковать потерять что-то самому. А человек не может заглянуть в толщу воды сквозь свое отражение.

С моря дул холодный ветер, но Персей не обращал на него никакого внимания. От слов горгоны его голова закружилась.

— Тебя наказала богиня? Из-за того, что с тобой сделал другой бог?

— Ты мне не веришь? — тут же резко ответила она. Персей потряс головой, и потом задумался, могла ли она вообще это увидеть.

— Как может быть, что я не знаю об этом? Почему люди не знают? Ты же должна была рассказывать об этом другим. — История его собственного зачатия через золотой дождь была известна повсюду. Как истории многих проклятых душ, прогневавших богов. Если подобное случилось бы со жрицей — все бы узнали.

Снова раздался горький смех, но теперь Персей слышал в нем печаль. Сердитое уныние.

— Четыре человека знали о поступках Посейдона и Богини. Мои родители — они умерли под моим взглядом, когда я не знала о его силе, и мои сестры, которые превратились в чудовищ более отвратительных, чем даже я, за то, что осмелились подвергнуть сомнению решение Афины.

— Нет, этого не может быть, — произнес Персей, хотя, говоря эти слова, он уже понимал, что история горгоны правдива.

— Что-то ты притих, — сказала она через какое-то время. — Понимаю. Ничто так не заставляет молчать, как правда. И теперь мне снова придется убивать, как тысячу раз прежде на этом берегу,

потому что у меня нет другого выбора. Мои змеи и богиня, не позволят ничего иного. Когда-то люди приходили ко мне за помощью, за советом. Теперь они приходят, чтобы делать меня убийцей, снова и снова.

Снаружи пещеры доносился шум волн, разбивающихся о берег. Внутри пещеры было слышно только змей. Персей заметил, что его рука больше не дрожит, и когда он шагнул вперед, его меч неподвижно висел сбоку. Шипение змей усилилось. Эхо же уменьшилось. Она не солгала о том, где прячется, подумал Персей, приближаясь к узкому проходу. Ненадолго остановившись, он прижался спиной к холодным, влажным стенам. На мгновение его мысли улетели от Медузы и вернулись туда, где бывали часто, — к матери. Найдется ли кто-нибудь во дворце Полидекта, кто заступится за нее? Она была женщиной, которую заставил забеременеть бог. По воле других вынужденная покинуть дом и вести жизнь, которую не хотела и не заслуживала. Никогда Персей не думал, что найдет хоть малейшее сходство между существом, которое пришел убить, и женщиной, которую ушел спасать, но теперь тревожился: если она скажет еще хоть что-то, он не сможет выполнить свою задачу. Прошло какое-то время, и он понял, что так и не ответил жрице. Но когда открыл рот, то не смог придумать ничего, кроме извинений.

— Мне очень жаль, — сказал Персей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Она чувствовала себя идиоткой. Что заставило ее заговорить с этим юношей? В этом не было никакого смысла. Тысячи лет Медуза ни разу не ощутила потребности делиться историей своего происхождения с кем-либо из мужчин, которые врывались на ее остров. Но сейчас все изменилось. Он пришел, ведомый Афиной, и если это так, то она должна была сорвать пелену с его глаз. Он должен увидеть богиню такой, какая она есть. Наконец Медуза услышала вздох.

— Мне очень жаль.

Потребовалось несколько секунд, чтобы она полностью осознала сказанное.

— Мне не нужно твое сочувствие, — сказала Медуза. — Меня уже давно не тревожат суждения смертных.

— И все же ты когда-то была человеком, так что должна знать, что слова могут иметь значение.

Она фыркнула в ответ, но его речи уже успели укорениться в ней. Конечно, она помнила о силе слов. Она помнила все об обещаниях и клятвах, и что случалось, если их нарушить. До сих пор помнила глаза всех женщин, чьи клятвы стали посмешищем по милости их неверных мужей. Она помнила, что ее собственное слабое человеческое тело гораздо больше пострадало от слов презрения богини, чем от любых действий Посейдона. Она знала, что правдивые слова человека ценнее легкомысленных даров бога. Но этот человек, этот мальчик? Он был просто еще одним убийцей, пришедшим за трофеем.

— У меня есть мать, — сказал мальчик, нарушая тишину.

— Как и у большинства людей, — ее краткий ответ был задуман как шутка, но отсутствие ответа заставило Медузу пожалеть. Она услышала, как он сглотнул. Его пульс сбился. Мягче, чем когда-либо за последние столетия, Медуза сказала:

— Расскажи мне.

Молчание затянулось; туман, который повисал в воздухе от его дыхания, теперь был так близко, что она могла почувствовать его вкус.

От его тела шел жар. Было ли это тепло полубога или просто человека? Медуза больше не знала — давно ей не доводилось вот так проводить время в компании человека. «Каково это — быть в таких теплых объятиях?» — задумалась она. Когда тебя прижимают к себе просто потому, что разделяют чувства. Змеи шипели, недовольные, что хозяйка грезит наяву. Конечно, этому не бывать. Она никогда больше не почувствует уюта теплых рук и человеческой плоти.

— Твоя мать, — напомнила она, побуждая его продолжать. — Расскажи о ней.

Не сразу, неохотно, слова начали слетать с его губ.

— Она вырастила меня. Были и другие люди, у меня была семья, но моя мать... она особенная. Звучит глупо, знаю. Каждый ребенок, должно быть, чувствует то же самое, но моя мать... она была избрана Зевсом не просто так. Лучшей матери я и желать не мог...

У Медузы закололо в сердце от воспоминаний об отце.

— Она помолвлена с человеком, — продолжил Персей. — С могущественным человеком. Царем.

— И это тебя не устраивает?

— Он гнусен, — выплюнул Персей. — Отвратителен и прогнил насквозь.

Медуза слушала, и в ее сердце росла жалость. Проход, в который она проскользнула, теперь

казался длиннее, чем раньше. Она не думала о риске, продвинувшись немного ближе к Персею, а тот продолжал говорить:

— Этот царь — у него нет совести. Он пожирал ее глазами, как какой-то трофей. Козу на убой. Моя мать сильная женщина. Храбрая женщина. Она столько пережила. И вот я думаю, насколько тяжким испытанием станет этот человек даже для нее. Когда я думаю... Когда я... — Он замолчал, уйдя в себя. Это было неважно. Медуза знала, что это значит. Она сама чувствовала подобное все эти годы.

— И ты здесь из-за него? — сказала она.

— Я обещал ему голову горгоны в качестве свадебного подарка.

— Действительно, щедрый дар. Ты знаешь, что мои глаза превращают в камень любого, кто бы ни взглянул в них?

— Знаю.

— Значит, твой подарок останется с ним навсегда?

— Я могу только надеяться.

Персей ждал ее ответа. Его тепло убывало, растворялось в воздухе вокруг. Солнце уже село, и лучи света, проникавшие в пещеру, быстро тускнели. Горгона была поблизости; он знал это. И все же, пока он прижимался к скале,

он оставался в безопасности. В безопасности в пещере горгоны. Даже он мог уловить иронию — чувствовать себя в безопасности в логове чудовища. Было ошибкой сообщить ей причину своего прихода. Теперь она знала его слабость. Возможно, она всегда так играла: убаюкивала воинов, пока те не почувствуют себя в безопасности, а потом наносила последний удар. В пьянящем оцепенении Персей понял, что опустил меч. Он поднял оружие в воздух.

— Я бы согласилась отдать тебе свою голову. С удовольствием. — Ее слова застали его врасплох. — Но этому не бывать. Богиня не позволит мне умереть. Мои змеи не дадут. Нет никакого способа. Я пыталась. Поверь мне, дитя. Я пыталась.

— Ты пыталась покончить с собой? — Персей не сумел скрыть удивления в голосе.

— Думаешь, я сама все это выбрала? Боги хотят заставить меня страдать вечно. Вот какова правда. Пока Зевс правит на Олимпе, а Афина имеет на него влияние, я обречена страдать.

Персей обдумал ее слова. Его конечности одеревенели. Стоять без движения и разговаривать он не тренировался, готовясь к своей миссии. Посмотрев вниз на зеркальную поверхность щита, он заметил глубокие складки, прорезавшие его лоб.

— Нет, — сказал он.

— Нет?

— Нет, — проговорил он. Такой уверенности Персей не ощущал с тех пор, как покинул Се-риф. — Я так не думаю. Я считаю, что боги послали меня к тебе не просто так. Я здесь для того, чтобы положить конец твоей жизни.

— Все думают, их послали сюда, чтобы решить мою судьбу.

— И скольким из них боги вручили такие дары, чтобы помочь справиться с задачей?

С бешено колотящимся в груди сердцем, он ждал ее ответа. Будь он хоть трижды полубогом, многие мужчины, более сильные, здоровые и лучше обученные, пали жертвой взгляда горгоны. Но он был здесь не для того, чтобы покончить с жизнью горгоны, понял Персей с неожиданной грустью. Он был здесь, чтобы принести покой жрице.

— Да, сандалии, — сказала Медуза. — Не уверена, что они окажутся полезны, когда ты будешь рубить мой хребет.

— Но меча Зевса должно хватить. — Дрожь пробежала по его спине от небрежности, с которой прозвучал его голос. Он поспешил продолжить: — И щит тоже. Подаренный мне Афиной.

До его ушей донесся еще один ее смешок, к которым он уже успел привыкнуть.

— Ты не махнешь мечом быстрее, чем я моргну. Мои змеи это обеспечат. Кроме того, они обогнут любую броню, какую бы ты для них ни приготовил.

— Сомневаюсь, что он для них. Щит, то есть. Я считаю, что он для тебя. Для твоего взгляда.

Это зеркало, и ничего похожего на него я в жизни не видел. Возможно, если ты посмотришь в него, змеи замешкаются от увиденного там. Это даст мне шанс нанести удар. Всего секунду, но я хорошо владею мечом. — Персей придвинулся ближе в сторону ее голоса. Решение верное. Он был уверен. Вот что боги предназначили для него. Не только обезглавить горгону, но донести ее историю всему миру. Ее правду.

— Я брошу щит на пол, — сказал он, приняв молчание жрицы за согласие. — Если ты сможешь наклонить голову и посмотреть в него, хотя бы на секунду, у меня хватит времени ударить.

Последовала еще одна пауза. Буря снаружи усилилась, и по земле из всех сил забарабанил дождь. Внутри же шипение приглушилось до низкого гула.

— Если ты ошибаешься, у меня не будет выбора. Я обращаю тебя в камень прежде, чем ты успеешь поднять руку.

— Но если я прав, я спасу и тебя, и свою мать.

— Меня уже не спасти, — ответила она, — в отличие от тебя. Ты можешь развернуться сейчас и уйти, сохранив свою жизнь.

Персей лишь на мгновение задумался над ее словами.

— Либо я покину этот остров с твоей головой, либо не покину вообще, — сказал он. — Пожалуйста, все получится. Позволь мне сделать это для тебя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Молчание длилось всего секунду. Секунда надежды. Секунда грусти. Теперь Медуза поняла, почему не разговаривала с этими людьми. Насколько труднее будет тащить каменную статую этого мальчика, Персея, — любящего, преданного, принесшего себя в жертву сына, — к краю обрыва, зная его миссию, чем всех тех безымянных героев, которые были до него. Ей придется убрать его немедленно, пока не вернулись сестры. Представить трудно, как они примутся донимать ее, если найдут статую так глубоко в своей пещере.

— Я бросаю, — сказал он. — Просто пообещай, что попробуешь.

Попробовать. Медуза хотела снова сказать ему, чтобы он бежал. Вернулся на Сериф и спасал мать с помощью меча и армии, как любой другой герой. Забыл то, что она ему рассказала. Но она знала, что он не станет слушать.

С мраком сомнений и страхов в сердце, она услышала лязг, когда зеркальный щит упал на землю, и только мгновение спустя увидела вспышку света. Ее глаза и глаза змей метнулись туда.

Впервые за две тысячи лет Медуза увидела себя так же ясно, как и всех людей, что вставали перед ней. Юная девочка, полная оптимизма, давно исчезла, но там, в глубине зрачков, она увидела крохотный проблеск надежды.

ЭПИЛОГ

Долгое время Персей спал, положив ее голову под кровать. Не из-за страха, что его люди могут что-то с ней сделать, хотя такая мысль приходила ему на ум. Он хранил ее ради себя и ради жрицы. Это было ее временное убежище после долгих лет мучений. Когда он вернется к Полидекту, то найдет место на Серифе, чтобы похоронить Медузу так, как она заслуживает. Сейчас же это было все, что он мог сделать.

С сумкой, раздувшейся от веса головы Медузы, Персей спустился по скалам и вернулся на берег, твердо решив, что оповестит весь мир, какова правда о жрице. Больше про нее не будут рассказывать ужасные истории о смерти, только

о почтении и благодарности. Жрица, которая жертвовала даже после смерти. Женщина, которая вручила себя Персею, чтобы спасти его мать от царя-тирана. Именно поэтому, когда он поднялся на борт корабля, в объятия своих людей, у которых слезы стояли в глазах, он снова и снова пытался объяснить, что его героизм был незаслуженным.

Однако все оставались глухи к его протестам. В ту первую ночь Персей понял, что никому не интересен рассказ о герое, который позволил обманутой жрице принести себя в жертву — если, конечно, дело не происходило в спальне, и жрица не была полуодета и не стояла на коленях. Они не слушали его рассказов об их взаимном обмене, а лишь снова наполняли чашу Персея и перекрикивали его радостными возгласами и восхвалениями. Тогда, один в переполненной комнате, Персей осознал, что выполнить обещание Медузе означало отречься от верности Афине, своей сестре, которая сделала все, что было в ее силах, чтобы он стал героем. Рассказать историю Медузы — значило бы превратить в чудовищ всех тех мужчин, что приходили до него и потерпели неудачу. А как же он сам? Будет ли мир уважать его милосердие с той же готовностью, с какой приняли его силу и храбрость?

По этой причине Персей молчал. В ту ночь и каждую ночь после той. Шли годы, и Персей

Дитя Афины

стал одним из величайших героев Греции, высоко почитаемым за свои подвиги. Тем временем правда о Медузе была утеряна, и все, что осталось, — легенда о чудовищах и героях, хотя мир так никогда по-настоящему и не узнает, кто есть кто.

БЛАГОДАРНОСТИ

Огромное спасибо Шармейн и Кэрол за их удивительные навыки, которые помогли мне отредактировать эту книгу, а также Seedlings Design Studio за то, что приняли во внимание все мои идеи для создания такой потрясающей обложки.

Спасибо всем моим редакторам, которые находят время, чтобы прочитать ранние черновики, и дают ценные отзывы, а также поддержку и воодушевление, Особая благодарность проницательным Люси, Ниове и Кэт.

Спасибо моему мужу, который помогает мне отыскивать время для того, чтобы писать, неустанно все проверяет и перепроверяет и не дает сбиться с пути.

Дитя Афины

Наконец, спасибо каждому читателю, который нашел время прочитать мою работу и послушать мои истории, а также прекрасным блогерам, которые так много сделали, помогая мне в этом путешествии. Эта книга была для меня таким полным страсти проектом, поэтому, пожалуйста, знайте, что каждая рекомендация другу, публикация в социальных сетях или доброе сообщение невероятно много значат для меня.

STONE HEDGE

ОБ АВТОРЕ

Ханна Линн — отмеченная наградами писательница. После публикации своей первой книги *Amendments* — мрачного антиутопического спекулятивного фантастического романа — в 2015 году она написала *The Afterlife of Walter Augustus*, современный фантастический роман с элементами сверхъестественного, который получил премию Kindle Storyteller Award 2018 года и золотую медаль за лучшую электронную книгу для взрослых на IPPY Awards, а также восхитительно смешную и трогательную серию *Peas and Carrots*.

Хотя она свободно перемещается между жанрами, все ее романы узнаваемы благодаря сюжетам, сосредоточенным на персонажах,

и удивительно ярким описаниям. В настоящее время она работает над серией городских фэнтези и переосмыслением другой классической греческой легенды.

Ханна родилась в 1984 году и выросла в Котсуолдсе, в Великобритании. После окончания университета она десять лет работала учительницей физики сначала в Великобритании, потом в Азии и в Австрийских Альпах. Вдохновленная воображением молодых людей, которых учила, она начала писать короткие рассказы для детей, а позже и художественную литературу для взрослых. Преподавательница, писательница, жена и мать, сейчас она живет в Аммане, Иордания.

ГДЕ КУПИТЬ НАШИ КНИГИ

Специальное предложение для компаний

Если вы хотите купить сразу более 20 книг, например для своих сотрудников или в подарок партнерам, мы готовы обсудить с вами специальные условия работы. Для этого обращайтесь к нашему менеджеру по корпоративным продажам: +7 (495) 792-43-72, b2b@mann-ivanov-ferber.ru

Книготорговым организациям

Если вы оптовый покупатель, обратитесь, пожалуйста, к нашему партнеру — торговому дому «Эксмо», который осуществляет поставки во все книготорговые организации. 142701, Московская обл., г. Видное, Белокаменное ш., д. 1; +7 (495) 411-50-74; reception@eksmo-sale.ru

Адрес издательства «Эксмо»
125252, Москва, ул. Зорге, д. 1;
+7 (495) 411-68-86;
info@eksmo.ru /www.eksmo.ru

Санкт-Петербург
СЗКО Санкт-Петербург,
192029, г. Санкт-Петербург,
пр-т Обуховской Обороны, д. 84е;
+7 (812) 365-46-03 / 04; server@szko.ru

Нижний Новгород
Филиал «Эксмо» в Нижнем
Новгороде,
603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29;
+7 (831) 216-15-91, 216-15-92, 216-15-93,
216-15-94;
reception@eksmonn.ru

Ростов-на-Дону
Филиал «Эксмо» в Ростове-на-Дону,
344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44а;
+7 (863) 303-62-10;
info@rnd.eksmo.ru

Самара
Филиал «Эксмо» в Самаре,
443052, г. Самара, пр-т Кирова, д.
75/1, лит. «Е»;

+7 (846) 269-66-70 (71...73);
RDC-samara@mail.ru

Екатеринбург
Филиал «Эксмо» в Екатеринбурге,
620024, г. Екатеринбург,
ул. Новинская, д. 2щ;
+7 (343) 272-72-01 (02...08)

Новосибирск
Филиал «Эксмо» в Новосибирске,
630015, г. Новосибирск,
Комбинатский пер., д. 3;
+7 (383) 289-91-42;
eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск
Филиал «Эксмо» в Хабаровске,
680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, лит. «Б», оф. 1;
+7 (4212) 910-120; eksmo-khv@mail.ru

Казахстан
«РДЦ Алматы»,
050039, г. Алматы,
ул. Домбровского, д. 3а;
+7 (727) 251-59-89 (90, 91, 92);
RDC-almaty@eksmo.kz

Если у вас есть замечания и комментарии к содержанию, переводу, редактуре и корректуре, то просим написать на be_better@m-i-f.ru, так мы быстрее сможем исправить недочеты.

STONE HEDGE

МИО Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

STONE HEDGE

Литературно-художественное издание
Red Violet. Темный ретеллинг

Линн Ханна

Дитя Афины

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Светлана Суroveгина*

Литературный редактор *Елена Николенко*

Арт-директор *Вера Голосова*

Иллюстрация на обложке *Дарья Исупова*

Верстка *Арина Багдасарян*

Корректоры *Надежда Болотина, Евлалия Мазаник*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

STONE HEDGE

Среди острых скал
одинокого острова поселился
кошмарный монстр. Бессчетное количество
воинов погубило чудовище, бывшее когда-то
прекрасной жрицей Медузой.

Как красота обратилась в нечто столь
безобразное? Как любящее сердце выгорело
дочерна? И что, если монстр — это жертва,
а герой-победитель — убийца?

Пришло время услышать голос Медузы.

«Боги не расплачиваются за свои проступки.
За них платят смертные. Эта идея пугающе
точно передана в книге “Дитя Афины”, где
божественная несправедливость настолько
велика, что истинными монстрами здесь
выступают бессмертные создания.
Узрите историю сломленной Медузы
и передайте дальше в мир, пусть люди
узнают правду о жрице».

Александр @raccoon_demigod

#ДитяАфины

Иллюстрация на обложке — Cactusute

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks